

Казанский социально-гуманитарный вестник

Информационный научно-аналитический журнал 2025, № 1 (68)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Минзарипов Рияз Гатауллович, доктор социологических наук, профессор. Президент Казанского (Приволжского) федерального университета, зав. кафедрой общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ. Почетный работник высшего профессионального образования РФ, г. Казань

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Шамсутдинова Ильдия Ильдосовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ, г. Казань

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляев Владимир Александрович, доктор политических наук, профессор. Заведующий кафедрой социологии, политологии и менеджмента Института инженерной экономики и предпринимательства Казанского национального исследовательского университета им. А.Н. Туполева – КАИ

Большаков Андрей Георгиевич, доктор политологических наук, доцент, заведующий кафедрой конфликтологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета

Ершов Андрей Николаевич, доктор социологических наук, профессор. Ректор Казанского института инновационного менеджмента и информатики. Почетный консул Франции в г. Казани. Академик Академии политической науки

Ефлова Мария Юрьевна, доктор социологических наук, профессор. Директор Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор. Заведующий кафедрой политологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета

Морозова Галина Викторовна, доктор экономических наук, профессор. Заведующая кафедрой связей с общественностью и прикладной политологии Института социально-философских наук массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета

Савельева Жанна Владимировна, доктор социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор. Декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования, заведующий кафедрой государственного управления, истории, социологии КНИТУ ХХТИ

Хайруллина Юлдуз Ракибовна, доктор социологических наук, профессор кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета

Шатунова Татьяна Михайловна, доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета

Шелкунов Михаил Дмитриевич, доктор философских наук, профессор. Заведующий кафедрой общей философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета

Howard Davis (Ховард Дэвис), professor, PhD in Sociology at the Bangor University, (Bangor, United Kingdom). BA Cambridge (UK). PhD Edinburgh (SCO)

Matsuzato Kimitak (Кимитака Мацузато), Doctor of Law, Professor at Hokkaido University (Sapporo, Japan) The Vice-President of The International Council for Central and East European Studies (ICCEES)

Tsygankov Andrei (Цыганков Андрей Павлович), PhD in Political Science, professor at San Francisco, California, US

Журнал включен в перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК (Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации)

Подписной индекс в объединенном каталоге «Урал-пресс» № 11899.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-75726 от 08 мая 2019 г.

Цена свободная

Компьютерная верстка, оформление обложки:

А.И. Галиуллина

Адрес редакции: РТ, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35, каб. 1606

Адрес в сети Интернет: www.kpfu.ru/isf/nmk/kazanskij-socialno-gumanitarnyj-vestnik

E-mail: kazvestnik@mail.ru

Подписано в печать 31.03.2025. Дата выхода в свет 31.03.2025.

Формат 70*108 1/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Печ. л. 5,35. Тираж 300 экз. Заказ № 104/3.

Отпечатано в типографии Издательства

Казанского университета

Адрес издателя и типографии: 420008, г. Казань,

ул. Профессора Нухина, 1/37 тел. (843) 206-52-14 (доп. 1705),

206-52-14 (доп. 1704)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ

Аль-Халеди Мухьялдин Мохаммед Ахмед. Отношение населения Йемена к наркотикам и наркопотреблению (на материалах эмпирического исследования).....	4
Дадаева Т.М., Ларихина Т.В. Факторы кибербуллинга в молодежной среде: социологический аспект	11
Захаров Ю.А., Логунова Л.Ю. Креативное управление: культурная, стратегическая, структурная, функциональная специфика.....	19
Минзарипов Р.Г., Гимаев И.З., Гильмеева Р.Х., Селиванова С.С. Религиозно-нравственная самоидентификация студенческой молодежи в вопросах семьи и брака	33
Низамова Л.Р., Гарифзянова А.Р. Этнические группы и языки Республики Татарстан в данных Всероссийской переписи 2020 года	42
Шиняева О.В., Емелин Д.В. Развитие инновационного потенциала студенческой молодежи в социальном пространстве высшей школы	51

ФИЛОСОФИЯ

Долинер М.Г. Добровольное рабство в либертарианстве: миф или необходимость	60
Мубаракшин А.И., Ибрагимова З.З. Техническая, творческая и метафизическая концепция виртуальных реальностей и их эвристика	65
Рожнов Р.А. Старый «новый атеизм»: проблема новаторского подхода в трудах	74
Шатунова Т.М. Свобода от интереса? Размышление об эстетике после кантовского юбилея	84

CONTENTS

SOCIOLOGY

- Al-Khaledi Moohialdin Mohammed Ahmed.** The attitude of the Yemeni population towards drugs and drug use (based on empirical research).....4
- Dadaeva T.M., Larikhina T.V.** Factors of cyberbullying among young people: a sociological aspect 11
- Zakharov Y.A., Lagunova L.Y.** Creative management: cultural, strategic, structural, functional specifics 19
- Minzaripov R.G., Gimaev I.Z., Gilmeeva R.Kh., Selivanova S.S.** Religious and moral self-identification of student youth in matters of family and marriage 33
- Nizamova L.R., Garifzyanova A.R.** Ethnic groups and languages of the Republic of Tatarstan in the data of the All-Russian Census of 2020 42
- Shinyaeva O.V., Emelin D.V.** Development of the innovative potential of students in the social space of higher education..... 51

PHILOSOPHY

- Doliner M.G.** Voluntary slavery in libertarianism: myth or necessity 60
- Mubarakshin A.I., Ibragimova Z.Z.** Technical, creative and metaphysical concept of virtual realities and its heuristics..... 65
- Rozhnov R.A.** The Old “new atheism”: the problem of the innovative approach in the works of Richard Dawkins 74
- Shatunova T.M.** Freedom from Interest? Reflections on Aesthetics after the Kantian Jubilee..... 84

5.4.4. – Социальная структура, социальные институты
и процессы (социологические науки)

Научная статья

Research article

УДК 316.36

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.1.4-10>

**Отношение населения Йемена
к наркотикам и наркопотреблению
(на материалах эмпирического исследования)**

Аль-Халеди Мухьялдин Мохаммед Ахмед

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д.18 корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Йемен – мусульманская страна, столкнувшаяся с резким ростом потребления наркотических веществ. В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на выявление отношения населения страны к наркотикам и наркопотреблению, и факторах ее определяющих. Отношение населения Йемена к наркотикам и наркопотреблению в значительной степени формируется под влиянием культурных, религиозных и социальных норм и демонстрирует противоречивую картину характера социокультурной среды йеменского общества.

Ключевые слова: йеменское общество, наркотизация населения, социокультурные процессы, отношение к наркотикам, наркопотребление, антинаркотические практики.

Для цитирования: Аль-Халеди Мухьялдин М. А. Отношение населения Йемена к наркотикам и наркопотреблению (на материалах эмпирического исследования). *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025; (1(68)):4–10.

**The attitude of the Yemeni population towards drugs
and drug use (based on empirical research)**

Al-Khaledi Moohialdin Mohammed Ahmed

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract. Yemen is a Muslim country facing a sharp increase in the consumption of narcotic substances. The article presents the results of an empirical study aimed at identifying the attitudes of the country's population towards drugs and drug use, and its determining factors. The attitude of the Yemeni population towards drugs and drug use is largely influenced by cultural, religious and social norms and demonstrates a contradictory picture of the nature of the socio-cultural environment of Yemeni society.

Keywords: Yemeni society, narcosis of the population, socio-cultural processes, attitude to drugs, drug use, anti-drug practices.

For citation: Al-khaledi M.A. The attitude of the Yemeni population towards drugs and drug use (based on empirical research). *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025;(1(68)):4–10. (In Russ.)

Введение

Йемен – страна, переживающая один из крупнейших гуманитарных кризисов, столкнувшаяся с резким ростом потребления наркотических веществ. Перманентная война на территории страны, часто неконтролируемая внешняя миграция и контрабанда, внутренняя миграция из деревни в город, слом традиционного уклада жизни, форм соседского, семейного и религиозного контроля выступают значимыми факторами маргинализации населения и подпитывают растущие группы риска его наркотизации. Количество употребляющих наркотики неуклонно возрастает. Если в 2000 году было 5 тыс. подростков в возрасте от 14 до 16 лет, которые регулярно употребляли наркотики, то уже в 2020 году их стало почти 10 тысяч. В Йемене зафиксированы случаи постановки на учет 12-13 – летних наркоманов. Детская смертность за последние 10 лет увеличилась в 42 раза из-за употребления наркотиков. Сложившуюся в стране обстановку ООН характеризует как гуманитарную катастрофу. По оценкам ее представителей, в Йемене 2/3 населения – 18,8 млн человек – нуждаются в поддержке, а более 7 млн испытывают голод. С января 2023 года цифра возросла на 3 млн. Йемен в настоящий момент является беднейшей страной арабского мира. Почти для двух миллионов йеменцев требуется немедленная помощь, чтобы сохранить или поддержать свою жизнь, а пятьсот тысяч детей Йемена остро страдают от недоедания [1].

Наркотизация вызывает помехи в функционировании социальной системы, происходит нарушение социального контроля, возникают криминализация общества и конфликты [2]. Одновременно происходит размывание социальных установок, основанных на знании людей о вреде наркотических средств [3], осмыслении

сущности динамического равновесия хаоса и порядка в современной социальной системе [4].

Материалы и методы

Проблема наркотизации и противодействия наркопотреблению в йеменском обществе на теоретическом и прикладном уровне почти не изучена в силу латентности проблемы и исторических особенностей развития страны, сложности ее современного социально-экономического и политического положения. Большинство данных фрагментарны и практически недоступны. Результаты исследования, направленные на получение информации из первых уст – от самих жителей, представляется особо актуальными и призваны хоть частично заполнить пробел в доступности эмпирических данных. Для выявления отношения населения страны к наркотикам и наркопотреблению и систематизации существующих практик наркотизации в условиях йеменского социума было проведено авторское эмпирическое исследование. В 2021-2022 гг. был проведен анкетный опрос населения страны по целевой выборке (N=498) на основе квот.

Результаты и обсуждения

Специфика социокультурного пространства, его характеристики, являются ключевым детерминирующим фактором наркотизации населения. Социальные факторы наркотизма впервые с позиций социологии комплексно начали анализировать советско-российские социологи в том числе А.А. Габиани [5, с. 19]. Он и другие исследователи [6-10] (А.Я. Гришко, В.В. Гульданд, И. В. Иванникова, О.Л. Романова, О.Н. Сиделева и др.) рассматривали роль социокультурного пространства, его характеристики, детерминанты наркотизации населения, отдельных социальных групп.

Наркотизация населения в Йемене – результат сложных социокультурных процессов. Отношение населения Йемена к наркотикам и наркопотреблению в значительной степени формируется именно под влиянием культурных, религиозных и социальных норм. Одним из значимых факторов, формирующих характер социокультурной среды йеменского общества, является ислам, который регулирует как религиозные, так и светские отношения. Закон выступает и в духовной, и в правовой сфере, определяя индивидуальное и коллективное поведение. Исторически в Йемене широко распространено употребление ката – легкого стимулятора, интегрированного в социальные практики. Однако война и нищета трансформируют традиционное использование ката в опасную зависимость, усугубляя его масштабы. Кроме того, страна зарабатывает на продаже и других сделках с катом, жители тратят в среднем 25% своего дохода на приобретение листьев этого растения [10 с.24].

Демографический бум, не обеспеченный необходимой социально-экономической инфраструктурой, становится причиной того, что именно молодежь до 30 лет составляет четыре пятых (79%) от актуальных потребителей наркотиков, тех, кто в рамках своего образа жизни демонстрирует более или менее регулярное употребление в немедицинских целях тех или иных наркотических средств.

По результатам опроса, подавляющее большинство респондентов (90,2%) считают проблему наркомании социально значимой. Однако представление о распространенности проблемы наркомании неоднозначно. Третья часть опрошенных (32,4%) полагают, что проблема наркомании в стране распространена, но не более, чем везде. Доля тех, кто считает, что проблема распространена, чуть меньше – 25,8%. При этом пятая часть

опрошенных считает, что наркомания совсем не распространена. Среди населения нет какого-то единого представления о степени распространенности проблемы. Почти одинаковые доли респондентов находятся на полярных точках зрения.

Не существует единства и в оценке динамики наркотизации в стране: 31,8% участников опроса считают, что количество наркоманов увеличивается; 22,4% считают, что количество наркоманов уменьшается; 10,2% считают, что количество наркоманов остается на прежнем уровне; 31,6% воздержались, не смогли определиться с ответом. В сочетании с распределением ответов на предыдущий вопрос можно говорить о несформированности мнения населения относительно проблемы и нежелании говорить о ней откровенно.

Возраст начала употребления наркотиков в Йемене, по мнению опрошенных следующий: относительное большинство (44,2%) уверено, что принимать наркотики начинают в возрасте 16-20 лет, 23,8% – в возрасте 21-25 лет, 5,8% – в возрасте 11-15 лет, 4,6% – в возрасте до 10 лет (рисунок 1). Большинство респондентов началом возраста употребления наркотиков отметило возраст 16-20 лет – период, жизненного страта – начала профессиональной и личной самореализации. Однако безработица и отсутствие перспектив не теновой занятости создают условия для асоциальных явлений. Наркотизации также способствует ограниченность возможности получения образования и как результат – низкий уровень образованности населения, в том числе и знаний о последствиях употребления наркотиков.

Местом покупки и приема наркотиков по мнению респондентов являются: 45,4% – дом, 33% – дискотека, 23,8% – кофейня, 18,8% – частная зона для курения, 16,2% – где угодно, 12,2% – двор, 9,2% – улица, 4,6% – ра-

Рисунок 1. Мнения респондентов о возрасте начала приема наркотиков в Йемене, в % к количеству опрошенных

бота, 4,2% – рынок, то есть практически везде можно получить доступ к наркотикам.

Мнения о доступности получения наркотиков у респондентов также поляризованы: в общей сложности ответы «очень легко» и «легко» дали 41% опрошенных, «трудно» и «очень трудно» – 34,4%. Отсутствие информированности в данном вопросе проявили 24,6% респондентов. Полярность ответов на данный вопрос свидетельствует о неоднородности общества и несформированности общественного мнения относительно доступности наркотиков в Йемене.

О катастрофическом уровне наркотизации свидетельствует тот факт, что каждый 20-й посчитал возможным приобретение наркотиков у представителей органов государственной власти и полицейских – людей, которые должны охранять от асоциальных и антисоциальных явлений по долгу своей службы.

Оценивая последствия употребления наркотиков, две трети респондентов (63,2%) считают, что злоупотребление ими приводит к когнитивной и интеллектуальной деградации. Около трети (30,2%) респондентов полагают, что последствием является психи-

ческая зависимость. Четвертая часть (25,6%) рассматривают употребление наркотиков как смертельный вред здоровью человека, 9,4% отмечают возникновение психической зависимости от наркотиков, 6,2% – потерю смысла жизни, 2% – возникновение зависимости от наркоторговцев, 1,8% – страх смерти. Соответственно, около 90% опрошенных понимают тяжелые последствия приема наркотиков как для соматического, так и психического и социального здоровья человека.

Процесс распространения и популяризации наркотиков обусловлен характером социальной среды. Значимым является социальное окружение, транслирующая определенные модели поведения и образ жизни. Для выявления распространенности употребления наркотиков, респондентам был предложен вопрос об употреблении наркотиков в их ближайшем окружении. В ответ 43,8% респондентов отметили, что никто из их ближайшего окружения не употребляет наркотики, 10,2% сообщили, что их друзья употребляют наркотики, 4% – соседи, 3,6% – знакомые, 2,2% – люди, которые с ними работают. В общей сложности примерно 29,2% опрошенных отметили, что в их окружении есть наркопотребители, то

есть почти треть населения страны находится в среде, где употребляют наркотики. Если сопоставить эти ответы и ответы на вопрос об источниках информации о наркотиках, можно предположить, что употребляющих в окружении респондентов больше, чем они признали. Кроме того, основная часть населения не считает кат наркотиком, и как результат даже регулярное употребление этого растения не считает наркозависимостью.

Неоднозначно отношение населения и по отношению к наркозависимым (рисунок 2). Половина – 50,4% опрошенных характеризуют наркомана как больного человека, 32,4% – как слабовольного человека и 18,8% описывают его как обычного человека с дурной привычкой, а 14,6% участников опроса характеризуют его как преступника. Несколько противоречащим пониманию наркомана как больного выглядит «резкое осуждение» их большинством опрошенных (56,6%). Ведь больных нельзя осуждать за их болезнь. Вполне возможно, что такое противоречие связано с противостоянием в сознании населения мусульманской этики, где алкоголь и наркотики – это однозначное зло, и информации из

современных средств масс-медиа, где раскрывается сущность наркозависимости, в том числе и как патологического состояния.

Что касается внутриличностных причин, влияющих на наркопотребление, то, согласно мнению респондентов: 49,4% видят причину в неудовлетворенности семейной жизнью, 40,6% – в желании «уйти» от разного рода проблем, а 34,2% – в удовольствии от острых ощущений, получаемых при употреблении наркотиков. Для 20,2% причина злоупотребления наркотиками в обществе видится в привычке к такому способу отдыха и проведения досуга, для 13,6% – в отсутствии цели в жизни, для 11,4% – в наличии заболевания, требующего наркотического способа обезболивания. Для десятой доли опрошенных (11%) внутренней причиной употребления наркотиков наркоманами стала замена ими традиционного алкоголя на наркотики, для 7% – физиологическая склонность и генетика, 3,6% – страх за несправедную жизнь и ощущение грехов.

В качестве внешних причин провоцирующих употребление наркотиков респонденты указывают на широкий спектр социальных проблем. К тако-

Рисунок 2. Отношение к тем, кто употребляет наркотики

вым опрошенные отнесли: 42,4% – конфликты в семье, 34,4% – отсутствие работы, 32,6% – проблемы с родными и близкими, 24% – деятельность по контрабанде наркотиков, 14% – нерегулярный досуг, 14% – проблемы с учебой, 12,2% – употребление наркотиков в ближайшем окружении, 10,6% – низкий уровень жизни, 9,2% – доступность наркотиков, 8,6% – семейное употребление наркотиков. Неблагополучие личности в семейных отношениях, внутрисемейные конфликты значительной частью респондентов воспринимается как основание для выбора наркотиков, в качестве альтернативного способа адаптации и ухода от проблем. Это можно интерпретировать как результат высокой значимости семьи как социального института в обществе с мусульманской этикой [5, с. 19].

Наркотизация населения как характеристика его образа жизни проникает во все сферы жизнедеятельности общества, разрушая социальное равновесие, ставя под угрозу будущее страны в целом. Перед йеменским обществом стоит сложный вопрос, как относиться и как строить антинаркотическую деятельность в условиях взрывного роста наркопотребления, особенно среди детей и молодежи.

Выводы

Таким образом, наркотизация обусловлена целым комплексом социальных проблем, характеризующих социокультурную среду современного

йеменского общества. Как результат, общественное сознание отражает весь комплекс проблем. Большая часть населения находится в состоянии безнадёжности, социальной апатии, и как результат демонстрирует практики асоциального поведения, замещая нереализованные амбиции получением удовольствия легкодоступными средствами, через употребление наркотиков.

Заключение

Знание о практиках наркотизации и отношения к наркопотреблению, полученные в результате опроса населения, демонстрируют противоречивую картину характера социокультурной среды йеменского общества. Экстремальные условия формируют новые модели поведения, что в совокупности выступают значимыми факторами маргинализации населения и подпитывают растущие группы риска его наркотизации, особенно молодежи. Наркотизация становится как формой эскапизма для населения, так и инструментом экономического выживания.

Сложившийся образ жизни населения Йеменской Республики требует оздоровления. Исчерпывающий комплекс решений по противодействию наркомании может быть реализован при сочетании мер сопровождения и контроля функционирования наркообщества и жизнедеятельности не только наркомана, но и его социального окружения, прежде всего, членов семьи.

Список литературы / References

1. В Йемене от голода страдают полмиллиона детей – ООН // Официальный сайт компании BBC. URL: <https://nv.ua/bbc/v-jemene-ot-goloda-stradajut-polmilliona-detej-oon-548847.html>

Half a million children in Yemen are suffering from hunger – UN // Official website of the BBC company. URL: <https://nv.ua/bbc/v-jemene-ot-goloda-stradajut-polmilliona-detej-oon-548847.html>

2. Рубан Л. С. Дилемма XXI века: толерантность и конфликт. М.: Academia, 2006.

Ruban L. S. The dilemma of the XXI century: tolerance and conflict. Moscow: Academia, 2006. (In Russ.)

3. Беккер Г. Аутсайдеры: Исследования по социологии девиантности. М.: Элементарные формы, 2018.

Becker G. Outsiders: Research on the sociology of deviance. Moscow: Elementary Forms, 2018. (In Russ.)

4. Mellema, G. Scapegoats. // *Criminal Justice Ethics*. 2000; (19)1: 3-9.

5. Габияни А.А. Наркотики в среде учащейся молодежи // *Социологические исследования*. 1990; (9): 84-91.

Gabiani A.A. Drugs among students // *Sociological research*. 1990; (9): 84-91. (In Russ.)

6. Гришко А.Я. О наркомании среди подростков // *Социологические исследования*. 1990; (2): 100-102.

Grishko A.Ya. On drug addiction among adolescents // *Sociological research*. 1990; (2): 100-102. (In Russ.)

7. Гульдан В.В., Романова О.А. Подросток-наркоман и его окружение // *Вопросы психологии*. 1993; (2): 44-48.

Guldan V.V., Romanova O.A. Adolescent drug addict and his environment // *Questions of psychology*. 1993; (2): 44-48. (In Russ.)

8. Романова О.Л., Иванникова И.В. Культурологические аспекты антинаркотического воспитания. *Вопросы психологии*. (1993)3: 47-53.

Romanova O.L., Ivannikova I.V. Cultural aspects of anti-drug education. *Questions of psychology*. (1993)3: 47-53. (In Russ.)

9. Сиделева О. Социокультуральные факторы распространения наркотизма в творческой среде [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.narcom.ru>.

Sideleva O. Socio-cultural factors of the spread of drug addiction in the creative environment [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.narcom.ru>. (In Russ.)

10. Таха А. Баашер. Наркотики в мусульманском мире // *Здоровье мира*. 1981; (8. (24)).

Taha A. Baasher. Drugs in the Muslim world // *World Health*. 1981; (8. (24)). (In Russ.)

11. Карабалаева Г. Т. Семейное воспитание и традиционные ценности ислама // *Вестник Кыргызского Национального Университета имени Жусупа Баласагына*. 2023; 1(113)54).

Karabalaeva G. T. Family education and traditional values of Islam // *Bulletin of the Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University*. 2023; 1(113)54). (In Russ.)

Информация об авторе

Аль-Халеди Мухьялдин Мохаммед Ахмед, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии, e-mail: alkhaledi@inbox.ru

Information about author

Al-khaledi Moohialdin Mohammed Ahmed, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology, e-mail: 89173914070@mail.ru

Поступила в редакцию 11.02.2025; принята к публикации 16.03.2025.
Received 11.02.2025; Accepted 16.03.2025.

5.4.4. – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

Научная статья

Research article

УДК 316.42

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.1.11-18>

Факторы кибербуллинга в молодежной среде: социологический аспект

Дадаева Т.М., Ларихина Т.В.

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарева, 430005, Саранск, ул. Большевистская, д. 68, Российская Федерация*

Аннотация. В статье на основе данных количественного социологического исследования (n = 600) измеряются представления, степень распространенности и факторы вовлечения в деструктивную практику кибербуллинга среди студенческой молодежи. Выявляется, что студенческая молодежь знакома с практиками кибербуллинга, примерно треть опрошенных хотя бы раз сталкивались с его проявлением в свой адрес, а наиболее частым видом кибербуллинга выступает троллинг. Делается вывод, что среди факторов кибербуллинга можно отметить распространенность агрессии в сети и в обществе в целом, стремление к самоутверждению за счет жертв, привлечение внимания и психические (психологические) расстройства.

Ключевые слова: кибербуллинг, деструктивные практики, интернет, агрессия, молодежь, социологическое исследование.

Для цитирования: Дадаева Т.М., Ларихина Т.В. Факторы кибербуллинга в молодежной среде: социологический аспект. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025; (1(68)):11–18.

Factors of cyberbullying among young people: a sociological aspect

Dadaeva T.M., Larikhina T.V.

*National Research Mordovia State University, 430005, Saransk,
68 Bolshevistskaya St., Russian Federation*

Abstract. Based on data from a quantitative sociological study (n = 600), the article measures perceptions, prevalence, and factors of involvement in the destructive practice of cyberbullying among students. It is revealed that students are familiar with the practices of cyberbullying, about a third of the respondents have at least once encountered its manifestation in their address, and trolling is the most common type of cyberbullying. It is concluded that among the factors of cyberbullying, one can note the prevalence of aggression on the web and in society as a whole, the desire for self-affirmation at the expense of victims, attracting attention and mental (psychological) disorders.

Keywords: cyberbullying, destructive practices, Internet, aggression, youth, sociological research.

For citation: Dadaeva T.M., Larikhina T.V. Factors of cyberbullying among young people: a sociological aspect. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025;1(68):11–18. (In Russ.)

Введение

В современном мире информационные технологии продолжают развиваться и проникать во все сферы общественной жизни, предоставляя возможности для более комфортного существования, такие как виртуальное общение в реальном времени без учета расстояния, новые способы реализации профессиональных навыков и доступ к различным платформам для самообразования. Эти примеры иллюстрируют потенциал, который предлагает глобальная сеть Интернет. Однако научно-технический прогресс имеет и негативную сторону, к ней относятся появление новых форм деструктивных практик, включая кибербуллинг.

«Социальные сети сегодня становятся самостоятельным агентом социализации, активно формирующим определенный тип личности, оправдывающий или, в лучшем случае, неосуждающий насилие и деструктивность» [1, с. 109]. На дуальный характер социальных сетей (не только положительный, но и отрицательный) указывают данные, полученные в ходе социологического исследования отношения студенческой молодежи к деструктивным практикам (n=1123, студенты дневного отделения МГУ им. Н. П. Огарева 18 лет и старше, май–июнь 2022 г.). Так, «большинство опрошенных студентов в социальных сетях сталкивались с распространением слухов, ложной информации (71%), с обманом, мошенничеством (62%), с распространением вредоносных ссылок, содержащих вирус (55%), с оскорблениями в свой адрес или в адрес знакомых (37%), с распространением информации, призывающей к агрес-

сии в отношении людей другой национальности (28%)» [1, с. 113].

Широкое распространение виртуальных деструктивных практик в молодежной среде рассматривается как следствие дисфункциональности системы цифровой социализации подрастающего поколения. В условиях возрастающей роли интернета в модернизации различных сфер общественной жизни тенденция массовой сетевой девиации противоречит перспективам инновационного развития российского общества. В связи с этим изучение факторов вовлеченности современного молодого поколения в деструктивные практики кибербуллинга представляется чрезвычайно актуальным.

В настоящее время в зарубежных и отечественных источниках кибербуллинг рассматривается как вид травли, подразумевающий под собой со стороны преследователя преднамеренное агрессивное, враждебное поведение, проявляющееся в форме социальной изоляции, принуждения, запугивания, вымогательства на протяжении продолжительного времени (группой или индивидом) с помощью современных средств коммуникации и направленные против жертвы, которая не может себя легко защитить [2,4,5,7].

Сущностную специфику кибербуллинга формируют объективные свойства среды. Так, в результате практически полного отсутствия социальной иерархии, люди склонны вести себя в Интернете гораздо более откровенно и вызывающе, чем в реальной жизни [9]. В виртуальной среде пользователи могут действовать согласно своим предпочтениям, скрывая при этом реальные аспекты своей личности [6].

Анонимность, в свою очередь, резко увеличивают шанс на то, что пользователи будут действовать аморально [8].

По нашему мнению, *кибербуллинг* – это вид деструктивной практики, травли, осуществляемый при помощи интернет-технологий, включающий умышленное повторяющееся агрессивное поведение со стороны преследователя (преследователей), в форме принуждения, запугивания, вымогательства в отношении лица (жертвы), которое не способно себя защитить.

Несмотря на наличие большого количества научных работ, посвященных кибербуллингу, социальные представления агрессора и жертвы изучены недостаточно, что и определило цель данного исследования. Проблема кибербуллинга становится все более актуальной из-за разнообразия его проявлений и серьезных негативных последствий для всех участников конфликта: жертв, агрессоров и свидетелей.

Методы

Эмпирической базой исследования послужили данные анкетного опроса «Кибербуллинг в современном интернет-пространстве», проведенный в 2024 году в Республике Мордовия. Всего опрошено 600 респондентов: 276 юношей (46%) и 324 девушек (54%), в возрастной структуре представлены 18–20 лет (82%), 21–25 лет (18%); обучаются в вузе 72% опрошенных, в ссузе – 28%; проживают в г. Саранске – 30%, в другом городе (селе или населенном пункте) Республики Мордовия – 70%.

Результаты и обсуждения

Обратимся к результатам социологического исследования. Тематические блоки бланка анкеты включали: социально-демографический портрет пользователя интернета, опыт негативного общения в социальных сетях,

представления о нормах поведения в интернете, этика поведения в интернет-среде, меры профилактики.

Один из вопросов анкеты касался осведомленности респондентов о понятии кибербуллинга. Полученные данные характеризуют степень распространенности информации по данной проблеме и косвенно позволяют определить возможный уровень вовлеченности самих опрошенных в такие практики. Так, 95% респондентов знают понятие «кибербуллинг», в том числе 14% что-то слышали о данном явлении, 5% – не знакомы с данным понятием.

Результаты опроса подтверждают распространенность агрессии (как фактора кибербуллинга) в сети. Так, на вопрос «Как часто Вы сталкиваетесь с агрессией в интернете?» большинство респондентов (71%) ответило, что сталкивались с агрессией в интернете (из них 20% – часто сталкивались с подобными практиками, 51 % – редко), а 29% – не встречали агрессию вовсе. Чаще, чем в среднем по выборке, с негативным отношением к себе сталкиваются представители молодежи в возрасте 21–25 лет.

Следующий ряд вопросов касался половозрастных характеристик акторов кибербуллинга. Данный аспект крайне важен в рассмотрении проблемы, поскольку «социальный портрет» является инструментом анализа общественных явлений. В целом большинство опрошенных (73%) считают, что проявление агрессии в интернете не зависит от пола, однако 12% указывают на то, что проявление агрессии характерно со стороны «преимущественно мужчин». В вопросе о возрастном аспекте проявления агрессии 38% считают, что деструктивное поведение не зависит от возраста, 24 % чаще определяют частоту проявления в возрасте от 15 до 19 лет, 18 % – до 14 лет, 9 % – от 25 лет и старше и 6% – от 20 до 24 лет.

Остальные 6 % затруднились при выборе ответа.

При ответе на вопрос «Как Вы считаете, на кого чаще направляется агрессия в интернете?» большинство респондентов (68%) придерживались мнения, что включенность людей в статус сетевой жертвы не зависит от пола, 16% считают, что агрессия преимущественно направлена на женщин. Большинство опрошенных (55%) отметили, что направленность агрессии не зависит от возраста жертвы, 17 % полагают возраст жертвы от 15 до 19 лет. Выявлена статистически значимая зависимость ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, на людей какого возраста чаще всего направляется агрессия в интернете?» от возраста опрошенных. В частности, респонденты в возрасте от 21 до 25 лет чаще считают, что агрессия направлена на людей от 20 лет и старше. Возможно, это связано с переоценкой ситуации агрессии, которые происходили с ними ранее, более критической оценки происходящего вокруг с позиции социально-сформировавшейся личности (таблица 1).

Основными причинами участия молодежи в деструктивных практиках

являются: стремление к самоутверждению за счет жертв (67%); привлечение внимания (53%); психические (психологические) расстройства (41 %). Результаты опроса показывают различия в ответах юношей и девушек.

Примерно треть опрошенных (31%) хотя бы раз сталкивались с проявлением кибербуллинга в свой адрес, в том числе 11% – сталкивались неоднократно. Согласно результатам опроса, респонденты чаще всего сталкивались с таким видом кибербуллинга, как троллинг (77%). Далее следуют бойкот (46%) и домогательство (29%). В гендерном разрезе девушки чаще сталкиваются с такими видами онлайн-агрессии, как домогательства (38% против 22% у юношей) и киберсталкинг (13% против 2%, соответственно). Юноши предпочитают не отвечать на вопросы, связанные с этой темой (11% против 5% у девушек), что может быть связано с гендерными стереотипами, поощряющими мужчин подавлять свои эмоции и скрывать слабости (таблица 2).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, на людей какого возраста чаще всего направляется агрессия в интернете?» в зависимости от возраста, в %

Вариант ответа	Возраст		В среднем по выборке
	18–20	21–25	
Не зависит от возраста	53	57	55
До 14 лет	11	8	10
От 15 до 19 лет	18	16	17
От 20 до 24 лет	2	9	6
От 25 лет и старше	3	4	3
Затрудняюсь ответить	13	6	9
Итого	100	100	100

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос
«Какие формы кибербуллинга проявляли пользователи интернета
по отношению к Вам?» в зависимости от пола, в %**

Вариант ответа	Пол		В среднем по выборке
	Мужской	Женский	
Троллинг	72	82	77
Бойкот	42	50	46
Домогательства	22	38	29
Аутинг	5	13	8
Диссинг	6	8	7
Киберсталкинг	2	13	7
Все перечисленное	3	2	4
Не буду отвечать на данный вопрос	11	5	8
Итого	163	211	186

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос
«Как Вы считаете, почему люди включаются
в практики кибербуллинга?» в зависимости от пола, в %**

Вариант ответа	Пол		В среднем по выборке
	Мужской	Женский	
Самоутверждаются за счет жертв	53	79	67
Привлекают к себе внимание подобным образом	41	62	53
Это результат психических (психологических) расстройств	29	51	41
Возможно, к ним самим проявляли (-ют) агрессию	30	45	38
Из-за личных проблем, с которыми они столкнулись в определенный момент времени	30	38	35
Из-за отсутствия возможности самореализации	26	40	34
Из-за плохих отношений с семьей / внутри семьи	27	34	31
Для них это привычный способ общения / форма поведения	25	35	30
Из-за бедности, плохого качества жизни	19	26	23
Из-за отсутствия настроения в определенный момент времени	23	22	23
Из-за роста проявления агрессии и жестокости в обществе в целом	23	23	23
Затрудняюсь ответить	23	8	15
Итого	349	463	413

Статистически значимые различия выявлены в ответах респондентов с высшим образованием и жителей Саранска в ответе на вопрос «По Вашему мнению, какие действия должен предпринять человек, который сталкивается с проявлением кибербуллинга по отношению к себе?». Так 70 % студентов вузов (против 57 % студентов ссузов) и 71 % жителей г. Саранска (против 56 % жителей иных населенных пунктов) предложили добавить агрессора в черный список, заблокировать (таблица 4). Это подтверждают и данные ВЦИОМ за 2021 г.: «половина российских интернет-пользователей (49%) полагают, что лучший способ решить проблему в случае оскорблений и агрессивного поведения в интернете –

заблокировать обидчика и удалить его из контактов» [3].

Мы хотели определить степень распространенности и одобрения в общественном мнении позиции наблюдателя. Сначала мы задали вопрос: «Были ли вы непосредственным свидетелем проявления кибербуллинга по отношению к другим пользователям в интернете?». Ответы разделились примерно пополам: 43% опрошенных сообщили, что были свидетелями инцидента, 57% сказали, что не были. Участники, вовлеченные в наблюдение за деструктивным поведением в интернете, также разделились примерно поровну: 57% обычно не защищают жертву кибербуллинга, в то время как 43% иногда вмешиваются. Согласно опросу,

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Какие действия должен предпринять человек, который сталкивается с проявлением кибербуллинга по отношению к себе?», в зависимости от уровня обучения и места проживания, в %

Вариант ответа	Место обучения		Место проживания		В среднем по выборке
	Ссуз	Вуз	Другой н/п РМ	Саранск	
Добавить агрессора в черный список, заблокировать	57	70	56	71	65
Попытаться не обращать на это внимание, проигнорировать	49	58	48	59	56
Пожаловаться с помощью инструментов социальной сети на неприемлемый контент	35	51	40	48	46
Рассказать родителям, родственникам	31	39	38	37	37
Рассказать друзьям	13	28	19	25	23
Рассказать своему(-ей) парню / девушке, мужу / жене	15	26	19	25	23
Обратиться в полицию	16	25	23	23	23
Рассказать учителю / преподавателю	10	16	11	15	14
Попытаться вступить в диалог с агрессором, чтобы он прекратил	14	10	7	12	11
Удалить свой аккаунт	4	4	3	4	4
Итого	244	327	264	319	302

78% чаще всего заступались за жертву агрессии, потому что считали ее невиновной, 40% – из чувства морального долга, 25% опираясь на личный опыт, и 21% – потому что это был их родитель, родственник или знакомый. Чуть больше половины студенческой молодежи не стали поддерживать жертву кибербуллинга из-за того, что не были знакомы лично (58%) и ощущали бессмысленность (55%).

Выводы

Таким образом, на основании результатов социологических исследований мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, студенческая молодежь знакома с практиками кибербуллинга, а примерно треть опрошенных (31 %) хотя бы раз сталкивались с его проявлением в свой адрес. Наиболее частым видом кибербуллинга является троллинг (77%). Во-вторых, респонденты отметили, что ни пол, ни возраст не влияет на вовлеченность молодежи в систему «агрессор – жертва». Однако стоит обратить внимание, что вторыми по количеству выбранных вариантов были: с позиции агрессора – «преимущественно мужчины» в возрасте «от 15 до 19 лет», с позиции жертвы – «преимущественно женщины» в возрасте «от 15 до 19 лет». В-третьих, основными факторами вовлечения в деструктивную практику кибербуллинга, являются: стремление к самоутверждению за счет жертв (67 %), привлечение внимания (53 %), психические (психологические) расстройства (51%).

Заключение

Социализация молодежи в современных условиях устанавливается под

влиянием важнейшего социального агента – социальных сетей. Интернет активно способствует формированию нового образа жизни индивидов, проявлению и закреплению определенных адаптированных под запросы цифрового мира моделей поведения, в том числе и тех, которые оцениваются как «деструктивные». Стоит подчеркнуть, что на этот процесс значительно оказывает влияние именно объективные свойства цифровой среды такие как: анонимность, интроекция, непрерывность, увеличение количества свидетелей, диссоциативное воображение, невидимость, отсутствие пространственных границ. Наряду с этим стоит подчеркнуть, что молодежь отличается повышенной восприимчивостью к образцам поведения людей из своего социального окружения. Также среди факторов кибербуллинга можно отметить распространенность агрессии в сети и в обществе в целом, а также стремление к самоутверждению за счет жертв, привлечение внимания, психические (психологические) расстройства.

Из приведенного в данной статье анализа отношения молодежи к кибербуллингу становится ясно, что данная тема крайне актуальна и нуждается в дальнейшем эмпирическом измерении. В этой связи на уровне государственного управления необходимо выработать механизм по постоянному мониторингу и противодействию вовлеченности молодежи в цифровые деструктивные практики, формируя культуру уважительного цифрового взаимодействия.

Список литературы / References

1. Дадаева Т. М. Отношение молодежи к деструктивным практикам в цифровом пространстве. *Society and Security Insights*. 2022; (5 (4)): 108–125.

Dadaeva T. M. The attitude of youth to destructive practices in the digital space. *Society and Security Insights*. 2022; (5 (4)): 108–125. (In Russ.)

2. Ефимова Е. С. Кибербуллинг как проблема психопедагогики виртуальных сред. *Успехи в химии и химической технологии*. 2014;7 (156):65–66.

Efimova E. S. Cyberbullying as a problem of psychopedagogy of virtual environments. *Advances in chemistry and chemical technology*. 2014; 7 (156): 65–66. (In Russ.)

3. Кибербуллинг: масштаб проблемы в России [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kiberbulling-masshtab-problemy-v-rossii> (дата обращения: 01.11.2024).

Cyberbullying: the scale of the problem in Russia. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kiberbulling-masshtab-problemy-v-rossii> (accessed 01.11.2024). (In Russ.)

4. Ковалева С. Е. О некоторых актуальных социально-психологических проблемах виртуальной коммуникации в информационную эпоху. *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс*. 2017; (5-6(39-40)): 122–127.

Kovaleva S. E. On some actual socio-psychological problems of virtual communication in the information age. *The 21st century: the results of the past and the problems of the present plus*. 2017; (5-6(39-40)): 122–127. (In Russ.)

5. Макарова Е. А., Макарова Е. Л., Махрина Е. А. Психологические особенности кибербуллинга как формы интернет-преступления. *Российский психологический журнал*. 2016; (13 (3)): 293–311.

Makarova E. A., Makarova E. L., Makhrina E. A. Psychological features of cyberbullying as a form of Internet crime. *Russian Psychological Journal*. 2016; (13 (3)): 293–311. (In Russ.)

6. Плешаков В. А. Киберсоциализация человека: от HomoSapiens'a до HomoCyberus'a : моногр. Москва: МГПУ: Прометей, 2012. 211 с.

Pleshakov V. A. Cybersocialization of Man: from HomoSapiens to HomoCyberus: a monograph. Moscow: Moscow State Pedagogical University: Prometheus, 2012. 211 p. (In Russ.)

7. Belsey B. Cyberbullying: An Emerging Threat to the «Always On» Generation. Available at: <https://billbelsey.com/?p=1827> (accessed 20.10.2024).

8. Nogami T. Reexamination of the association between anonymity and self interested unethical behavior in adults. *The Psychological Record*. 2009; (59(2)): 259–272. DOI:10.1007/BF03395662.

9. Suler J. The Online Disinhibition Effect. *CyberPsychology & Behavior*. 2004; (№ 7(3)): 321–326. DOI:10.1089/1094931041291295.

Информация об авторах

Дадаева Татьяна Михайловна, д.с.н., профессор, доцент, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, кафедра социологии и социальной работы. Author ID 307781; ORCID ID 0000-0002-9749-9244, e-mail: dadaeva13@mail.ru

Ларихина Татьяна Владимировна, аспирант, преподаватель, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, кафедра социологии и социальной работы. Author ID 1217397; ORCID ID 0009-0001-3546-0678, e-mail: larihina.tv@mail.ru

Information about authors

Dadaeva Tatyana Mikhailovna, Doctor of Social Sciences, Professor, National Research Mordovia State University, Department of Sociology and Social Work. Author ID 307781; ORCID ID 0000-0002-9749-9244, e-mail: dadaeva13@mail.ru

Larikhina Tatyana Vladimirovna, Postgraduate Student, Lecturer, National Research Mordovia State University, Department of Sociology and Social Work. Author ID 1217397; ORCID ID 0009-0001-3546-0678, e-mail: larihina.tv@mail.ru

Поступила в редакцию 28.02.2025; принята к публикации 23.03.2025.
Received 28.02.2025; Accepted 23.03.2025.

5.4.4. – Социальная структура, социальные институты
и процессы (социологические науки)

Научная статья

Research article

УДК 316.7

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.1.19-32>

**Креативное управление: культурная, стратегическая,
структурная, функциональная специфика**

Захаров Ю.А., Логунова Л.Ю.

*Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»
630099, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56*

Аннотация. Осмысление креативного управления востребовано социальной практикой работы людей, работающих в организациях «креативной индустрии». Сегодня создается новая культура креакратии, скрепляющая практики небюрократического управления и людей, создающих продукты художественного, научного, технического творчества. Креативное управление – это элемент культуры креакратии, основанной на «бирюзовой» философии. Культура креакратии регулирует ценностно-ориентированную составляющую креативного управления, в котором забота о творческом персонале первична по отношению к результату проекта. Структура креативного управления содержит человекоцентричное ценностное ядро, набор принципов и функций, характеризующих стратегию делегирования полномочий. Креативное управление оперирует принципами бережливого менеджмента, конкретизируется в вариативных тактиках руководства. Бережливое (понимающее) управление персоналом проявляется в заботе о сотрудниках, защите их от профессионального выгорания, создании благоприятных условий для их самореализации. Практики культуры креативного управления нацелены на стимуляцию творческих идей персонала, создают условия для дисциплинированного сотрудничества при выполнении темпоральных и финансовых норм организации проекта. Собранный авторами эмпирический материал иллюстрирует концептуальные элементы структуры креативного управления.

Ключевые слова: креакратия, счастливые организации, культура счастья, культура креативного управления, понимающий (бережливый) менеджмент, адхократические организации, хаордические организации, бирюзовые индустрии, креативные индустрии

Для цитирования: Захаров Ю. А., Логунова Л. Ю. Креативное управление: культурная, стратегическая, структурная, функциональная специфика. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025; (1(68): 19–32.

Creative management: cultural, strategic, structural, functional specifics

Zakharov Y.A., Lagunova L.Y.

*Novosibirsk State University of Economics and Management 'NINH',
Novosibirsk, Russia 630099*

Abstract. Understanding creative management is in demand in the social practice of people working in “creative industry” organizations. Today, a new culture of creativity is being created, connecting the practices of non-bureaucratic management and people creating products of artistic, scientific, and technical creativity. Creative management is an element of the culture of creativity, based on the “turquoise” philosophy. Creacracy culture regulates the value-oriented component of creative management, in which concern for the creative staff is primary in relation to the result of the project. The structure of creative management contains a human-centric value core, a set of principles and functions that characterize the strategy of delegation of authority. Creative management operates on the principles of lean management and is concretized in variable management tactics.

Thrifty (understanding) personnel management is manifested in caring for employees, protecting them from professional burnout, and creating favorable conditions for their self-realization. Creative management culture practices are aimed at stimulating the creative ideas of staff and creating conditions for disciplined cooperation while fulfilling the temporal and financial standards of project organization. The empirical material collected by the authors illustrates the conceptual elements of the creative management structure.

Keywords: creacracy, happy organizations, culture of happiness, culture of creative management, understanding (thrifty) management, adhocratic organizations, chaordic organizations, turquoise industries, creative industries.

For citation: Zakharov Y.A. Lagunova L.Y.. Creative management: cultural, strategic, structural, functional specifics. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025;(1(68): 19–32. (In Russ.)

Введение

В начале XXI в. креативность стала исследовательским трендом индустрии, предполагающей разные виды творческой деятельности (инженерно-технической, художественной, научной, социальной). Креативные индустрии и креативная экономика стали предметом исследования нового направления в социологии. Рост количества компаний «креативной индустрии», которые выпускают продукты творчества в социально-культурной, научной, художественной, технической сферах соответствует востребованности их продуктов в обществе. В классификации Департамента культуры, ме-

диа и спорта Великобритании (DCMS) определены 44 креативные профессии, среди которых архитектура, IT и видеоигры, издательская деятельность, исполнительское искусство, промыслы и ремесла, дизайн, реклама, ювелирное дело. Творчество невозможно, если организация стоит на позициях зрелой бюрократии. Развитие современных практик небюрократического руководства соответствует общим тенденциям рождения организаций нового типа с сетевой, ячеистой структурой, которыми управлять на позициях бюрократии проблематично или невозможно.

Небюрократические виды управления (адхократия, хаордическое

управление, холакратия) мы объединяем понятием «креакратия». Это современный тип корпоративной культуры, базирующийся на философии «бирюзовой» парадигмы (Ф. Лалу [1]), ценностях человекоцентричности, свободы творчества, прозрачности ведения бизнеса, доверия к сотрудникам и партнерам.

Креативное управление становится актуальной практикой руководства небюрократическими организациями. Определение концепта «креативное управление» возможно на позициях фелицитарной парадигмы. Это вид «счастливого управления», в его основе лежит идея: счастливые работники могут способствовать счастью клиентов с помощью своей счастливой продукции. Фокус руководителей направлен на благополучие человека. Люди в креакратических организациях – не «объект управления», но ресурс, к которому требуется бережливое отношение. Эта позиция определяет характеристики креативного управления: свобода самореализации для руководителя и сотрудников его организации, практики руководства, соответствующие принципам бережливого (понимающего) менеджмента, самоорганизации и самоуправления.

Распространение нового типа организаций с небюрократическим управлением, накопление опыта новых практик менеджмента актуализирует теоретическую проблему его осмысления, определения специфики креативного управления, необходимого для творческих организаций, научных лабораторий и проектных бюро. Цель: изучение понятия, структуры креативного управления в творческих союзах и организациях, где создаются различные виды художественной, научной, технической продукции.

Методология креативности

«Эра творчества», провозглашенная теоретиками современного менед-

жмента в начале XXI в., определяется как время преобразования мировой экономики в новую систему производства, где ведущую роль занимает «растущая сила идей». В середине прошлого века, благодаря американскому психологу Дж. Гилфорду [2], термин «креатив» вошел в научный оборот. Актуальность приобрели исследования проблем творческого мышления, «креативных индустрий», «креативной экономики» (П. Кой [3], Дж. Хокинс [4]), создания социокультурного пространства креативных городов (Ч. Лэндри [5], Р. Д. Ллойд [6]).

Методологический комплекс для изучения структуры креативного управления базируется на синтезе культуроцентричного и человекоцентричного подходов, фелицитарной парадигмы, «бирюзовой философии. Этим относительно молодым подходам соответствуют методы: ценностно-структурный анализ, сравнительный анализ сайтов с материалами, посвященными культуре креативного управления, вторичный анализ.

Переход от организаций бюрократического типа на новые принципы управления сопровождается изменениями, происходящими в организационной культуре. Это общий тренд, характерный для всех типов управления, затрагивающий, в том числе, бюрократические организации, где менеджеры практикуют ребрендинг своих административных и производственных структур. Идея изменить традиционную иерархическую структуру компании постепенно находит отклик в организациях по всему миру. Ч. Лэндри представил такой тренд в виде дихотомических пар характеристик управления и поведения менеджеров [5, с. 171]. Мы уточнили эти характеристики, исходя из личного опыта и собранного эмпирического материала о практиках управления в небюрократических организациях:

- *централизм* (концентрация руководства в руках административного

аппарата) – *передача полномочий* (сотрудники принимают разные решения, актуальные для разных профессиональных ситуаций);

- *изоляция* (административного аппарата от низовых структур организации, обставленная символами обозначения статуса) – *партнерство* (сотрудник – партнер руководителя и полноправный член корпорации, заинтересованный в развитии фирмы, отказ от статусной атрибутики – отдельных кабинетов, конференц-залов, специальных парковочных мест, отдельных столовых и т. п.);

- *контроль* (бюрократический надзор на работающими людьми) – *влияние* (креативное управление, консультативное сопровождение работы сотрудников, административная помощь);

- *руководство* (централизация принятия решений) – *уполномочивание* (децентрализация, каждая команда принимает оперативные решения, участвует в выработке стратегических решений развития компании);

- *информирование* (информация работникам предоставляется, в основном, в форме распоряжений, руководители охраняют тайну корпоративной информации) – *участие* (учет всех мнений сотрудников, свободный доступ каждого сотрудника к любой информации, необходимой для принятия любого профессионального решения);

- *количество* (ориентация на «показатели эффективности» в оценке качества работы сотрудников) – *качество* (ориентация на чувства удовлетворенности от профессиональной деятельности, сотрудничества, продукции заказчиков, клиентов, партнеров);

- *единообразие* (стандартизация всего) – *разнообразие* (свобода выбора того, что касается графика, ролевых обязательств, руководителя и т. п.; такая свобода ограничена ответственностью сотрудников, сроками дедлайнов и обязательствами перед коллегами, заказчиками, партнерами);

- *низкий риск* (распределение рисков среди подчиненных с минимальными потерями для руководства) – *высокий риск* (переживание побед и провалов всем коллективом, индивидуальная ответственность каждого сотрудника не перед начальником, но перед коллегами, которых нельзя подводить, неудачи воспринимаются как ценный опыт);

- *осуждение* (культура страха, навязанная подчиненному, внушение ему постоянного чувства прекарности, заставляющего эффективнее работать на менеджера) – *стимулирование* (поддержка и поощрение за качественное выполнение профессиональных обязанностей, стимулирующие самореализацию сотрудников);

- *послушание* (работа в рамках полномочий, четко изложенных в должностных инструкциях, отказ работника от инициативы, если требуется выйти за рамки полномочий) – *творчество* (креативность в разных сферах и аспектах профессиональной деятельности, инициатива, инновационные идеи, предложения).

Управленческая практика развивается от первой дихотомической позиции в направлении второй. В этих трендовых позициях вырисовываются принципы креативного управления. Если с первыми позициями в бюрократических организациях расстаться трудно, нередко, невозможно, то вторые открывают принципиальные возможности для формирования новой культуры управления. В бюрократических организациях руководство выбирает полярные методы. Первый вариант характеризуется жесткой регламентацией рабочего порядка не только в военизированных организациях, но и в учреждениях, где такой порядок не имеет смысла, например, в больницах, университетах. Второй полюс – создание комфорта и зон отдыха на рабочих местах, организация корпоративных праздников по слу-

чаю дней рождения коллег и «красных дат» календаря, – ритуалов из разряда создания развлекательных программ на рабочем месте, версия погони за счастьем, псевдозаботы о людях. У. Дейвис раскритиковал такое «счастье». Латентные задачи этих ритуалов – манипуляции человеком, которому бы не хотелось уходить из офиса [7]. В сущности, они выполняют одну задачу: привязать сотрудника к рабочему месту разными «плюшками» и повысить его производительность. Реальность эволюции бюрократии демонстрирует этот разбег и шатание между нормами культуры страха и заигрыванием с подчиненными. В креативных организациях, управление предполагает право свободы творчества и самореализации для руководителя и сотрудников, строится на ценностях культуры счастья, не требует затраты дополнительных усилий и ресурсов для осчастливливания или запугивания подчиненных.

В организациях креативных индустрий трудятся профессионалы, обладающие специфическими навыками, имеющими особые потребности в реализации своего творческого потенциала, в признании профессиональных достижений. Творчество как предмет профессиональной деятельности требует особого отношения. Людям творчества необходимо, чтобы менеджер понимал специфику их труда и личностные особенности. Это определяет актуальность принципов бережливого (понимающего) менеджмента, поддержки, самоорганизации, доверия вместо контроля и управленческих практик, связанных с данными принципами. Опора на них становится инструментом для перевода компаний, фирм, творческих союзов, научных лабораторий в формат «счастливых организаций», где сотрудники становятся центром производственной и творческой деятельности, их знания и квалификация – фундаментом развития

компании. Это организации с «зеленой» и «бирюзовой» философией выстраивания управленческих стратегий, опытом работы в режиме небюрократического руководства (Д. Бакке [1], Ж.-Ф. Зобрист [9], Р. Сэмлер [10], Ди Хок [10, 12], Р. Шеридан [13]). Опыт управления стал методической и эмпирической опорой для обоснования структуры креативного управления. Нами собраны примеры креативного управления, которое суть не только управление творческими организациями.

Изучение креативного управления опирается на следующие *методологические правила*:

- креативное управление необходимо рассматривать через призму культуры;

- практики креативного управления следует понимать как инструментальную часть корпоративной культуры, основанную на фундаменте ценностей креативности;

- ценности креативного управления реализуются в принципах понимающего (бережливого) менеджмента при производстве творческого продукта в виде архитектурных, научных, художественных, технологических проектов.

Креативное управление в формате культуры счастья

Креативное управление мы понимаем как творчество, внедрение социальных инноваций в практики руководства людьми. Креативность как характеристика творческой деятельности сопровождает художественную, научную, социальную инновационную идею с момента ее интуитивного зарождения. Внедрение, продвижение продукта – это также совокупность мероприятий креативного свойства. Основа креативности – культура, которая дает почву для инновационных идей.

Культура креативности – форма культуры счастья. Эта культура поддерживает своими ценностями стремление

здоровой личности к актуализации своего творческого потенциала (К. Роджерс [14]). Счастье понимается не как достижение чего-либо желанного, но как путь, процесс развитие личности в сторону свободы самовоплощения «самоактуализации» (А. Г. Маслоу [7]). Достижения, результаты и важные показатели являются не целью, а побочным продуктом процессов самореализации человека. Креакратия формируется в культуру самореализующихся людей, приветствующих самоактуализацию окружающих.

Фелицитарный поворот современного европейского общества к культуре счастья имеет косвенное отношение. В последние несколько лет идея культуры счастливого управления так широко распространилась в корпоративной среде, что уже можно обсуждать проблему моды на счастье, которая девальвирует ценность счастья, сводя его терминальность до уровня инструментальной ценности успеха. Счастье становится инструментом достижения благополучия, подменяется понятием «успех», требующим демонстрации атрибутов успешности. Переживания чувства счастья подменяются неоднозначными эмоциональными состояниями, связанными с практиками достижительных и демонстративных стратегий. К. Мангейм, изучая проблему социального успеха, выявил зависимость социального поведения личности от экономической системы общества [16]. В основе механизма такой зависимости лежит феномен амбиции – жажда успеха.

Доктрина социального успеха модальна, лишает человека свободы выбора альтернативных стилей жизни. Эта доктрина опирается на механизм социального давления, заставляет человека выбирать «счастливые объекты», обладание которыми обещают счастье [17, 18]. Это символы благополучия, определяемые обществом в качестве таковых. Человека вынуждают

следовать правилам общества потребления: владеть престижными предметами, обзавестись семьей в правильном количестве с желательным стилем жизни, иметь «достойную» работу. Общество потребления ожидает от человека постоянной демонстрации успеха, требует предьявлять в доказательство успешности атрибуты благополучия. Счастье становится демонстративной иллюзией, буквально, навязывается человеку, лишая его возможности быть счастливым, выбрать свои фелицитарные смыслы. Свобода выбора смыслов счастья подменяется требованием успешности с определенными символами достижений.

Счастливые организации – это не те фирмы, в которых все друг другу улыбаются, постоянно пребывают на эмоциональном подъеме и дружно празднуют корпоративы по разным поводам. Счастливое управление – это не успешное управление. Руководитель компании, желающий выглядеть в глазах партнеров и коллег идеальным, стремящийся сделать сотрудников такими же «счастливыми», как он, испытывает не счастье, но страх не оправдать социальные ожидания. Принуждая подчиненных к такому пониманию счастья, начальник навязывает фоновое счастье компании и сотрудникам. Фоновое счастье – это вид социальной игры в благополучие, мечта неудачника об успехе, «разновидность симулякров, заменяющих построение счастливого будущего на иллюзию обладания счастьем» [19, с. 30]. Попытка убедить окружающих в собственном счастье, есть счастье для других, не для себя.

Успех есть результирующее достижительных стратегий, реализации и постоянного контроля над ситуацией. Успех мимолетен, его надо постоянно доказывать. Ориентация на успех не приносит счастья, но приводит к разочарованиям, эмоциональному истощению. Успех – это балансирование

человека между радостью настоящего и страхом ее конечности в будущем, между наслаждением от обладания желанным объектом, власти, контроля над ним и боязнью его утраты. Такое постоянное беспокойство лишает человека счастья, возможного лишь в результате отказа от контроля над ситуацией.

«Родовое понятие, которым охватываются представления и об успехе, и о достижении, – это «реализация» [16, с. 110]. Достижение объективируется в реализацию (например, в «показатели эффективности»), которая может обеспечить успех, который, в свою очередь, конвертируется в признание (получение наград). Это стимулирует жажду успеха, запускает механизм честолюбия. Социальная жизнь получает стимул для развития, но социальное давление, подстегивающее стремление к успеху, отнимает у человека время и энергию, необходимые для его счастья. Реализация и самореализация – полярные процессы. Одновременная реализация управленца и самореализация его подчиненных на одном пространстве невозможны.

Мы понимаем счастье креативного руководителя как управление работой сотрудников, находящихся в постоянной самореализации, актуализации своего творческого и личного потенциала. Счастье сотрудника – возможность самореализации под руководством самореализующегося руководителя. Самореализация двух партнеров построена на доверии, прозрачности принятия управленческих решений, доступности к любой информации, необходимой для решения профессиональных задач. Счастье определяется в терминах свободы, ответственности, ценности работника. Это стимулы мотивации человека к своему труду. В этом заключается глубинный смысл креативного управления.

Структура креативного управления

Руководитель, использующий приемы креативного управления, понимает цель компании как эволюцию. Управление для него – это работа в процессе постоянных изменений, ориентация на готовность к адаптации к новым условиям, которые могут иметь характеристику «неопределенности». Управление становится видом социального творчества, оно направлено на выработку новых форм и приемов, позволяющих заботиться о людях, работающих в организации (не на организацию!), понимать, поддерживать и стимулировать их процессы профессиональной самореализации. Креативное управление как элемент корпоративной культуры счастья оперирует принципами бережливого менеджмента, реализуется в стратегиях и тактиках креативного (небюрократического) типа руководства.

Креативное управление есть атрибут креативной культуры, интегрирующим ядром которой является *ценностная основа человекоцентризма*. Структура ценностного ядра состоит из терминальной и инструментальной части. Терминальные ценности (профессионального достоинства, справедливости, открытости, доверия, свободы творчества) дополняются инструментальными ценностями, определяющими выборы управленческих и творческих стратегий и решений (самореализация, служение миру и обществу, социальная ответственность, солидарность).

Ценности определяют *принципы креативного руководства*. Ведущим принципом является бережливость (понимание потребностей и интересов сотрудников, забота о кадровом составе). В креативных организациях понимают, что не менеджер единый приносит пользу компании, но каждый сотрудник. «Поскольку нашим самым

главным ресурсом являются люди, а не навыки, мы делаем все возможное, чтобы удержать наших лучших сотрудников», считает Р. Шеридан, основатель компании «Menlo Innovations» (г. Энн-Арбор, шт. Мичиган, США), в которой производится программное обеспечение для всех отраслей промышленности и индустрии отдыха и развлечений [13, с. 214]. Такое понимание смысла управления определяет правила бережливого менеджмента («бережливого производства»), понимающего управления:

- люди – это достояние компании, а не расходный материал;
- задача менеджера – забота о предотвращении профессионального выгорания сотрудников;
- управление – это создание условий для творчества сотрудников;
- поддержка профессиональной самореализации коллег;
- понимание потребностей сотрудников, касающихся работы, досуга, отдыха, саморазвития;
- ответственность руководства за своих сотрудников.

Принцип бережливого менеджмента определяет смыслы всего комплекса управленческих принципов: децентрализация, соучастие коллег в принятии решений, эгалитарность, равновеликость мнений коллег, доверие вместо контроля, самоорганизация.

Бережливый менеджмент как результирующий, иницирующий и объединяющий комплекс принципов, конкретизирует *функции креативного управления*: социальное творчество, делегирование полномочий, координация, поддержка.

Функциональные особенности определяют *ведущую стратегию креативного управления* – делегирование полномочий. Это ядро тактико-стратегической конструкции, базовая версия, на фундаменте которой выстраиваются *тактики креативного управления* – вариативные апгрейды, адаптируемы-

ми к специфике компании или групп проектных команд.

Делегируют полномочия менеджеры, понимающие, что не могут справиться со всем сразу. Стратегия *делегирования полномочий* основана на принципе самоуправления и реализуется в тактических вариациях: обратное делегирование полномочий и внутреннее консультирование. Например, в холакратических организациях решения принимают исполнители, делегирование полномочий выглядит в форме распределения обязанностей по выполнению задачи между «кругами» (командами) разных уровней решения производственных задач.

Использование стратегии делегирования полномочий в компании «Resources for Human Development» («RHD», Филадельфия, шт. Пенсильвания, США) доказало эффективность. «Наша организация занимается работой с любыми отклонениями: сексуальной озабоченностью, психическими заболеваниями, заторможенным развитием. ... Мы были одними из первых, кто создавал сообщество для жизни людей с особенной психикой, чтобы они чувствовали себя свободно, как дома» (Денис, сотрудник «RHD»). Эта компания открывает клиники психического здоровья. Сотрудники «Resources for Human Development» уже спасли десятки тысяч людей от необходимости принимать психотропные препараты, от жестокого обращения в психиатрических клиниках, напоминающих тюрьмы. Психологи и социальные работники предлагают этим людям сострадание и поддержку, дают возможность жить не в психиатрической клинике, а в обычном доме под присмотром персонала.

Компания ориентируется на постоянный рост и развитие, оперативную реакцию на новые социальные потребности и проблемы обслуживания. В приоритете личное и профессиональное совершенствование, что обе-

спечивает качественное обслуживание клиентов. Все программы социального и медицинского обслуживания выработаны на основе группового участия и изучения потребностей клиентов. «RHD» полностью децентрализована, в ней нет иерархической структуры. Модель некоммерческого спонсорства и корпоративного подхода к социальному обслуживанию, разработанная в «RHD», уникальна. Заставлять людей делать что-либо запрещено. Есть менеджмент верхнего уровня, все остальное – горизонтальные группы коллег, возглавляемые «ответственными» по разным направлениям социального обслуживания. Ответственный за направление сам набирает себе команду, выбирает способ взаимодействия с ней, решает задачу, слушает экспертов, старается учесть каждое мнение. Все совещания компании открыты, коллеги могут свободно приходить и принимать участие в любом совещании. Выслушав разные мнения и проведя консультации, ответственный оставляет выбор решения за собой, потому что именно от него ждут результата.

Согласно исследованиям Американского института общественного мнения имени Гэллапа, в компаниях, которым удалось добиться такой вовлеченности сотрудников, наблюдалось меньше проблем, связанных с качеством и текучестью кадров, были зафиксированы более высокие показатели рентабельности и производительности.

Тактический блок управленческого арсенала мы собрали из публикаций об опыте управления небюрократическими организациями. Тактики вариативны и ситуативны. Наиболее распространенными являются самоуправление, опора на интегральное мышление (взаимное уважение, сопереживание и понимание общих целей). Специфическими можно определить тактики организации полномочных

совещаний для определения ролей-обязанностей сотрудников, тактических совещаний для определения направлений и объема работ, внутреннего консультирования, обратного делегирования полномочий.

Руководители креативных организаций верят, что человек по натуре добр, сотрудники разумны и им можно поручить выполнять важные задачи в процессе работы над проектами. Однако существуют ситуации, в которых необходима помощь специалистов, имеющих уникальные знания. Форма следует за потребностью, когда требуется координация команд. Тогда команды привлекают административную или вспомогательную службу, опираясь на возможности «обратного делегирования полномочий». Такую тактику разработал генеральный директор Ж.-Ф. Зобрист для управления компанией «FAVI Le Laiton Injecté» (г. Халленкур на Сомме, Франция), специализирующейся на производстве автомобильных деталей. Это предприятие известно применением особой философии управления, которая позволяет называть фирму «освобожденной компанией». Обратное делегирование комбинировает работу в производственных командах с возможностью обращения за поддержкой к команде инженеров и служащих, если самостоятельное решение некой задачи затруднительно. Функция «поддержки» не оформляется при обратном делегировании полномочий в руководство. Это консультирование по значимым вопросам. Инженер помогает рабочим, а не командует менее образованными (но высококвалифицированными) синими воротничками.

Внутреннее консультирование – тактика принятия решений, которая по ценности опыта выше консенсуса или решения, принятого единолично. Это вариант распределения полномочий между членами команды. «Полученную при консультировании информацию

перерабатывает не один человек, а команда как целое. Это дает уверенность, что ни одно важное возражение не будет пропущено, и реально формирует коллективный интеллект команды» [1, с. 153]. Например, компания «Morning Star», которая занимается заготовкой и консервацией томатов (Калифорния, США) считается фирмой без руководителей: ни у одного работника здесь нет начальника. Компания имеет «решетчатую» структуру. Создаются 23 команды (бизнес-юниты), работающие на принципе самоуправления, без менеджеров и руководителей, HR-службы, отдела закупок. Коллеги сами принимают все решения, связанные с работой, включая покупку дорогостоящего оборудования на средства компании. Для этого они консультируются с коллегами, которых может затронуть принимаемое решение. Также возможна консультация с теми, кто располагает соответствующим опытом. Персонал, не стесненный необходимостью согласовывать каждый шаг на разных уровнях, способен быстро адаптироваться к меняющимся обстоятельствам, демонстрировать творческие решения для поставленных задач.

Управленческие тактики реализуются в *практиках креативного управления*. Это набор инструментов ситуативного свойства, применяемых для оперативного руководства: выбор руководителя творческой или проектной команды, практики медитации. Солидарность компании укрепляется в практиках «оживления ценностей» (обсуждения ценностей компании), учета мнений сотрудников. Для профилактики профессионального выгорания проводится регулярный обмен ролями-обязательствами между сотрудниками, переход в команды, работающие со смежными проектами, практикуется взаимопомощь, взаимобучение. Практики адаптируются к специфике работы творческих (проектных) команд.

В организациях с креативным управлением вместо текучести кадров фиксируется текучесть статусов («ролей») персонала. Люди в креативных организациях не занимают должности, а исполняют определенные ими роли (обязанности). Чтобы должность не деформировала личность, человеку надо понимать: должность не есть часть его. Личность начальника не есть, собственно, начальник. Если человек начинает вести себя, как руководитель, выполняющий должностные инструкции, вне рабочих ситуаций, то это признак идентификации с социальным статусом, зрелая стадия профессиональной деформации. В креативных организациях нет названий должностей, здесь не тратят время на придумывание ограничений профессиональной самореализации – должностных инструкций. Профессионал должен делать то, что он умеет и любит делать в рамках своих профессиональных знаний. Руководитель склонен видеть сотрудников и себя, в первую очередь личностями, «некоторое время вкладывающими силы в выполнение определенных обязанностей» [1, с. 225].

Распределение обязанностей происходит по принципу эгалитарности: руководство командой делегируется тому, кого коллеги считают более опытным и компетентным для решения конкретной задачи. Руководитель меняется при смене производственной задачи. Идет внутренний обмен взаимопомощью, когда коллеги из разных команд могут взять на себя нагрузку, от которой устал сотрудник. Такая практика обычна для работы в «Menlo Innovations». «Если член команды устает, работая над одним и тем же проектом в течение многих недель подряд, он просит перевести его на другой проект. Обычно мы можем устроить подобный переход с небольшим перерывом. С точки зрения распределения работы это происходит почти безболезненно» [13, с. 204].

В креакратических организациях сотрудники сами выбирают себе набор обязанностей по выполнению профессиональных задач. Например, сотрудники «Morning Star» пишут при приеме на работу заявление – «личную производственную задачу» (Personal Commercial Mission), перечисляют все, что обязуются выполнять в «Договоренности о взаимопонимании с коллегами» (Colleague Letter of Understanding, CLOU). Иными словами, они берут на себя обязательства перед коллегами. Когда кто-либо из сотрудников считает, что необходимо создать новую роль (набор новых обязанностей), пересмотреть или отменить существующую, он выносит вопрос на рассмотрение команды на «полномочном совещании» (governance meeting). Так называется практика ежемесячных специальных встреч, где обсуждаются вопросы распределения ролей и сотрудничество. Каждый член команды (его называют «предлагателем» – proposer) может попросить назначить такое совещание в любое время и добавить свое предложение в повестку дня. Ход совещания строго определен, поскольку необходимо убедиться, что услышан голос каждого и никто не навязал своего решения другим. Руководит ходом такого совещания фасилитатор [1, с. 152]. Все вопросы о полномочиях обсуждаются по очереди, по каждому вопросу выносятся резолюция. Вопросы, касающиеся выполнения работы, обсуждаются на тактических совещаниях.

В «HolacracyOne» идет постоянный процесс обмена обязанностями как между командами, так и внутри этих ячеек, учрежден единый рынок обязанностей (Role Market Place). Во внутренней сети компании создан файл, в котором коллеги формируют рейтинг каждой обязанности, которую они сейчас исполняют. Используется шкала от –3 до +3. Обязанность оценивается с позиции: «придающая силы или изматывающая; соответствующая их способностям или нет; благоприят-

ствующая приобретению новых знаний и умений или ограничивающая в их приобретении [1, с. 152].

Об организациях креакратического типа говорят как о «живой системе», «живом организме». Культура креакратии – это живая культура, опирающаяся на живые действующие ценности. Культура – это «душа организации, она ощущается в особой атмосфере организации («характере организации»). Самоуправляющиеся компании используют практики регулярного обсуждения ценностей и фундаментальных принципов организации, чтобы они оставались живыми, не записанными на бумаге и забытыми. К таким практикам относятся:

– *Дни ценностей*. В «FAVI» дни ценностей отмечаются ежегодно. Сотрудники через игры, самоанализ, коллективное пение утверждают свою солидарность и целостность организации. Это альтернатива бюрократическим играм в демократию, когда для подчиненных устраиваются увеселительно-примеряющие «корпоративы», обрастающие неприятными легендами и анекдотами.

– *Совещания по воплощению в жизнь ценностей* компании (values implementation meeting), на которые приглашаются все сотрудники для обсуждения сложностей в реализации ценностей и формулировки внесения изменений в «Билль о правах и обязанностях». Это традиционная практика в компании «RHD», где сотрудники оказывают услуги самым уязвимым членам общества: людям с нарушениями развития, психическими расстройствами, бездомным, о которых не могут позаботиться родственники. Совещания с ценностной повесткой дня проводятся каждые два месяца. Время, затраченное на такие мероприятия, окупается сотрудничеством, которое укрепляется с помощью этой практики. На выработанные в обсуждениях ценности постоянно ссылаются сотрудники при выборе практики

и метода работы. Такие мероприятия более продуктивны, чем совещания административного аппарата по планированию или отчетности в бюрократических организациях.

Результатом совещаний стала согласованная ценностная Миссия «RHD» – «освободить людей из психических тюрем», у душевнобольных есть право на свободу, задача сотрудников – отстаивать это право. Ключевые ценности определяют подходы к пониманию задач профессиональной деятельности. В «RHD» терминальной ценностью объявлено достоинство каждого человека, что проявляется в организации условий работы сотрудников и жизни пациентов, не оскорбляют и не унижают их. Инструментальные ценности – честность и доверие, плюрализм, расширение прав и возможностей рабочих групп без вмешательства администрации; децентрализация полномочий и власти; организация безопасной и открытой среды, где сотрудники и клиенты могут без опасений высказывать свои мысли, чувства, обсуждать проблемы; поддержка и поощрение креативных идей; разнообразие, отторжение любого дискриминационного поведения по отношению к любому человеку или группе. Ценностная среда «RHD» регламентирует работу персонала со строгим соблюдением самых высоких этических стандартов и законодательства.

– *Дискуссии о ценностях и основополагающих принципах* на основе результатов ежегодных опросов. «AES Corporation» – энергетическая компания, управляющая электростанциями по всему миру, лидер в области зеленой энергетики (Арлингтон, шт. Виргиния, США). Здесь ежегодно формируются добровольные рабочие группы для разработки новых опросных листов, которые рассылаются всем сотрудникам организации с дальнейшим анализом и обсуждением итогов опроса. Такая социология содержательно отличается от рейтингов, которыми озабочены управленцы-бюрократы.

– *Медитативные практики*, работа в «комнате тишины», необходимые для размышлений и сосредоточению во время рабочего дня.

Культура творческих организаций построена на ценности доверия и гибких практиках руководства. Это обучающая культура, большинство аспектов работы здесь превращаются в образовательный опыт. Это происходит «за счет поощрения ротации менеджеров, объединения их в горизонтальные проектные команды и учебные группы, регулярного распространения и обсуждения идей развития и совместных тренингов с партнёрскими организациями» [20]. Например, в «Menlo Innovations» ячейки состоят из пар сотрудников, работающих над разными проектами. Пара работает на одном компьютере, опытный сотрудник и его более молодой коллега, обмениваясь идеями в ходе работы, обучаются актуальным навыкам друг у друга.

Таким образом, креативное управление опирается на ценностную основу человекоцентричности, оперирует принципами бережливого менеджмента, реализуется в стратегии делегирования полномочий и вариативных тактиках, соответствующих специфике компании и производственным ситуациям. Креативное управление адекватно ситуации руководства коллективом профессионалов, занимающихся решением нестандартных задач. Данный вид управления центрирован на человеке, обладающим знаниями, адекватными выполнению творческих задач. Практики креативного управления оживляют жизнь ценностей, закрепляются в нормах «участвующего» поведения всех сотрудников, создающих культуру креакратии.

Креакратия адекватна для организаций, относящихся к креативным индустриям. Опыт работы креакратических организаций позволяет говорить об универсальности бережливого управленческого подхода в разных сферах производства и бизнеса.

Список литературы / References

1. Лалу Ф. Открывая организации будущего; пер. с англ. В. Кулябиной. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 432 с.
Laloux, F. (2016). *Reinventing Organizations* (V. Kulyabina, Trans.). Mann, Ivanov and Ferber. (Original work published in 2014). (In Russ.).
2. Guilford J. P. Creativity // *American Psychologist*. 1950. № 15. С. 444-454.
3. Coy, P. (2000, August 28). The Creative Economy: Which Companies Will Thrive in the Coming Years? Those That Value Ideas above All Else. *Bloomberg Business Week*. Retrieved February 19, 2024, from <https://www.bloomberg.com/news/articles/2000-08-27/the-creative-economy>
4. Howkins J. *The Creative Economy: How People Make money from Ideas*. L.: Penguin, 2002.
5. Лэндри Ч. Креативный город; пер. с англ. В. Гнедовского, М. Хрустальной. М.: Классика-XXI, 2011 – 399 с.
Landry, C. (2011). *The Creative City* (V. Gnedovsky & M. Khrustaleva, Trans.). *Klassika-XXI*. (Original work published in 2000). (In Russ.).
6. Lloyd R. D. *Neo-bohemia: art and commerce in the postindustrial city*. N.-Y: Routledge, 2005. 295 p.
7. Davies W. *The Happiness Industry: How the Government and Big Business Sold us Well-Being*. London: Verso, 2015. 314 p.
8. Бакке Д. Человек решающий: как построить организацию будущего, где решения принимает каждый; пер. с англ. Н. С. Брагиной. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 160 с.
Bakke, D. (2017). *The Decision Maker: How to Build a Future-Ready Organization Where Everyone Makes Decisions* (N. S. Bragina, Trans.). (In Russ.).
9. Зобрист Ж.-Ф. Управление через доверие; пер. англ. П. Миронова. М.: Альпина Паблишер, 2021. 373 с.
Zobrist, J.-F. (2021). *Management by Trust* (P. Mironov, Trans.). Alpina Publisher. (Original work published in 2016). (In Russ.).
10. Сэмлер Р. Маверик. История успеха самой необычной компании в мире.; пер. с англ. Н. Быстроорова. М.: Добрая книга, 2007. 384 с.
Semler, R. (2007). *Maverick: The Success Story Behind the World's Most Unusual Workplace* (N. Bystrozorova, Trans.). Dobrayakniga. (Original work published in 1993). (In Russ.).
11. Хок Ди. Философия твоей кредитки. История Visa; пер. с англ. С. Кармашовой. М.: Секрет фирмы, 2006. 336 с.
Hock, D. (2006). *One from Many: VISA and the Rise of Chaordic Organization* (S. Karmashova, Trans.). *Sekret Firmy*. (Original work published in 2005). (In Russ.).
12. Hock Dee. *Birth of the Chaordic Age*. San Francisco: Berrett-Koehler Publishers, 1999. 345p.
13. Шеридан Р. Работа мечты. Как построить компанию, которую любят; пер. с англ. Е. Ивченко. М.: Манн, Иванов и Фербер. 2014. 314 с.
Sheridan, R. (2014). *Joy, Inc.: How We Built a Workplace People Love* (E. Ivchenko, Trans.). Mann, Ivanov and Ferber. (Original work published in 2013). (In Russ.).
14. Роджерс, К. Р. Становление личности: Взгляд на психотерапию / К. Р. Роджерс; пер. с англ. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 416 с.
Rogers, C. R. (2000). *On Becoming a Person: A Therapist's View of Psychotherapy* (S. A. B., Trans.). EKSMO-Press. (Original work published in 1961). (In Russ.).
15. Маслоу А. Мотивация и личность; пер. с англ. А. М. Татлыбаевой. СПб.: Евразия, 1999. 478 с.
Maslow, A. (1999). *Motivation and Personality* (A. M. Tatlybaeva, Trans.). Eurasia. (Original work published in 1954). (In Russ.).
16. Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений – состоятельность – экономические амбиции; пер. с англ. Е. Я. Додина. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – 164 с.
Mannheim, K. (2000). *Essays on the Sociology of Knowledge: Generations Problem - Competitiveness - Economic Ambitions* (E. Ya. Dodin, Trans.). INION RAN. (Original work published in 1929). (In Russ.).

17. Ahmed S. The Promise of Happiness. – London: Duke University Press, 2010. – 299 p.

18. Ahmed S. Happy Object / The Affect Theory Reader. – Durham, NC: Duke University Press, 2010. – 416 p.

19. Логунова Л. Ю. Культура счастья: социологические этюды: монография. Новосибирск: НГУЭУ, 2022. 246 с.

Logunova, L. Y. (2022). The Culture of Happiness: Sociological Studies (Monograph). NSUEU. (In Russ.).

20. Leadbeater C., Goss. S. Civic Entrepreneurship // Damos. London, 1998. 88

Информация об авторах

Захаров Юрий Алексеевич, аспирант кафедры социологии Новосибирского университета управления и экономики (Новосибирск), ORCID: 0009-0005-9722-0265, e-mail: rurkorur@gmail.com

Логунова Лариса Юрьевна, доктор философских наук, кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии Новосибирского университета управления и экономики (Новосибирск), ORCID: 0000-0001-8417-913X, e-mail: vinsky888@mail.ru

Information about authors

Zakharov Yuri Alekseevich, Postgraduate of the Department of Sociology, Novosibirsk University of Management and Economics (Novosibirsk), ORCID: 0009-0005-9722-0265, e-mail: rurkorur@gmail.com

Logunova Larisa Yurievna, Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Professor at the Department of Sociology Novosibirsk University of Management and Economics (Novosibirsk), ORCID: 0000-0001-8417-913X, e-mail: vinsky888@mail.ru

Поступила в редакцию 13.10.2024; принята к публикации 26.03.2025.
Received 13.10.2024; Accepted 26.03.2025.

5.4.4. – Социальная структура, социальные институты
и процессы (социологические науки)

Научная статья

Research article

УДК 316.36

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.1.33-41>

**Религиозно-нравственная самоидентификация
студенческой молодежи в вопросах семьи и брака**

Минзарипов Р.Г.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 1, Российская Федерация*

Гимаев И.З.

*Институт стратегических исследований
ГБНУ «Академия наук Республики Башкортостан»,
450000, Уфа, ул. Кирова, д.18, Российская Федерация*

Гильмеева Р.Х.

*Казанский государственный институт культуры
420008, Казань, ул. Оренбургский тракт, д.3, Российская Федерация*

Селиванова С.С.

*Институт стратегических исследований
ГБНУ «Академия наук Республики Башкортостан»,
450000, Уфа, ул. Кирова, д.18, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы самоопределения студенческой молодежи в системе морально-нравственных ценностей в зависимости от религиозных убеждений и степени верования. Гипотеза исследования заключается в том, что приверженность вере у молодежи способствует развитию и укреплению морально-нравственных ценностей подрастающего поколения. Результаты исследования свидетельствуют о наличии у студентов, причисляющих себя к верующим, более целостных и морально значимых установок и взглядов на создание семьи и заключение брака в отличие от студентов без религиозных представлений и верований. Родительская семья является источником морально-нравственного становления подростка и его отношения к вере. Семья и религия формируют мировоззренческие установки молодого человека на семью и брак. Чем более религиозно настроен молодой человек, тем он более верит в институт семьи и брака, считает брак важным для себя. Религиозные студенты меньше всего рассматривают безбрачие как форму существования и жизнедеятельности. Чем более религиозно настроен молодой человек, тем активнее он почитает институт родительского благословения. Актуальность исследования заключается в изучении зависимости морально-нравственных ценностей студенческой молодежи от религиозных убеждений.

Ключевые слова: семья, брак, религия, морально-нравственные ценности, студенческая молодежь.

Для цитирования: Минзарипов Р.Г., Гимаев И.З., Гильмеева Р.Х., Селиванова С.С. Религиозно-нравственная самоидентификация студенческой молодежи в вопросах семьи и брака. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025;(1(68)):33–41.

Religious and moral self-identification of student youth in matters of family and marriage

Minzaripov R.G.

*Kazan (Volga Region) Federal University,
420008, Kazan, Kremlevskaya str., 18, bldg. 1, Russian Federation*

Gimaev I.Z.

*Institute for Strategic Studies
State Scientific Institution "Academy of Sciences of the Republic
of Bashkortostan", 450000, Ufa, Kirov str., 18, Russian Federation*

Gilmeeva R.Kh.

*Kazan State Institute of Culture
420008, Kazan, Orenburgsky tract str., 3, Russian Federation*

Selivanova S.S.

*Institute for Strategic Studies
State Scientific Institution "Academy of Sciences of the Republic
of Bashkortostan", 450000, Ufa, Kirov str., 18, Russian Federation*

Abstract. The article examines the problems of self-determination of student youth in the system of moral values, namely, in matters of family and marriage, depending on religious beliefs and the degree of faith. The hypothesis of the study is that commitment to faith in young people contributes to the development and strengthening of moral and ethical values of the younger generation. The results of the study indicate that students who consider themselves believers to one degree or another have more holistic and morally significant attitudes and views on creating a family and entering into marriage, in contrast to students without religious ideas and beliefs. The parental family is the source of moral and ethical development of a teenager and his attitude to faith. Family and religion shape the worldview of a young person on family and marriage. The more religiously inclined a young person is, the more he believes in the institution of family and marriage, and considers marriage important for himself. Religious students least of all consider celibacy as a form of existence and life. The more religiously inclined a young person is, the more he honors the institution of parental blessing. The relevance of the study lies in studying the dependence of moral and ethical values of student youth on religious beliefs.

Keywords: family, marriage, religion, moral and ethical values, student youth.

For citation: Minzaripov R.G., Gimaev I.Z., Gilmeeva R.Kh., Selivanova S.S. Religious and moral self-identification of student youth in matters of family and marriage. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025;(1(68)):33–41. (In Russ.)

Введение

Вопросы отношения молодежи к институту семьи и брака, место семейно-брачных отношений в системе морально-нравственных ценностей молодежи в разной степени актуальности находятся в сфере внимания государства, общества и науки [1]. Морально-нравственные ценности формируются на основе высших социальных потребностей, а их реализация происходит в общесоциальных и социально-классовых условиях [2]. На их формирование оказывают влияние традиции семейного воспитания, условия социально-экономического развития общества, система образования и воспитания, средства массовой информации и пропаганды, духовно-нравственные ценности и религиозные предпочтения [3]. В настоящее время рост числа верующих и конфессиональное многообразие свидетельствуют не только о религиозном возрождении в России, но и актуализируют вопросы религиозной самоидентификации [4]. Задача настоящего исследования определить, как отношение к религии и сопричастность к вероисповеданию оказывает влияние на студенческую молодежь в вопросах семьи и брака.

Материалы и методы

Эмпирической базой исследования являются результаты социологического опроса «Семейно-брачные отношения в системе морально-нравственных ценностей студенческой молодежи», проведенного в 2022 г. среди студентов ведущих вузов Республики Башкортостан в рамках международного социологического исследования «Отношение студенческой молодежи к семье и браку в тюркоязычных странах». Объект исследования – студенческая молодежь в возрасте от 15 до 35 лет очной и заочной форм обучения ведущих вузов республики (n = 794). При проведении исследования

использовалась технология простой случайной выборки. Метод сбора данных – онлайн-анкетирование. Методологической основой исследования является стратификационный подход, в рамках которого решаются методологические проблемы изучения молодежи как социально-демографической группы. Методологическим основанием являются идеи классиков мировой социологической мысли, работы зарубежных исследователей по социологии семьи и молодежи (П. Бергер, М. Вебер, Э. Дюркгейм), исследования вопросов веры и религии (Фредерика Ле Пле, О. Конта), труды отечественных исследователей (А.И. Антонова, Т.А. Гурко, Т.К. Ростовской). В исследовании используется системный, синергетический подход. Полученные знания могут быть использованы для теоретического осмысления современной молодежи в вопросах создания семьи, заключения брака, половозрастных предпочтений, деторождения, а также при разработке и реализации политики развития молодежи.

Результаты исследования

В ходе социологического опроса респондентам был задан вопрос: «Укажите, пожалуйста, Ваши религиозные предпочтения»: 38,4 % участников опроса указали, что у них нет религиозных предпочтений и убеждений; 61,6 % идентифицируют себя как верующие, но с различной степенью вовлеченности. Из числа верующих, 9,6 % респондентов не только веруют, но и следуют всем требованиям религии; 52,1 % веруют и следуют некоторым требованиям религии; 38,3 % веруют, но не следуют религиозным требованиям. Распределение верующих по гендерному признаку: мужчин – 35,6 %, женщин – 64,4 %.

Распределение исследуемой социально-демографической группы по категориям в зависимости от принадлежности к вере позволило объективно

и более полно рассмотреть взаимосвязь формирования морально-нравственных ценностей и религиозных убеждений. В ходе социологического исследования у изучаемых групп студенческой молодежи в зависимости от степени религиозной убежденности или ее отсутствия были рассмотрены такие морально-нравственные ценности, как брак и семья. Результаты социологического исследования выявили у изучаемых групп следующие особенности в понимании брака, в отношении к семье, в выборе партнера.

Исследователи вопросов веры и семьи считают, что религия во многом предопределяет духовно-нравственное состояние общества: своими догматами она определяет нормы поведения людей по созданию семьи, рождению детей, прочности брачных отношений и др. В мировых религиях считается, что становление человека как полноценной личности происходит именно в семье, отсюда постулаты о важности ее сохранения [5]. Семейные отношения и внутрисемейные связи регулируются законами права, религии, морали, нравственности, а также традициями и обычаями этноса [6]. Чем более религиозно настроен молодой человек, тем больше он верит в институт семьи и брака, считает брак важным для себя: 87,2 % верующих студентов отметили

важность брака. Студентов без религиозных убеждений, согласных с данным утверждением, в два раза меньше – 47,0 % (таб. 1).

В понимании религиозно настроенных респондентов брак – это счастливое равенство (63,8 %). Для респондентов без религиозных убеждений брак – это счастливое равенство (40,7 %) и любовь/сексуальная гармония (25,8 %). Брак как родительство воспринимается всеми группами в пределах 5,0 % – 6,4 %. Верующие студенты воспринимают брак как свободу (6,4 %), в то время как неверующие – как рабство и испытание (3,0 %, 3,6 %) (таб. 2).

В вопросе о выборе типа брака по любви или по расчету, большинство респондентов изучаемых групп, от 73,4 % до 92,5 %, указало – «по любви». Интерес вызывает ответ первой группы студентов – верующих, с исполнением всех религиозных требований. В отличие от других категорий, 12,8 % респондентов этой группы предпочли бы брак по расчету. На первый взгляд, это выглядит нелогично, так как у этого определения существует негативная коннотация, противопоставление любви и светлым чувствам [7]. Расчет основывается на определенной выгоде и решении личных проблем. По мнению исследователей, таких браков 5-9 % от

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Важен ли для Вас брак?», в %

Вариант ответа	Верующий, и следую всем требованиям своей религии	Верующий, я следую некоторым требованиям своей религии	Верующий, но я не следую требованиям своей религии	У меня нет религиозных убеждений
Да, важен	87,2	81,8	74,1	47,0
Нет, не важен	12,8	18,2	25,9	53,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Данные социологического опроса студенческой молодежи Республики Башкортостан, проведенного в 2022 г. Институтом стратегических исследований Республики Башкортостан.

Таблица 2

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Что для вас означает понятие «брак»?», в %**

Вариант ответа	Верующий, и следую всем требованиям своей религии	Верующий, я следую некоторым требованиям своей религии	Верующий, но я не следую требованиям своей религии	У меня нет религиозных убеждений
Счастлирое равенство	63,8	49,0	55,4	40,7
Испытание	2,1	2,0	0,5	3,0
Свобода	6,4	0,0	1,1	1,3
Рабство	2,1	0,4	1,6	3,6
Обязанность	0,0	0,0	0,5	1,0
Привычка	0,0	0,0	0,0	1,0
Принуждение	0,0	0,0	0,0	
Любовь и сексуальная гармония	8,5	29,9	28,0	25,8
Родительство	6,4	6,4	3,8	5,0
Другое	10,7	12,3	9,1	18,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Данные социологического опроса студенческой молодежи Республики Башкортостан, проведенного в 2022 г. Институтом стратегических исследований Республики Башкортостан.

всех заключаемых в России [8, с. 50]. Результаты настоящего исследования указывают на то, что каждый восьмой участник опроса, идентифицирующий себя как верующий и соблюдающий все обряды, рассматривает форму брака по расчету как приемлемую. На наш взгляд, объяснением этому является то, что некоторые религии и культуры видят моральный императив вступления в брак на основании выбора, определенного, рассчитанного родителями, семьей. Брак по расчету воспринимается не как союз, основанный на меркантильном взаимовыгодном сотрудничестве, а как брак, основанный на взаимной любви и уважении, определенный по «сватовству», «расчету» родителей, семьи. Отдельно отметим, что это не только религиозные требования, но и семейно-родовые традиции исторического прошлого, дошедшие до нашего времени.

Рост безбрачия – процесс сознательного уклонения от брака как мужчин, так и женщин, наблюдаемый в современном обществе. В России доля «уклонистов» составляет 30 % лиц брачного возраста [8, с. 57]. 22,0 % респондентов без каких-либо религиозных убеждений не собираются жениться/выходить замуж, в то время как у верующих разной степени вовлеченности этот процент от 4,2 до 4,9. Этот факт замечательно характеризует морально-нравственные установки в вопросах семьи и брака изучаемых групп студентов. Религиозные студенты меньше всего рассматривают безбрачие как форму существования и жизнедеятельности, в то время как каждый пятый условный «атеист» не планирует семейно-брачные отношения (таб. 3).

Таблица 3

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Вы бы предпочли брак по любви или по расчету?», в %**

Вариант ответа	Верующий, и следую всем требованиям своей религии	Верующий, я следую некоторым требованиям своей религии	Верующий, но я не следую требованиям своей религии	У меня нет религиозных убеждений
Брак по любви	83,0	92,5	89,2	73,4
Брак по расчету	12,8	1,2	4,3	2,3
Не собираюсь жениться/выходить замуж	4,2	4,3	4,9	22,0
Другое	0,0	2,0	1,6	2,3
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Данные социологического опроса студенческой молодежи Республики Башкортостан, проведенного в 2022 г. Институтом стратегических исследований Республики Башкортостан.

Приверженность религиозных семей исконным морально-нравственным ценностям и семейно-родовым традициям подтверждается результатами анализа ответов на вопрос о приемлемых вариантах решения о женитьбе/замужестве. От 55,9 % до 63,8 % верующих студентов разной степени вовлеченности при принятии решения о создании семьи попросят согласие своих родителей; 12,8 % верующих и соблюдающих религиозные требования, а также 11,5 % верующих и соблюдающих некоторые религиозные требования примут решение вместе с родителями; 6,4 % респондентов из первой исследуемой группы уповают на волю родителей. На наш взгляд, это соответствует религиозно-нравственным представлениям о роли семьи, почитании родителей и их благословении. Больше половины студентов, лишенных религиозного порыва (55,3 %), в первую очередь сами примут решение, без совета с кем-либо; 36,8 % попросят согласия родителей (таб. 4).

Анализ последующей информации в той или иной степени подтвержда-

ет вышеуказанные выводы. Чем более религиозно настроен молодой человек, тем больше он почитает институт родительского благословения: 65,8 % молодых людей, верующих и соблюдающих обряды, не пойдут против воли родителей в выборе партнера для семейной жизни. Молодых людей без религиозных предубеждений и с похожими убеждениями в три раза меньше – 21,6 % (таб. 5).

Современные исследователи семьи и брака отмечают структурно-содержательные изменения концепта «брак»: переход от мотива вступления в брак (по любви, по расчету) к его ритуальному компоненту. Происходит ритуализация брака, то есть важность брака смещается от социального института создания семьи и продолжения рода в формальную сторону – проведение ритуала, что, по мнению исследователей, говорит о переоценке брака [9, с. 249]. Чем менее религиозен студент, тем он менее склонен к официальному оформлению брака и семейных отношений, что укладывается в современный тренд семейно-брачных предпочтений современ-

ной молодежи: 80,7 % респондентов без религиозных убеждений одобряют сожительство без заключения официального брака, в отличие от религиозно настроенных студентов – 34,1 %, осуждают – 4,3 % и 31,9 % соответственно. Между ними расположились те, кто верует, и частично соблюдает требования веры, а также те, кто верует, но не следует требованиям веры (таб. 6).

осуждают – 4,3 % и 31,9 % соответственно. Между ними расположились те, кто верует, и частично соблюдает требования веры, а также те, кто верует, но не следует требованиям веры (таб. 6).

Таблица 4

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Какой из следующих вариантов принятия решения о женитьбе
(замужестве) является для Вас приемлемым?», в %**

Вариант ответа	Верующий, и следую всем требованиям своей религии	Верующий, я следую некоторым требованиям своей религии	Верующий, но я не следую требованиям своей религии	У меня нет религиозных убеждений
Я сам(а) приму решение, ни с кем не посоветуюсь	14,9	30,0	36,6	55,3
Я сам(а) приму решение, а потом получу согласие своих родителей	63,8	58,1	55,9	36,8
Скорее всего, мои родители решат за меня, а затем получают мое согласие	6,4	0,4	1,1	0,0
Посоветуюсь с друзьями, а затем приму решение	2,1	0,0	1,0	1,6
Вместе с родителями примем решение	12,8	11,5	5,4	3,3
Другое	0,0	0,0	0,0	3,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Данные социологического опроса студенческой молодежи Республики Башкортостан, проведенного в 2022 г. Институтом стратегических исследований Республики Башкортостан.

Таблица 5

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Построите ли вы семейную жизнь с человеком против воли
ваших родителей?», в %**

Вариант ответа	Верующий, и следую всем требованиям своей религии	Верующий, я следую некоторым требованиям своей религии	Верующий, но я не следую требованиям своей религии	У меня нет религиозных убеждений
Да	34,2	58,7	68,8	78,4
Нет	65,8	41,3	31,2	21,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Данные социологического опроса студенческой молодежи Республики Башкортостан, проведенного в 2022 г. Институтом стратегических исследований Республики Башкортостан.

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Одобряете ли Вы совместную жизнь пары без заключения
официального брака?», в %**

Вариант ответа	Верующий, и следую всем требованиям своей религии	Верующий, я следую неко- торым требо- ваниям своей религии	Верующий, но я не следую требованиям своей религии	У меня нет религиозных убеждений
Одобряю	34,1	62,6	72,0	80,7
Осуждаю	31,9	10,6	4,8	4,3
Не имеет значения	34,0	26,8	23,2	15,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Данные социологического опроса студенческой молодежи Республики Башкортостан, проведенного в 2022 г. Институтом стратегических исследований Республики Башкортостан

Заключение. Чем ближе к Богу, тем больше веры в общепризнанные человеческие ценности – семья, брак, деторождение, родительское благоговение и одобрение. Современная студенческая молодежь этому утверждению классический пример. Социологическое исследование, основанное на результатах анкетирования студентов ведущих вузов многонациональной и поликонфессиональной респу-

блики, подтверждает гипотезу о том, что приверженность вопросам веры у молодежи способствует развитию и укреплению морально-нравственных ценностей подрастающего поколения. Для чистоты результатов опроса в настоящем исследовании мы намеренно не касаемся темы религиозных убеждений и конфессиональной принадлежности.

Список литературы / References

1. Гимаев, И.З. Теоретико-методологические основы изучения семейно-брачных установок современной молодежи / И.З. Гимаев, Ю.В. Мигунова // Уфимский гуманитарный научный форум. 2024; (2): 238-256.

Gimaev, I.Z. Theoretical and methodological foundations for studying family and marital attitudes of modern youth / I.Z. Gimaev, Yu.V. Migunova // Ufa Humanitarian Scientific Forum. 2024; (2): 238-256. (In Russ.)

2. Рубинштейн, С.Л. Проблемы общей психологии. / С.Л. Рубинштейн. М.: Просвещение, 1976. 250 с.

Rubinstein, S.L. Problems of General Psychology. / S.L. Rubinstein. Moscow: Education, 1976. 250 p. (In Russ.)

3. Селиванова, С.С. Роль семьи в социализации современной молодежи в Республике Башкортостан / С.С. Селиванова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019; (11-2 (38)); 166-169.

Selivanova, S.S. The role of the family in the socialization of modern youth in the Republic of Bashkortostan / S.S. Selivanova // International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. 2019; (11-2 (38)); 166-169. (In Russ.)

4. Хертек, С.С. Феномен религиозности в современном российском обществе / С.С. Хертек // Вестник БГУ. 2010; (6): 88 с.

Khertek, S.S. The phenomenon of religiosity in modern Russian society /

S.S. Khertek // Bulletin of BSU. 2010; (6): 88 p. (In Russ.)

5. Дорофеева, Т. Г. Мировые религии и семейная этика / Т. Г. Дорофеева // Современный ученый. 2017; (4): 230-233.

Dorofeeva, TG World religions and family ethics / TG Dorofeeva // Modern scientist. 2017; (4): 230-233. (In Russ.)

6. Бурова, С.Н. Социология брака и семьи: история, теоретические основы, персоналии / С.Н. Бурова; Бел. гос. ун-т. Минск: Право и экономика, 2010. 444 с.

Burova, SN Sociology of marriage and family: history, theoretical foundations, personalities / SN Burova; Bel. state University. Minsk: Law and Economics, 2010: 444. (In Russ.)

7. Морозова, А.Д. Социологический анализ «Брака по любви» и «Брака по расчету» / А.Д. Морозова // Проблемы науки. 2015; (1 (1)): 88-91.

Morozova, AD Sociological analysis of "Marriage for love" and "Marriage of conve-

nience" / AD Morozova // Problems of science. 2015; (1 (1)): 88-91. (In Russ.)

8. Хачатрян, Л.А. Социология семьи: учеб. пособие / Л.А. Хачатрян, С.С. Гордеева; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2018. 200 с.

Khachatryan, LA Sociology of the family: textbook / LA Khachatryan, S.S. Gordeeva; Perm. state national research university. Perm, 2018: 200. (In Russ.)

9. Афанасик, Д.А. Концепт «брак» в сознании носителей современной русской лингвокультуры: динамический аспект / Д.А. Афанасик // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018; (4 (793)): 242-252.

Afanasik, D.A. The concept of "marriage" in the minds of bearers of modern Russian linguoculture: a dynamic aspect / D.A. Afanasik // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. 2018; (4 (793)): 242-252. (In Russ.)

Информация об авторах

Минзарипов Рияз Гатауллович, доктор социол. наук, профессор, Президент Казанского (Приволжского) федерального университета.

Гимаев Илдар Закиевич, канд. социол. наук, ведущий научный сотрудник Института стратегических исследований ГБНУ «Академия наук Республики Башкортостан», ORCID ID 0000-0001-6374-5139, e-mail: gimaev@yandex.ru

Гильмеева Римма Хамидовна, доктор пед. наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности и педагогике Казанского государственного института культуры, e-mail: rimma.prof@mail.ru

Селиванова Светлана Сергеевна, канд. социол. наук, научный сотрудник Института стратегических исследований ГБНУ «Академия наук Республики Башкортостан», ID 1059528, e-mail: selivanovaass@isi-rb

About the authors

Minzaripov Riyaz Gataullovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, President of Kazan (Volga Region) Federal University.

Gimaev Ildar Zakievich, PhD in Sociology, Leading Researcher at the Institute for Strategic Studies of the State Scientific Institution "Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan", ORCID ID 0000-0001-6374-5139, e-mail: gimaev@yandex.ru

Gilmееva Rimma Khamidovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor at the Department of Social and Cultural Activities and Pedagogy of the Kazan State Institute of Culture, e-mail: rimma.prof@mail.ru

Svetlana S. Selivanova, researcher at the Institute of Strategic Studies, of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia. ID 1059528, e-mail: selivanovaass@isi-rb

Поступила в редакцию 10.02.2025; принята к публикации 13.03.2025.

Received 10.02.2025; Accepted 13.03.2025.

5.4.4. – Социальная структура, социальные институты
и процессы (социологические науки)

Научная статья

Research article

УДК 316.4.06

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.1.42-50>

**Этнические группы и языки Республики Татарстан
в данных Всероссийской переписи 2020 года**

Низамова Л.Р., Гарифзянова А.Р.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008,
Казань, ул. Кремлевская, д.18 корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. На материалах Росстата о последней Всероссийской переписи населения, проведенной в 2021 году, раскрываются изменения этнического состава населения Республики Татарстан, распределения жителей территории по родному языку, владению языками и их использованию в повседневной жизни с учетом обнаруживаемых сходств и различий по таким критериям, как этничность (татары, русские и другие автохтонные и аллохтонные этнические группы) и территория проживания (город / село). Идентификация родного языка этническими группами Татарстана и сведения о владении языками рассматриваются в динамике за период с 2010 по 2021 гг., а также в сопоставлении с показателями в соседних республиках Поволжья в контексте задачи сохранения культурного и языкового многообразия России. Установлено, что при высокой значимости и освоенности русского языка усиливается тенденция сокращения численности владеющих другими этническими (родными) языками народов Поволжья, сопровождающаяся слабым знанием языков соседствующих народов.

Ключевые слова: Всероссийская перепись населения 2020 года, народы Поволжья, Татарстан, владение языками, родной язык, русский язык, татарский язык

Для цитирования: Низамова Л.Р., Гарифзянова А.Р. Этнические группы и языки Республики Татарстан в данных Всероссийской переписи 2020 года. *Казанский социально-гуманитарный вестник.* 2025;1(68):42–50.

**Ethnic groups and languages of the Republic of Tatarstan
in the data of the All-Russian Census of 2020**

Nizamova L.R., Garifzyanova A.R.

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract. Based on the materials of Rosstat on the last All-Russian Population Census conducted in 2021, the study examines changes in the ethnic composition of the population of the Republic of Tatarstan, distribution of the inhabitants of the region by their native language, language proficiency and their use in everyday life. Similarities and differences are taken into account according to criteria such as ethnicity (Tatars, Russians and other local and allochthonous

ethnic groups) and the territory of residence (city/village). The identification of the native language by ethnic groups of Tatarstan and information on language proficiency are considered in dynamics for the period from 2010 to 2021, as well as in comparison with indicators in the neighboring republics of the Volga region in the context of the value of preserving cultural and linguistic diversity of Russia. However, along with the high importance and mastery of the Russian language, there is an increasing tendency to reduce the number of speakers of other ethnic (native) languages of the peoples of the Volga region, accompanied by a poor knowledge of the languages of neighboring peoples.

Keywords: All-Russian population Census 2020, peoples of the Volga region, Tatarstan, language proficiency, native language, Russian language, Tatar language

For citation: Nizamova L.R., Garifzyanova A.R. Ethnic groups and languages of the Republic of Tatarstan in the data of the All-Russian Census of 2020. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025;(1(68)):42–50. (In Russ.)

Введение

Важным источником социальной информации об этническом составе и языковом профиле населения страны и ее регионов по-прежнему является Всероссийская перепись населения, последняя из которых состоялась осенью 2021 года. Запланированная к проведению в 2020 году, она была отложена из-за пандемии ковид и, в отличие от предшествовавшей переписи 2010 г., прошла во множественных форматах (не только по месту жительства гражданина, но и онлайн на Едином портале Госуслуг РФ, а также на переписных участках, в том числе в многофункциональных центрах оказания государственных и муниципальных услуг «Мои документы», или с использованием административных источников). Первый опыт социального учета в особых условиях и с диверсификацией каналов сбора данных вызвал много критики специалистов и граждан в отношении полноты и качества полученной информации. Изменения в методологии усложнили сравнение с данными предшествовавших переписей населения. Однако в отсутствие других источников всесторонних, собранных по единой методике и достоверных общенациональных сведений о населении, материалы Всероссийской переписи населения 2021 г. являются значи-

мым массивом данных для научного анализа широкого круга социальных проблем. Отдельные аспекты социального развития Татарстана (воспроизводственные демографические процессы [1], миграционные тренды [2]) уже изучены на материалах Всероссийской переписи населения 2021 г., однако этнические и языковые изменения в Татарстане еще не получили развернутого освещения в научной литературе. Цель статьи – раскрыть тенденции и эффекты этноязыковой динамики в Республике Татарстан на материалах последней из состоявшихся переписей населения России и в сопоставлении с данными 2010 года.

В основу анализа положены данные тома 5 «Национальный состав и владение языками» Всероссийской переписи населения 2020 г., размещенные на сайте Росстата [3]. Пятый том содержит ответы на вопросы: «Ваша национальность (по самоопределению)», «Владеете ли Вы русским языком?», «Используете ли Вы его в повседневной жизни?», «Какими иными языками Вы владеете?» и «Какие из них используете в повседневной жизни?», «Ваш родной язык», обобщенные по стране в целом и субъектам РФ в разрезе территории проживания (город / село), пола, возраста и пр. Впервые в 2021 г. задавался вопрос об использо-

вании в повседневной жизни русского и других языков, которыми владеет человек. Большой интерес представляет сравнительный анализ сведений для оценки состоявшихся перемен в сопоставлении с 2010 г. Следует отметить, что в 2021 году была применена несколько видоизмененная методика учета национальности граждан и их родного языка. Можно было назвать более одного варианта ответа, например, два и более родных языка. Хотя учитывались все ответы, при опубликовании дву- и многомерных таблиц демографических и социально-экономических характеристик населения использовались единственный или первый ответ на вопросы о национальности и родном языке «с целью сохранения преемственности и обеспечения сопоставимости итогов по отношению к предыдущим Всероссийским переписям населения (2002, 2010 годов)» [4, с. 1–2]. Национальности коренных малочисленных народов учитывались все – первые и последующие – упоминания их национальностей «с целью представления максимально полного спектра данных» об этой особой категории российского населения [4, с. 2].

Дискуссия и результаты

Национальный состав населения. По данным 2021 г., татары в России по-прежнему занимают вторую строчку после русских в перечне наиболее многочисленных национальностей страны, хотя их абсолютная численность уменьшилась с 5,3 млн в 2010 г. до 4,7 млн в 2021 г. В Республике Татарстан, как и ранее, татары численно преобладают (2, 091 млн чел. – 53,6%), вторую позицию занимают русские (1,574 млн – 40,4%). В число наиболее представительных национальностей так же входят: чувашаи 2,3%, удмурты 0,5%, марийцы 0,4%, узбеки 0,4%, таджики 0,3%, мордва 0,3%, башкиры 0,3%, украинцы 0,2% (Процентные данные рассчитаны автором статьи на основе

сведений переписи об абсолютных значениях признаков). В населении республики татары составили 2 091175 чел., русские – 1 574 804 чел., чувашаи – 90 474 чел., удмурты – 21 327 чел., марийцы – 15 666 чел., узбеки – 14 970 чел., таджики – 12 541 чел., мордва – 12 065 чел., башкиры – 11 029 чел., украинцы – 9 350 чел., азербайджанцы – 8 670 чел., армяне – 6 289 чел. В сравнении с 2010 г. примечательно заметное увеличение численности аллохтонных групп Средней Азии (узбеков и таджиков) вследствие миграционного притока [5].

Владение языками населением Татарстана. Подавляющее большинство жителей Татарстана владеют русским языком (97,6%) и используют его в повседневной жизни (94,3%). Показатели владения русским языком в городской и сельской местностях почти не различаются (соответственно, 97,7% и 97,3%), чуть заметнее территориальные различия в его использовании в повседневной жизни: доля горожан, прибегающих к общенациональному языку на 9% выше – 96,4%, а на селе она составила 87,6%, что объясняется более широким, чем в городе, применением татарского и реже некоторых других местных языков.

Это подтверждается данными об использовании русского языка татарами в сельской местности: хотя подавляющее большинство татар-сельчан им владеют (96,1%), используют в повседневной жизни меньшая доля величиной 82,7%. Предсказуемо эти показатели выше среди татар, проживающих в городах, которые в Татарстане численно преобладают: владеют русским языком 96,2%, используют ежедневно – 93,9%. В целом среди татар, независимо от места проживания, 96,1% владеют русским языком и 90,7% применяют в повседневных практиках. Неудивительно, что среди русского населения показатели владения русским языком и его использова-

ния близки максимальным значениям и в целом составляют, соответственно, 99,6% и 99,4% (в городских поселениях – аналогичные процентные распределения, а в селе они оказались даже более высокими: 99,9% и 99,7%).

Так же высоки показатели владения русским языком и его использования у представителей других наиболее многочисленных национальностей Татарстана: чувашей, удмуртов, марийцев, узбеков, таджиков, мордвы и башкир. Доля владеющих общенациональным языком среди автохтонных народов Волго-Уралья составляет от 98,2% до 98,5%, и несколько ниже у аллохтонных групп: среди узбеков и таджиков – 91,8 и 91% соответственно. Величина использования русского языка в повседневной практике чуть ниже во всех группах и колеблется от 98% у мордвы до 85,6% у удмуртов. Примечательно, что индикатор применения русского языка в повседневной жизни у удмуртов ниже, чем у аллохтонных групп узбеков и таджиков (89,2–88,4%), что можно было бы объяснить наиболее высокой долей сельчан (58%), использующих свой родной язык, в структуре удмуртского населения РТ. Однако среди чувашей доля сельчан тоже велика (56%), а активность использования общенационального языка заметно выше, что побуждает искать объяснения не только в численности и характере расселения этнической общности, но еще и в возрастной структуре, этнокультурных особенностях сельских удмуртов.

Наиболее представительными языками, которыми владеют жители Татарстана, помимо общенационального языка стали иностранные языки (английский и немецкий) и языки крупнейших этнических групп. Используя иностранный язык в несколько раз меньше, чем сообщивших о владении им. Например, английским языком владеет 134 793 чел., а использует лишь 44 766 жителей, что, тем не ме-

нее, заметно превышает численность носителей многих наиболее распространенных языков республики. В случае с этническими языками проживающего в территории населения нет такого количественного разрыва между владеющими и на практике использующими эти языки.

Более 120 языков составили перечень родных языков жителей Татарстана, однако предсказуемо чаще в качестве родного упоминаются татарский и русский языки. Соответственно, менее 5% приходится на другие статистически малочисленные родные языки. Большинство наиболее распространенных родных языков функционируют преимущественно в условиях городской среды, за исключением удмуртского и чувашского языков, носители которых преобладают в сельской местности, и марийского языка, который упоминался в качестве родного почти равное количество раз и в городе, и на селе. Татарский язык назвали родным 50,9% жителей РТ, указавших родной язык, 46,7% городского и 64,2% сельского населения. Велики доли, считающих родным русский язык: 44,2% жителей республики, 49,7% горожан и 26,8% сельчан. Данные свидетельствуют о расхождении воспринимавшейся символической ценности родного татарского языка для значительной части населения Татарстана и его сужающегося инструментального применения в социальной жизни. Он чаще упоминается как родной язык, но им меньше владеют и используют. Татарский язык знает 39,4% населения РТ, указавших владение языками, 33,1% городского населения и 60% сельчан. Схоже статистическое распределение практик использования татарского языка в повседневной жизни: его применяют 37,2% населения Татарстана, 30,8% горожан, 58% сельчан.

Этнические группы Татарстана: родной язык и владение языками. Большое значение для понимания

трансформации этнической идентичности и эффектов национальной политики в стране и регионе имеет востребованность этническими группами родного, общенационального и других языков. Сведения об этом могут быть почерпнуты из данных о родном языке и владении языками населением наиболее многочисленных национальностей территорий.

Неудивительно, что подавляющее большинство этнических русских Татарстана назвали русский язык своим родным – 99,4% от численности сообщивших родной язык, тем не менее, еще 0,5% указали в качестве такового татарский язык. В соответствии с детерминистской логикой 94,4% татар считают своим родным языком татарский язык, однако еще 5,5% – русский язык. Последний индикатор почти не демонстрирует роста в сравнении с 2010 г. и ниже, чем показывали данные массовых социологических опросов этого периода. Среди других этнических групп Татарстана большинство тоже назвали родным язык своей национальности – 88,9% чувашей, 85,8% удмуртов, 82,4% марийцев, 75,1 % мордвы, 67% башкир. Представительна доля тех, кто считает родным русский язык: мордва – 23,6%, марийцы – 15,7%, башкиры – 14,2%, удмурты – 13,4%, чувашаи – 10,6%. Среди башкир самая высокая доля, считающих родным татарский язык – 18,8%. В оценке этих показателей следует учитывать, что данные рассчитаны по первому из названных родных языков, тогда как методологические подходы Всероссийской переписи населения 2021 г. позволяли указать более одного родного языка. К сожалению, таблицы Росстата о населении наиболее многочисленных национальностей по родному языку не содержат сведений о доле, считающих родными два языка, в разрезе этнических групп.

Данные ВПН свидетельствуют, что почти 100% этнических русских в Татарстане владеют своим языком

(родным, одним из двух государственных языков Татарстана и общенациональным языком), еще 4,7% владеют татарским языком. Следующими по распространенности среди русских стали иностранные языки – английский и немецкий.

Подавляющее большинство татар знают русский язык (96,9%), доля таковых существенно выше уровня владения собственным родным языком, который также является вторым государственным языком Татарстана – 69%. Кроме того, в списке наиболее освоенных татарами языков следует отметить европейские и восточные иностранные языки (английский, немецкий, узбекский, турецкий, арабский и другие – приведены в порядке от более к менее распространенным). Из числа местных чаще назывались чувашский (0,2%) и башкирский (0,1%), заметно уступающие по востребованности иностранным языкам.

Другие этнические группы тоже демонстрируют высокий уровень владения русским языком: чувашаи (98,9%), удмурты (98,6%), марийцы (98,6%), мордва (98,8%), башкиры (98,7%), узбеки (93,1%), таджики (95%), что объясняется одновременно высокой инструментальной и символической его ценностью в российском обществе. Индикаторы освоенности второго государственного языка Татарстана много скромнее. Наиболее высокие показатели владения татарским языком имеют башкиры (41,9%), удмурты (30,2%), марийцы (21,7%), узбеки (18,8%), таджики (11%), чувашаи (10,8%), среди которых чаще наблюдается многоязычие – знание не только общенационального русского языка и своего родного, но и республиканского (татарского) языка.

Уровень владения своим родным языком составил среди удмуртов – 77%, чувашей – 71,1%, марийцев – 66,2%, таджиков – 63,9%, мордвы – 56,5%, узбеков – 57,1%, башкир – 40,5%. В интересах оценки институциональных ус-

ловий сохранения языков российских народов и влияния языковой политики на федеральном и региональном уровнях представляет интерес сравнение показателей владения родным этническим языком местных автохтонных народов Волго-Уралья в «своих» национальных республиках и в Татарстане, а также анализ изменений во времени.

Динамика этноязыковых процессов в период 2010–2021 гг. Данные Всероссийской переписи населения 2010 г. свидетельствовали о том, что местные этнические группы в Татарстане сохраняют относительно высокие показатели владения своими языками – даже более высокие, чем в титульных республиках, способных более или менее активно проводить протекционистскую политику в отношении языка, давшего название республике, и призванных способствовать удовлетворению этнокультурных потребностей титульной национальности. Более высокие показатели владения своим этническим языком в РТ объяснялись своеобразием языковой, образовательной и этнокультурной политики в постсоветском Татарстане, ориентированной не только на всестороннюю поддержку татарской культуры и языка, развитие

русско-татарского билингвизма, но и продвижение ценностей многокультурности, сохранение климата межэтнического добрососедства в Татарстане [7]. Как и в 2010 г., десятилетие спустя в 2021 г. уровень владения этническими группами Татарстана родным языком остается более высоким, чем в «своей» республике. Тем не менее, нельзя не отметить выраженную нисходящую тенденцию изменения показателей владения языками народов Поволжья во времени, охватывающую и татарский язык. Неуклонно снижается доля, владеющих этническим (родным) языком, среди большинства этнических групп Поволжья (из этого ряда чуть выбиваются данные по Удмуртии, где в 2021 г. наблюдается приращение доли удмуртов, владеющих своим языком, на 6,4%).

Хотя к 2021 г. в Татарстане увеличилась численность татар и русских в абсолютных и относительных значениях, продолжается сокращение численности других малочисленных автохтонных народов региона: чувашей, удмуртов, марийцев, мордвы [3, 8], что свидетельствует о нарастающей ассимиляции и этноязыковой гомогенизации. Этому способствует дисбаланс

Таблица 1

Владение этническими (родными) языками: наиболее многочисленные национальности в Республике Татарстан и в титульных республиках Поволжья* [3, 6], в %

Наиболее многочисленные национальности	Доля владеющих своим языком в титульной республике		Доля владеющих своим языком в Татарстане	
	2010	2021	2010	2021
Чуваши	в Чувашии – 81	в Чувашии – 66,5	82,1	71,1
Удмурты	в Удмуртии – 55,8	в Удмуртии – 62,2	83	77
Мордва	в Мордовии – 57,5	в Мордовии** – 55,9	66	56,5
Марийцы	в Марий Эл – 68,3	в Марий Эл*** – 64,3	72,5	66,2

* Рассчитано для указавших национальность и владение языками.

** Рассчитано по сумме ответов «мокша-мордовский», «мордовский» и «эрзя-мордовский» языки для мордвы.

*** Рассчитано по сумме ответов «горномарийский», «лугово-восточный марийский» и «марийский» языки для марийцев.

национальной политики, ориентированный на укрепление гражданского единства на основе «русской культурной доминанты», продвижение русского языка как государственного языка и языка межнационального общения, приоритетное обеспечение устойчиво высокого уровня владения русским языком у этнических групп, например, в Татарстане у татар за 2010–2021 гг. он вырос с 95,5% до 96,9%.

При этом, значимая задача сохранения языкового многообразия России реализуется слабо на федеральном уровне и с неудовлетворительными результатами – в региональном измерении, о чем свидетельствует снижение уровня владения родным языком среди татар и других народов республики. Если в 2010 г. 92,4% татар сообщили о том, что знают татарский язык, то в 2021 г. таковых стало много меньше – 69%. Нельзя не отметить ускорение темпа языковой ассимиляции: в 1989 г. владели татарским языком 96,6 % татар, в 2002 г. – 94 %, в 2010 г. – 92,4 %, то есть потери измерялись единицами процентов, однако к 2021 г. снижение составило уже более двух десятков пунктов. При этом, показатели овладения татарским языком у этнических русских в республике остаются невысокими (4,7%), что незначительно больше, чем 2010 г. Уровень владения русскими татарским языком составил десятилетием ранее 3,6%, тем не менее, по сравнению с позднесоветским этапом этот показатель вырос с 1989 г. более чем в 3 раза [9].

Заключение

Значение Всероссийских переписей населения как инструмента всеобъемлющего и многомерного статистического учета населения и ведущего ори-

ентира для выработки национальной стратегии социально-экономического, демографического, политического и культурного развития страны и регионов нельзя переоценить. Фиксация национального состава территорий, родного языка граждан и других освоенных языков с учетом региональной, этнической, территориальной, половозрастной и иной дифференциации служит задаче сохранения этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, позволяет выявлять проблемные зоны и негативные тенденции этнокультурной динамики. Среди последних: сокращение абсолютной и относительной численности национальностей, являющихся автохтонными и, по терминологии государственной статистики, наиболее многочисленными в регионе, ведущее к культурной гомогенизации, нарастающее снижение показателей владения родным языком – языком своей национальности у народов России даже в территориях, имеющих возможности и заинтересованность в их сохранении, слабое владение значительной частью населения языками соседствующих народов (кроме общенационального русского языка), демонстрирующее недостаточность или отсутствие переходных зон межкультурного взаимодействия, обеспечивающих интегративное многообразие в противовес нежелательной геттоизации и анклавизации в многонациональном сообществе. Данные последней переписи 2021 г. свидетельствуют об актуальности задачи сохранения этноязыковой самобытности народов России и ревитализации языков меньшинств как национального достояния в контексте гармонизации социальных отношений и укрепления гражданского единства.

Список литературы / References

1. Рубцов В. А., Биктимиров Н. М. Миграционные связи Республики Татарстан с зарубежными странами // Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле. 2024. Т. 34. № 3. С. 338-344.
Rubtsov V. A., Biktimirov N. M. Migration relations of the Republic of Tatarstan with foreign countries // Bulletin of the Udmurt University. Biology series. Earth Sciences. 2024. Vol. 34. No. 3. pp. 338-344. (In Russ.)
2. Демографический доклад-2023. Габитус семейно-центристского поведения в Республике Татарстан (на основе данных Всероссийской переписи населения). Монография / Под науч. ред. Ч. И. Илдархановой. – Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2023. – 271 с.
Demographic Report-2023. The habitus of family-centric behavior in the Republic of Tatarstan (based on data from the All-Russian Population Census). The monograph / Edited by Ch. I. Ildarkhanova. Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2023. 271 p. (In Russ.)
3. Всероссийская перепись населения 2020 года. Т.5 Национальный состав и владение языками / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 2.02.2025).
All-Russian Population Census 2020. Vol.5 National composition and language proficiency / Rosstat. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (accessed 2.02.2025). (In Russ.)
4. Т.5 Национальный состав и владение языками. Методологические пояснения. Всероссийская перепись населения 2020 года / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 17.12.2024).
Vol.5 National composition and language proficiency. Methodological explanations. All-Russian Population Census 2020 / Rosstat. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (accessed 17.12.2024). (In Russ.)
5. Опубликованы результаты Всероссийской переписи населения – Портал Ассамблеи и Дома Дружбы народов Татарстана. URL: <https://addnt.ru/opublikovany-rezultaty-vserossiysk> (дата обращения: 10.12.24).
The results of the All-Russian Population Census have been published – the Portal of the Assembly and the House of Friendship of the Peoples of Tatarstan. URL: <https://addnt.ru/opublikovany-rezultaty-vserossiysk> (accessed 10.12.24). (In Russ.)
6. Национальный состав и владение языками, гражданство. Т. 4. Официальная публикация итогов Всероссийской переписи населения 2010 г. / Сайт ВВП-2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf (дата обращения 18.12.2012).
National composition and language proficiency, citizenship. Vol. 4. Official publication of the results of the 2010 All-Russian Population Census / VNP-2010 website. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf (accessed 18.12.2012). (In Russ.)
7. Низамова Л. Р. Воспроизводство языкового многообразия в поликультурном регионе: сравнительный анализ // Многонациональный регион как культурно-исторический феномен: VI Бусыгинские чтения. Матер. межд. науч.-практ. конф. – Казань: Отечество, 2013. – С. 197-200.
Nizamova L. R. Reproduction of linguistic diversity in a multicultural region: a comparative analysis // Multinational region as a cultural and historical phenomenon: VI Busygin Readings. Mater. of International scientific and practical conference. Kazan: Otechestvo Publ., 2013, pp. 197-200. (In Russ.)
8. Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: Статистический сборник по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года, Т. 11 / Татарстанстат. – Казань: Издательский центр Татарстанстата, 2013. – 160 с.
Summary of the 2010 All-Russian Population Census: A statistical collection based on the results of the 2010 All-Russian

Population Census, vol. 11 / Tatarstanstat. Kazan: Publishing Center of Tatarstanstat, 2013. 160 p. (In Russ.)

9. Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей по субъектам РФ. Т.4 Национальный состав и владение языками, гражданство / Всероссийская перепись населения 2010. URL: [http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf/](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf) (дата обращения: 18.12.2012).

Информация об авторах

Низамова Лилия Равильевна, кан.соц. наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии. Author ID РИНЦ 395332; ORCID ID 0000-0002-5439-0636, e-mail: lnizamov@kpfu.ru

Гарифзянова Альбина Раисовна, кан. соц.наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии. Author ID РИНЦ 295321; ORCID ID 0000-0001-8399-8205, e-mail: albina.garifzyanova@gmail.com

Language proficiency of the population of the most numerous nationalities in the subjects of the Russian Federation. Vol.4 National composition and language proficiency, citizenship / All-Russian Population Census 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf / (accessed 12.18.2012). (In Russ.)

Information about authors

Nizamova Liliya Raviliyevna, PhD, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology. Author ID РИНЦ 395332; ORCID ID 0000-0002-5439-0636, e-mail: lnizamov@kpfu.ru

Garifzyanova Albina Raisovna, PhD, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology. Author ID РИНЦ 295321; ORCID ID 0000-0001-8399-8205, e-mail: albina.garifzyanova@gmail.com

Поступила в редакцию 12.02.2025; принята к публикации 13.03.2025.
Received 12.02.2025; Accepted 13.03.2025.

5.4.4. – Социальная структура, социальные институты
и процессы (социологические науки)

Научная статья

Research article

УДК 316.45

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.1.51-59>

**Развитие инновационного потенциала
студенческой молодежи в социальном пространстве
высшей школы**

Шиняева О.В., Емелин Д.В.

*Ульяновский государственный технический университет,
432027, Ульяновск, ул. Северный Венец, д. 32, Российская Федерация*

Аннотация. В статье представлен анализ сущности инновационного потенциала студентов высших учебных заведений как важного ресурса устойчивого развития российской экономики, технологического прорыва и лидерства России. Социологический анализ развития инновационного потенциала в системе высшего образования, осуществленный на основе авторского исследования, в результате которого выявлены механизмы формирования интеллектуалов из числа студентов вузов.

Ключевые слова: инновационный потенциал студенческой молодежи, способности освоения новых знаний и технологий, разработка авторских проектов, барьеры и условия в пространстве вуза

Для цитирования: Шиняева О. В., Емелин Д. В. Развитие инновационного потенциала студенческой молодежи в социальном пространстве высшей школы. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025;(1(68)):51–59.

**Development of the innovative potential
of students in the social space of higher education**

Shinyaeva O.V., Emelin D.V.

*Ulyanovsk State Technical University,
Severny Venets str h.32., Ulyanovsk, 432027, Russian Federation*

Abstract. The article presents an analysis of the essence of the innovative potential of university students as an important resource for the sustainable development of the Russian economy, technological breakthrough and leadership of Russia. A sociological analysis of the development of innovative potential in the higher education system, carried out on the basis of the author's research, which revealed the mechanisms of formation of intellectuals from among university students.

Keywords: the innovative potential of students, the ability to master new knowledge and technologies, the development of author's projects, barriers and conditions in the university space.

For citation: Shinyaeva O.V., Emelin D. V. Development of the innovative potential of students in the social space of higher education. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025;(1(68)):51–59. (In Russ.)

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена социальными изменениями и обстоятельствами. Осмысление сущности «когнитивного капитализма», информационного общества способствовали появлению в западной социологии теорий интеллектуальной элиты, обладающей инновационным потенциалом. В российской социологической науке процесс производства инновационного потенциала стал объектом специальных исследований лишь в 2000-е гг.; появились концепции «конверсии традиционной интеллигенции» в интеллектуальный класс, чьи инновации связаны с новым инженерным и гуманитарным знанием.

Студенты российских вузов обладают разнообразным потенциалом. В рамках решаемой проблемы технологического лидерства России особую ценность приобретает *инновационный потенциал*. В отечественной социологии преобладает корпоративно-региональная ориентация исследований указанного потенциала: инновационный потенциал рассматривается как характеристика развития страны, региона, предприятия. Данный подход снижает возможности инновационного прорыва за счет усиления инновационного потенциала социальной группы «студенты высших учебных заведений». Для нашего объекта исследования мы выделили инновационный потенциал студентов российских вузов и его развитие по мере освоения профессиональных знаний. В качестве предмета исследования выбрано распределение инновационных способностей в гетерогенной группе «студенты высших учебных заведений», определение в ней сегмента, который по инновационному потенциалу больше соответствует признакам интеллектуальной элиты.

Цель нашей статьи состоит в осмыслении сути инновационного потенциала студенческой молодежи, ха-

рактера и степени влияния вузовской среды на инновационные способности студентов.

Методологию исследования составили теории социальных функций и возможностей высшей школы М. Вебера, П. Сорокина, К. Маннгейма; теории формирования интеллектуальной элиты в информационном обществе З. Баумана, Д. Белла, Р. Флориды, В.Л. Иноземцева; теории инновационного потенциала социальных субъектов В.Л. Бабурина, Я.В. Дидковской, С.П. Земцова.

Методы

В социологической науке накоплен опыт исследования комплексных явлений на основе разных подходов. Наиболее распространенным является *структурно-функциональный подход*: анализируются условия макро-уровня, обстоятельства внешней среды, изменения требований и функций социального института. В рамках данного подхода К. Маннгейм выделял главные функции института образования, соответствующие требованиям времени: высшая школа должна совершенствовать «методы селекции самых лучших для различных сфер социальной жизни» [1, с.161]. Характер динамики общества и его требований к учреждениям образования свидетельствует о том, что интегрирующей функцией высшей школы становится инновационная – эффективный путь развития способностей молодых людей через учебно-проектные и научно-исследовательские направления, интеллектуальный отбор и селекцию одаренных студентов [2, с. 240].

Другой подход – *личностно-ориентированный* – сфокусирован на «изучении внутренних социокультурных факторов развития и реализации инновационного потенциала социальных групп» [3, с. 8]. Ракурс исследований, связанных с данным подходом, сосредоточен на ресурсах и установках са-

мой молодежи. Чем она обладает и чем стремится обладать в науке, инновационных практиках? Интересно, что более ста лет назад М. Вебер в своей работе «Наука как призвание и профессия» отмечал: молодежь, не попробовав себя в научном творчестве, обращается в бегство; она успевает увидеть только внешние стороны творчества, которые не всегда привлекательны [4, с. 731]. Современные исследователи подчеркивают необходимость сочетания в инновационном потенциале молодежи интеллектуальных, профессиональных и креативных ресурсов. В студенческие годы он превращается в реальный инструмент преобразования действительности через самоактуализацию, объединение «социальных и творческих качеств личности студента (предприимчивость, компетентность, креативность) и мотивов, характеризующих его готовность к инновационной деятельности» [5, с. 44-45].

Для исследования поставленной проблемы мы выбрали личностно-ори-

ентированный или социокультурный подход. С этих позиций, *инновационный потенциал студентов высших учебных заведений* – это их представления о терминальных и инструментальных смыслах образования, уровень восприятия экспертных знаний и освоения новых технологий, способность к генерированию собственных идей и реализации проектов.

Для осуществления социологического исследования проведена операционализация основных признаков, характеризующих инновационный потенциал студентов вузов (табл. 1).

Результаты обсуждения

Инновационный потенциал студентов высших учебных заведений чувствителен к изменениям институциональной среды: студенты вузов поддерживают практикоориентированность образовательных программ, рационально и прагматично используют полученные знания. Однако пе-

Таблица 1

Операционализация признаков инновационного потенциала студенческой молодежи

Признаки содержания	Показатели выражения
I. Способности перерабатывать информацию, формировать знания на высоком уровне	– высокая успеваемость (отлично, хорошо) – терминально-инструментальные смыслы образования – активные образовательные практики
II. Способности осваивать новые технологии – самостоятельно и в командах	– субъектность в достижении успехов, освоении новых знаний – поиск единомышленников в вузе, во внешней среде – командообразование в интеллектуальной сфере
III. Генерирование собственных креативных идей	– реализация продуктивной функции в вузовской науке – регулярность занятий наукой в вузе – наличие научных результатов
IV. Разработка, продвижение авторских проектов, стартапов	– опыт реализации собственных проектов – наличие специальных знаний для организации инновационного предпринимательства
V. Жизненные цели, место инновационного потенциала в достижении успеха	– жизненные планы на 10 лет – роль инновационной деятельности в профессиональной стратегии

реход к массовой подготовке будущих специалистов на ступени бакалавриата способствовал снижению качества теоретической и общепрофессиональной подготовки. Для реализации цели мы провели социологическое исследование методом анкетного опроса студентов высших учебных заведений Приволжского федерального округа; выборка межрегиональная, многоступенчатая, квотная по типам университетов и профилям обучения (2023г., n=1020; студенты вузов Казани, Нижнего Новгорода, Пензы, Саранска, Тольятти, Ульяновска).

Рассмотрим состояние основных показателей инновационного потенциала студенческой молодежи, проверенных в ходе анкетного опроса.

Способности студентов к переработке информации на основе качественного образования. Нацеленность студентов вузов на достойное качественное образование в терминальном смысле характерна примерно для шестой части: 16% студентов указали образование среди важных жизненных ценностей. При этом инструментальная значимость высшего образования выделена каждым вторым студентом (54%); большая часть из них желает получить в вузе востребованную на рынке специальность (почти две трети), другая часть (треть) ориентирована на высокий статус и материальный достаток. Последних больше среди студентов федерального университета, будущих специалистов социально-гуманитарного профиля. Инструментальность мотивов получения образования в последние годы преобладает в оценках студентов вузов [7, с. 47]. Мешает ли она получению качественного образования?

В целом три четверти студентов вузов отдают предпочтение таким учебным занятиям, которые позволяют освоить современные профессиональные компетенции – стажировки в организациях, производственная

практика, лабораторно-практические занятия (табл. 2). Внимания заслуживает выявленная закономерность: ориентация на выполнение проектных форм занятий в вузе выше в федеральном и обычных региональных университетах. Это означает, что усилия этих вузов в организации учебного процесса чаще направлены на разработку для студентов проблемных заданий, тем и алгоритмов реализации коллективных проектов. В целом инструментальность смыслов высшего образования, разделяемая студентами, способствует осмысленному пониманию практического применения профессиональных знаний; часть студентов (около трети) способна применить свои знания в реальных проектах.

Способности осваивать новые профессиональные технологии – самостоятельно и в командах. По мнению студентов, в их будущем профессиональном труде будут востребованы такие качества как трудолюбие (53%), амбициозность (49%), целеустремленность (33%); значительно реже отмечаются высокий интеллект (7%) и креативность (15%). Отличники и хорошисты в 1,5 раза чаще отмечают такие качества как целеустремленность и трудолюбие; троечники чаще отмечают необходимость таких качеств как креативность и инициатива.

С целью определения *субъектности студентов в достижении благополучия* мы задали вопрос: «От кого или от чего в большей степени зависит благополучие человека?». Большинство опрошенных студентов вузов выразили мнение – «от самого человека» (72%). Высокая субъектность в организации своей жизни – характерная черта молодых людей; они верят в себя, свои силы, свое будущее. Более ярко выражено это качество в представлениях студентов, которые являются выходцами из малообеспеченных семей (82%); менее ярко – среди студентов, которые в вузе стабильно занимаются наукой (всего

Таблица 2

**Предпочтения студентов в выборе форм учебных занятий
(2023 г., в %, n=1020)**

Предпочтения в формах учебных занятий в вузе	Всего	Возраст			Тип вуза				Профиль образования			
		17-19	20-21	22-24	Федеральн.	Националь. исследоват.	Опорный регион-й	Обычн. региональный.	Соц.-гум.	Техническ.	Информационно-технолог.	Естественно-научный
Традиционные аудиторные занятия	35	38	33	37	31	39	35	34	37	29	38	41
Лабораторно-практические занятия	47	52	48	42	54	52	46	44	36	56	54	43
Производственная практика	51	43	42	57	46	52	50	53	46	58	50	49
Научные конференции, научные сообщества	17	21	16	12	17	18	17	17	18	13	22	15
Олимпиады, конкурсы	10	11	10	8	6	11	11	11	8	7	14	12
Выполнение проектов	32	27	35	38	39	27	30	38	34	29	30	34
Самостоятельная работа	23	25	23	18	18	25	28	23	23	25	24	19
Дистанционное и электронное обучение	21	21	19	27	16	25	19	22	23	18	24	15
Курсовое, дипломное проектирование	8	9	8	11	5	9	7	11	8	7	11	7
Командная работа в проектных центрах, студиях	32	36	30	24	43	27	32	36	32	32	32	29
Стажировки в организациях	60	57	60	67	68	59	61	69	63	59	58	59

49% из них берут на себя ответственность за свой успех). Данный парадокс можно объяснить: наука формирует понимание того, что успехи в ней во многом зависят от усилий ближайшего окружения, наставников (32%) и государственной политики поддержки научных сообществ (19%).

Способности студентов вузов генерировать собственные креативные идеи. Генерирование новых идей в пространстве вуза происходит через участие студентов в разных формах

научной деятельности. По результатам опроса, регулярно или время от времени занимаются научной работой более трети студентов вузов (36%), остальная часть студенческой молодежи не включена в регулярные формы НИРС (рис. 1). При этом сравнение с исследованием в вузах Поволжья 10-ти летней давности свидетельствует о положительной динамике: в начале 2-го десятилетия XXI века доля молодых исследователей из числа студентов вузов составляла 15%.

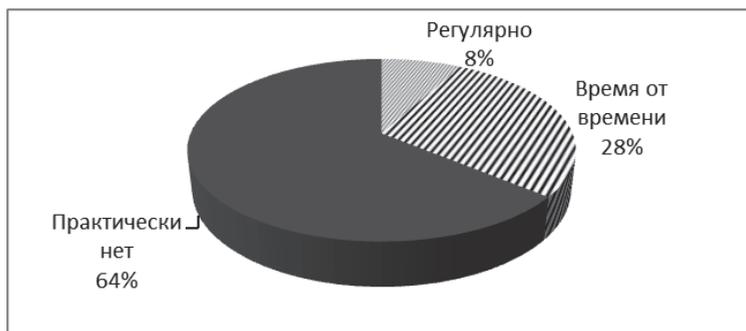

Рисунок 1. Характер участия студентов вузов в научной работе (2023г., в %, n=1020)

Практики регулярной научной работы чаще осуществляют студенты медицинского, информационно-технологического профилей, а также студенты федерального и научно-исследовательских университетов (42-44%); в этих сегментах чаще используются формы регулярных научных связей студентов и наставников – научные центры, лаборатории, проектные коллективы. Полную удовлетворенность научной работой и результатами выражает пятая часть опрошенных студентов (19%); чаще других к ним относятся студенты-отличники (45%) и те, кто стабильно занимается наукой (66%). При этом с каждым годом растет доля студентов, которые признают значимость науки в дальнейшей профессиональной карьере: в целом по выборке таких около 60%, среди студентов национальных исследовательских университетов, регулярных участников научных сообществ эта доля составляет почти три четверти.

Разработка авторских проектов, предпринимательство и стартапы. В целом треть студентов вузов (32%) ориентирована на открытие своего дела. Барьером в развитии предпринимательских установок выступает недостаточное формирование их в вузе: знания для открытия собственного дела в своей профессии приобрели 5% студентов; навыки разработки

стартапа – 12% опрошенных студентов. Удивительно, но более продвинутыми в этой сфере являются отстающие студенты и троечники: среди них подготовленных к открытию своего дела – 24%, а среди отличников – только 5%. Отрадно, что основным источником новых знаний для студентов остаются преподаватели вузов (отметили 74%); они лидируют с большим отрывом, по сравнению с друзьями, родителями, книгами, интернет-сообществами (табл. 3).

Выводы

Разные качества, определяющие инновационный потенциал студенческой молодежи, формируются в пространстве вуза с различной интенсивностью. На высокое качественное образование с инструментальной ценностью ориентирована половина студентов; треть нацелена на предпринимательство и производство новых идей в интеллектуальной сфере; реальный опыт создания стартапов и выполнения проектов имеет шестая часть студентов вузов. Обобщение полученных данных позволило нам резюмировать: четвертая часть студенческой молодежи располагает четырьмя признаками инновационного потенциала, что соответствует ядру класса интеллектуалов. Еще столько же студентов находятся в резерве ин-

Таблица 3

**Предпочтения студентов в выборе источников новых знаний
(2023 г., в %, n=1020)**

Какие источники для Вас наиболее важны в получении новых знаний?	Всего	Возраст			Тип вуза				Профиль образования			
		17-19	20-21	22-24	Федеральный	Национальный исследовательский	Опорный региональный	Региональный	Социально-гуманитарный	Технический	Информационно-технологический	Естест-научный
Преподаватели вуза	74	79	70	73	78	74	73	76	68	75	79	78
Общение с друзьями, родителями	51	53	50	45	50	51	45	54	47	56	51	50
Чтение книг, журналов	54	52	55	56	55	48	56	57	55	52	52	55
Общение в Интернет-сообществах	48	53	48	31	39	49	58	47	38	53	58	39
Телеграмм-канал, мессенджеры	27	29	26	24	27	29	23	27	26	30	27	27

Примечание: вопрос предлагал несколько вариантов ответа, в сумме больше 100%

теллектуального сообщества, т.е. обладают тремя признаками. Остальные студенты не обладают достаточным инновационным потенциалом.

Заключение

Уровень инновационного потенциала студентов повысит работа в проектных командах – учебных, научных, а также участие в мастер-классах молодых ученых. установка на качественное образование у современных студентов сопрягается с низкой готовностью к научной деятельности,

инновационному предпринимательству. Уровень готовности студентов к интеллектуальному труду и новым идеям в процессе получения высшего образования повысят формы образовательно-исследовательской деятельности: совместное решение отраслевых, региональных проблем в командных проектах; создание междисциплинарных объединений, лабораторий в вузах и населенных пунктах для реализации предпринимательской активности студентов.

Список литературы/References

1. Маннгейм К. Диагноз нашего времени. Москва: Юрист, 1994. 700 с.
Mannheim K. Diagnosis of our time. Moscow: Lawyer, 1994. 700 p. (In Russ.)
2. Сорокина Н.Д. Управление новациями в вузах. Москва: «Канон+», 2009. 255 с.
3. Sorokina N.D. Innovation management in universities. Moscow: Canon+, 2009. 255 p. (In Russ.)
4. Дидковская Я.В., Вишневский Ю.Р., Лугин Д.А. Инновационный потенциал молодежи: мотивация участия и барьеры реализации молодежных стартапов.

Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2021; (1): 8-18.

Didkovskaya Ya.V., Vishnevsky Yu.R., Lugin D.A. Innovative potential of youth: motivation for participation and barriers to the implementation of youth startups. Bulletin of PNRPU. Socio-economic sciences. 2021; (1): 8-18. (In Russ.)

5. Вебер М. Избранные произведения. Москва: Прогресс, 1990. 808 с.

Weber M. Selected works. Moscow: Progress Publ., 1990. 808 p. (In Russ.)

6. Ильиных С.А. Формирование инновационного потенциала студенчества в контексте качества жизни. Теория и практика общественного развития. 2019; (4): 44-54.

Ilinykh S.A. Formation of innovative potential of students in the context of quality of life. Theory and practice of social development. 2019; (4): 44-54. (In Russ.)

7. Иноземцев В. Л. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе. Социологические исследования. 2000;(6): 67-77.

Inozemtsev V. L. "The intellectual class" in post-industrial society. Sociological research. 2000;(6): 67-77. (In Russ.)

8. Селиверстова Н.А., Зубок Ю.А. Представления студенческой молодежи о смыслах образования: социокультурные особенности саморегуляции. Социологическая наука и социальная практика. 2023; (1(11)): 44-69.

Seliverstova N.A., Zubok Yu.A. Student youth's ideas about the meanings of education: socio-cultural features of self-regulation. Sociological science and social practice. 2023; (1(11)): 44-69. (In Russ.)

9. Фадеева И. М., Федосеева М. В. Интеллектуальный класс: новые контуры идентичности и функциональности (социологический аспект). Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020; (4 (841)):310-326.

Fadeeva I.M., Fedoseeva M.V. Intellectual class: new contours of identity and functionality (sociological aspect). Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences. 2020; (4 (841)):310-326. (In Russ.)

10. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. Москва: Издательский дом «Классика-XXI», 2007. 421 с.

Florida R. The creative class: people who are changing the future. Moscow: Publishing house "Classics-XXI", 2007. 421 p. (In Russ.)

11. Фуллер С. Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии. Москва: Издательский дом «Дело», 2018. 381с.

Fuller S. Sociology of Intellectual Life: the Career of the Mind inside and outside the Academy. Moscow: Publishing house "Delo", 2018. 381с. (In Russ.)

12. Шиняева О.В., Акманаева Д.Х. Научная активность студентов высших учебных заведений как фактор формирования профессиональной культуры. Образование и общество. 2011; (4): 61-68.

Shinyaeva O.V., Akmanaeva D.H. Scientific activity of students of higher educational institutions as a factor in the formation of professional culture. Education and society. 2011; (4): 61-68. (In Russ.)

Информация об авторах

Шиняева Ольга Викторовна, профессор, доктор социологических наук, Ульяновский государственный технический университет, профессор кафедры «Политология, социология и связи с общественностью». Author ID 57208797299; ORCID ID 0000-0001-7852-7257, e-mail: olses@rambler.ru

Емелин Дмитрий Владимирович, старший преподаватель, Ульяновский государственный технический университет, гуманитарный факультет, кафедра «Политология, социология и связи с общественностью». E-mail: don.de82@yandex.ru

Information about the authors

Shinyaeva Olga Viktorovna, Professor, Doctor of Sociology, Ulyanovsk State Technical University, Professor of the Department of Political Science, Sociology and Public Relations. Author ID 57208797299; ORCID ID 0000-0001-7852-7257, e-mail: olses@rambler.ru

Emelin Dmitry Vladimirovich, Senior lecturer, Ulyanovsk State Technical University, Faculty of Humanities, Department of Political Science, Sociology and Public Relations. E-mail: don.de82@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.02.2025; принята к публикации 23.03.2025.
Received 28.02.2025; Accepted 23.03.2025.

5.7.7. – Социальная и политическая философия (философские науки)

Научная статья

Research article

УДК 17.03

[https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.1.60–64](https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.1.60-64)

**Добровольное рабство в либертарианстве:
миф или необходимость**

Долинер М.Г.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д.18 корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Целью данной статьи является критика отрицания добровольного рабства в философии Мюррея Ротбарда. Основной тезис заключается в утверждении того, что аргумент Ротбарда о невозможности добровольного рабства является противоречивым, с точки зрения либертарианства. Для этого приводятся аргументы в пользу логической возможности, а также последовательности добровольного рабства на основе понятия полной самопринадлежности. Приводятся аргументы в пользу того, что добровольное рабство не противоречит свободе воли личности. В статье делается вывод о том, что отрицание добровольного рабства не согласуется с принципом полной самопринадлежности Ротбарда. Вместо этого, в качестве наброска, предлагается отказ от полной самопринадлежности в пользу ее частичной версии, которая при этом не нарушает ни один из существенных принципов либертарианства.

Ключевые слова: самопринадлежность, воля, М. Ротбард, добровольное рабство.

Для цитирования: Долинер М.Г. Добровольное рабство в либертарианстве: миф или необходимость. *Казанский социально-гуманитарный вестник.* 2025;1(68):60–64.

**Voluntary slavery in libertarianism:
myth or necessity**

Doliner M.G.

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract. The purpose of this article is to critique the denial of voluntary slavery in Murray Rothbard's philosophy. The main thesis of the article is to argue that Rothbard's argument for the impossibility of voluntary slavery is contradictory. This is done by arguing for the logical possibility as well as the consistency of voluntary slavery based on the notion of full self-ownership. Arguments are made in favour of the fact that voluntary slavery is not inconsistent with individual free will. The article concludes that the denial of voluntary slavery is inconsistent with Rothbard's principle of total self-ownership. Instead, as an outline, it proposes a rejection of full self-ownership in favour of a partial version of it, which in doing so does not violate any of the essential principles of libertarianism.

Keywords: self-ownership, will, M. Rothbard, voluntary slavery.

For citation: Doliner M.G. Voluntary slavery in libertarianism: myth or necessity.

The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin. 2025;(1(68)):60–64. (In Russ.)

Введение

Позиция правого либертарианского философа Мюррея Ротбарда в отношении добровольного рабства является последовательной, если обратиться к основополагающим принципам его философии: постулату о ненападении и самопринадлежности [1, с. 38]. Однако, как кажется, его позиция в отношении этого вопроса не до конца прояснена и обоснована. Человек, говорит Ротбард, «не может, по природе, продать себя в рабство и быть вынужденным к такой продаже – поскольку это означало бы, что ему пришлось бы в обмен отказаться от будущей воли по отношению к собственной личности... он не может избавиться от собственной воли, которая может измениться в будущем, через несколько лет, и разрушить нынешнее соглашение» [2]. Также Ротбард утверждает, что само понятие добровольного рабства является противоречивым, ибо после подчинения он все еще не является рабом по определению. Кроме этого, Ротбард утверждает, что после подчинения рабства уже невозможно избежать, из чего он заключает, что оно не является добровольным [2]. Возможно, философ имел в виду логическую противоречивость рабства? Как, например, логически противоречиво продавать круглые квадраты, потому что их не может существовать в самой природе. Далее мы дадим определение рабству и увидим, что это не так.

Концепция рабства

Начнем с наиболее слабого предположения, несколько модифицировав понятие рабства. Представим, что кто-то согласился стать рабом в результате крайней нужды, например, ему необходима огромная сумма денег, кото-

рую ему может предоставить господин, желающий приобрести его в собственность. Но при этом стать рабом нуждающемуся предложили не на всю жизнь, а на значительный срок, предположим, на 10 лет. Исходя из определения рабства как положения лица, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие праву собственности, нет противоречия в таком утверждении даже согласно последнему утверждению Ротбарда о невозможности изменения своего решения. Ведь каждый, кто заключает определенный договор, ознакомлен с его условиями, согласно которым он должен исполнять его. По истечению же времени человек снова окажется вне рабства, просто выполнив условия, на которые он подписался. Здесь же важно упомянуть, что Ротбард считал, что добровольный призывник в армии может дезертировать без последствий [2]. Он считает, что это лишь простое обещание, которое может быть нарушено в силу изменения воли человека. Прослеживается общая логика аргументации Ротбарда, состоящая в том, что воля человека может изменяться в течение жизни, а значит отказываться от нее нельзя.

Теперь рассмотрим понятие рабства, являющегося пожизненным по самому договору. В данном случае также нет противоречия сдачи себя в рабство добровольно, поскольку эта ситуация иллюстрирует проявление человеческой воли. Представим себе желание человека добровольно уйти из жизни. Практика эвтаназии предполагает именно такой добровольный уход из жизни, который, по аналогии с рабством, является невозвратным действием. Кажется, что такое право должно существовать, ибо это соответствует волеизъявлению личности [3, с. 49; 4, с. 57].

Итак, начнем с того, что либертарианство основано на идее свободы воли. В данном случае я буду пользоваться концепцией компатибилизма, согласно которой свобода воли выражается в совершении агентом действий в соответствии с его мотивами и намерениями [5, с. 65]. Важной идеей здесь является возможность несения ответственности за собственные свободные действия. Поэтому мы оставим за скобкой метафизические аргументы против свободы воли. Свобода воли, как кажется, является важной предпосылкой для существования самопринадлежности. Если человек предопределен в своих действиях, мотивах и у него нет возможности выбирать свои намерения, то самопринадлежность для такого человека могла бы сыграть защитную функцию, позволяющую ему совершать нечто противное другим людям. Такой человек мог бы иметь самопринадлежность как и другие люди, но при этом в силу предопределенности его мотивов, ему были бы даны права, позволяющие нарушать самопринадлежность других, поскольку он не может поступить иначе. Представим, что человек Д. желает поработить человека М. Человек Д. не может поступить иначе, поскольку его намерения являются предопределенными. При этом человек М. не может сопротивляться, ибо, во-первых, намерения Д. не являются его собственным желанием, а являются чем-то вроде физических законов, которые невозможно изменить, а во-вторых, не существовало бы и самих прав, в том числе, права самопринадлежности, а значит Д. может сделать своим рабом М. Поэтому свобода воли необходима для существования самопринадлежности. Без нее сама самопринадлежность, которая является важным аспектом всего либертарианства, оказывается противоречивым понятием.

Кажется, что любой либертарианец поэтому признает существование сво-

боды воли, в том числе и Мюррей Ротбард. Если он утверждает, что будущая воля может измениться и на основе этого отрицает выбор добровольного рабства, то он ограничивает человека в самопринадлежности, которая при этом является полной с его точки зрения. Полная самопринадлежность предполагает обращение со своим телом по аналогии с собственностью [6, с. 26]. Каждый человек имеет на себя такие права, которые позволяют ему быть защищенным от внешней агрессии. Так что же мешает ему распоряжаться своим телом полностью, в том числе, отдавать себя в рабство? Если это запрещает принцип ненападения в силу изначальной агрессии против самого себя, то этот принцип неизбежно вступает в противоречие с самопринадлежностью, которая разрешает пользоваться своим телом так, как того пожелает его владелец.

Ротбард, с одной стороны, запрещает абсолютно любое вмешательство в свободу выбора. Например, если ребенок играет со спичками, то запрет родителей был бы нарушением свободы ребенка, поскольку это является проявлением агрессии. С другой стороны, философ сам встает на позицию «родителя» и запрещает рабство, но как мы увидели, это никак не противоречит ни самому понятию рабства, ни принципу ненападения.

Анализ понятия рабства у Мюррея Ротбарда позволяет сделать вывод, что оно рассматривается как абсолютное неотчуждаемое право. Действительно, абсолютные права не могут быть отчуждены в силу своей природы, однако в силу поддержки философом полной самопринадлежности такое утверждение оказывается противоречивым, поскольку полное распоряжение собой предполагает возможность отказаться от своего тела. Мы знаем некоторые ситуации, в которых это является единственно возможным сценарием в нашем мире. Например, у человека

есть больной ребенок, которому срочно требуется крайне дорогостоящее лекарство. В то же время другой человек крайне желает получить в рабство именно эту личность. В результате они договариваются о том, что нуждающийся соглашается на рабство, а взамен получает нужную сумму для оплаты лечения. Теперь представим, что нуждающийся, находясь в рабстве, решает сложить свои полномочия и перестать быть рабом. При этом он уже потратил огромную сумму за свое рабство на лечение ребенка. В данном случае кажется очевидным, что здесь нарушаются договорные условия, по которым сумма уплачена именно за рабство.

Теперь представим, что нуждающийся все же находит деньги и хочет выйти из рабства. Допустим, он даже готов покрыть все прочие расходы, например, инфляцию. Предположим, что рабство предполагает полное подчинение, а значит обращение в свободное человека невозможно. Это утверждение кажется негуманным, однако оно полностью последовательно именно в логике концепции М. Ротбарда. Если мы вступаем в договор по продаже жилья, то мы отказываемся от прав на это жилье. Мы, конечно, можем затем прийти к новому хозяину спустя время и попросить продать нам наш бывший дом, как и раб может попросить выкуп за свою свободу, что кстати подтверждается реальной историей рабства. Однако новый владелец дома может отказать нам, даже если мы предлагаем несравнимо большую сумму за покупку, чем она была в момент

продажи. Этот дом – собственность нового хозяина, точно также как раб – собственность нового рабовладельца. Пусть это звучит ужасно в современных реалиях, но все это следует из логики либертарианской мысли М. Ротбарда.

Выводы

Таким образом, Ротбард одновременно утверждает возможность полного распоряжения своим телом, признавая при этом свободу воли человека, и вместе с этим запрещает добровольное рабство. Последовательным выводом из теории философа является разрешение добровольного рабства в силу первичной значимости самопринадлежности. Выходом из сложившейся ситуации является возможность, при которой рабство может быть запрещено, но в таком случае следует отказаться от тезиса полной самопринадлежности. Такие теории уже существуют [7]. Можно разрешить лишь частичную самопринадлежность, которая при этом также будет согласовываться с либертарианством. Такая концепция будет включать все права за исключением права отказа от своих прав. Такой компромисс никак не будет противоречить свободе личности, поскольку негативная свобода на ограничение от вмешательства других все еще сохраняется. Более того, такая идея не ограничивает и позитивную свободу, ибо сама она заключается не только во владении собой, но и в возможности и реальности владения внешними ресурсами для полноценного существования.

Список литературы / References

1. Ротбард М. К новой свободе: Либертарианский манифест / М. Ротбард. – М.: Новое издательство, 2009. – 398 с.

Rotbard M. K novoj svobode: Libertarianskiy manifest / M. Rotbard. – Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2009. – 398 p. (In Russ.)

2. Rothbard M. The Ethics of Liberty / M. Rothbard. – New York: New York University Press, 1998.

3. Block W. Toward a libertarian theory of inalienability: a critique of Rothbard, Barnett, Smith, Kinsella, Gordon, and Epstein / W. Block // Journal of Libertarian Studies. – 2003. – № 2 (17). – P. 39–85.

4. Нозик Р. Анархия, государство и утопия / Р. Нозик. – М.: ИРИСЭН, 2008. – 424 с.

Nozik R. Anarxiya, gosudarstvo i utopiya / R. Nozik. – Moscow: IRISE`N, 2008. – 424 p. (In Russ.)

5. Васильев В. В. В защиту классического компатибилизма / В. В. Васильев // Вопросы философии. – 2016. – №2. – С. 64–76.

Vasil`ev V. V. V zashhitu klassicheskogo kompatibilizma / V. V. Vasil`ev // Voprosy` filosofii. – 2016. – №2. – P. 64–76. (In Russ.)

6. Коэн Дж. Совместимы ли свобода и равенство? / Дж. Коэн. – М.: Свободное марксистское издательство, 2020. – 120 с.

Koe`n Dzh. Sovmestimy` li svoboda i ravenstvo? / Dzh. Koe`n. – Moscow: Svobodnoe marksistskoe izdatel'stvo, 2020. – 120 p. (In Russ.)

7. Vallentyne P. Introduction: Left-Libertarianism – A Primer / P. Vallentyne // Left Libertarianism and Its Critics: The Contemporary Debate. – Palgrave Publishers, 2000. – P. 1–22.

Информация об авторе

Долинер Максим Геннадьевич, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра социальной и политической философии. ORCID ID0009-0002-1311-9193, e-mail: mdoliner@bk.ru

Information about author

Doliner Maxim Gennadyevich, post-graduate student, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of Social and Political Philosophy. ORCID ID0009-0002-1311-9193, e-mail: mdoliner@bk.ru

Поступила в редакцию 21.01.2025; принята к публикации 13.03.2025.
Received 21.01.2025; Accepted 13.03.2025.

5.7.1 – Онтология и теория познания (философские науки)

Научная статья

Research article

УДК 130.2

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.1.65-73>

**Техническая, творческая и метафизическая концепция
виртуальных реальностей и их эвристика**

Мубаракшин А.И.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д.18 корп. 1, Российская Федерация*

Ибрагимова З.З.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д.18 корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В современности большое внимание уделено цифровизации и взаимодействию техники и жизни. Данная статья предлагает общую концепцию виртуальных реальностей для этих сфер, поскольку «виртуальное» все чаще мыслится как надвигающаяся парадигма, матрица мышления. Статья предлагает несколько определений, основным из которых является «виртуализация» как популярный, но слабо определяемый термин, что необходимо изменить. Статья демонстрирует метафизическое строение виртуальных реальностей, их расположение в творчестве и технике, которые не противопоставляются друг другу, а мыслятся в едином ключе. Излагается набросок претендующей на универсальность концепции, приводятся примеры из литературы и компьютерных наук. Выводятся закономерности в процессе виртуализации, она делится на фазы, демонстрируется её эвристика как получение новой виртуальной реальности.

Ключевые слова: виртуализация, виртуальная реальность, эвристика, метафизика, творчество.

Для цитирования: Мубаракшин А. И., Ибрагимова З.З. Техническая, творческая и метафизическая концепция виртуальных реальностей и их эвристика. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025;(1(68)):65–73.

**Technical, creative and metaphysical concept
of virtual realities and its heuristics**

Mubarakshin A.I., Ibragimova Z.Z.

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract. In modern times, much attention is paid to digitalization and the interaction of technology and life. This article offers a general concept of virtual realities for these areas, since the "virtual" is increasingly thought of as an impending paradigm, a matrix of thinking. The article offers several definitions, the main one of which is "virtualization" as a popular but poorly defined term, which needs to be clarified. The article demonstrates the metaphysical

structure of virtual realities, their location in creativity and technology, which are not opposed to each other, but are thought of in a single vein. An outline of the concept claiming universality is presented, examples from literature and computer science are given. Regularities in the virtualization process are derived, it is divided into phases, its heuristics are demonstrated as obtaining a new virtual reality.

Keywords: virtualization, virtual reality, heuristics, metaphysics, creativity.

For citation: Mubarakshin A.I., Ibragimova Z.Z. Technical, creative and metaphysical concept of virtual realities and its heuristics. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025;(1(68)):65–73. (In Russ.)

Введение

Данная работа имеет своей целью описать процесс виртуализации. Для демонстрации авторской концепции будут привлечены различные философские теории. Для изложения данного процесса вначале будет введено само готовое определение, которое подвергнется подробному описанию по ходу работы. Целью работы является: предоставление в виде наброска или черновика проекта как можно более исчерпывающей метафизической концепции виртуальных реальностей и способа их создания с помощью творческой работы. Работа является актуальной, поскольку предоставляет видение единой теории цифровизации как отдельного вида виртуализации. Объектом выступит метод, который и позволяет человеку создавать виртуальные миры.

Само определение: *виртуализация – это перенос отвлеченных свойств(3) из одной реальности(1) в другую, зависящую от первой, и не способной существовать самостоятельно, с помощью набора операций «одолжения»(2), которые делают свойства (объекты, факты, правила, законы...) второй реальности отличными от первой, но доступными реальности исходной.*

1. Реальность

Эта теория являет несколько допущений, одной из которых является допущение о существовании реальности, более того, о множественности таких

реальностей. *Реальность суть протяжение однородных свойств и явлений, которые удерживаются в качестве таковых с помощью «супервизора». Супервизор – это субъектная среда, носитель свойств конкретной реальности, которая не позволяет носимой реальности смешиваться с исходной реальностью, но позволяет получить доступ к себе и вложенным в неё реальностям. Ещё одним допущением данной теории является возможность вложенных реальностей. Вложенная реальность – реальность, имеющая в себе отвлеченные свойства исходной реальности с изменённой их природой согласно процессу виртуализации.* В рамках ухода от моноонтического мышления к полионтическому, исходная реальность может именоваться «константной реальностью», под которым подразумевается не только наш «физический» мир, но и любая реальность, определяющая свои вложенные реальности [1, с. 145].

Чтобы разнести это терминологическое нагромождение, необходим пример. На полке стоит книга «Мастера и Маргариты» за авторством Михаила Булгакова. По отношению к реальности, в которой находится полка, реальность романа является вложенной, поскольку к ней можно получить доступ, Булгаков жил в реальности этой полки (или наоборот) и написал «Мастера», виртуализируя свою исходную реальность (если нам позволено рассуждать за творца). Сама книга и чернила в ней являются носителем или супервизором, которые не позволяют

двум реальностям смешаться, но дают возможность доступа, т.е. прочтения. Однако, обратной силы – доступа из романа в исходный мир – реальность романа не имеет.

Другой пример касается монотеистического (христианского) дискурса о божественной реальности, как исходной реальности для нашей. Получить к ней доступ тварный (вложенный) человек не может, а Бог, вполне, и даже всемогуще. Знать же о Небесах человеку позволено лишь по причине божественной воли. Переводя на книжный пример, можно вспомнить произведения, заигрывающие с «ломанием четвертой стены», где персонажи осведомлены о том, что они находятся в произведении (чаще всего такой приём можно найти в фильмах и компьютерных играх, скорее всего, из-за классичности самой формы книги). Эти персонажи знают о своей «вложенности» крайне ограниченным способом, тем, что позволил им автор – словно отношение между трансцендентным божественным и порождаемым тварным миром.

Продолжить данную вложенность можно сколь угодно, но каждая новая вложенность усложняет доступ и восприятие из исходной реальности. В «Мастере и Маргарите» приводятся отрывки из внутри-романной книги Мастера, повествующей о Понтии Пилате. Роман Мастера не может получить доступ к «булгаковской реальности», в которой Воланд посетил Москву, но обратно это работает, ведь сам Мастер его и написал. Роман Мастера имеет собственный супервизор, определить который непросто. Средой-носителем или супервизором можно назвать сами выделенные Булгаковым главы о Пилате. Назвать супервизором строки, описывающие внутри-романные черновики Мастера (например, в момент их сожжения) трудно, поскольку они никоим образом не являются средой и ограничителем. Супер-

визором может выступать некоторое правило, некоторая сила или даже структура, позволяющая «разыграть» её реальность. А читателю же доступны оба этих реальности: как книги, так и книги в книге. Для исходной реальности все вложенные реальности уплощаются и имманентизируются, их границы становятся нечеткими, скорее, эфемерными.

Существуют, однако, фильмы и сериалы по «Мастеру и Маргарите», которые виртуализируют книгу, «разыгрывая» её в иной форме. В таком случае, фильм и сериал исходят параллельно из оригинального произведения (конечно, если они не виртуализируют друг друга, т.е. были сняты совершенно независимо). Эта виртуализация также является вложенной, но имеет ссылочный характер, подробно описываемый здесь во втором разделе.

Подытожив все примеры, надо выделить *два возможных онтологических правила виртуализации: во-первых, вложенных реальностей может быть множество, они находятся в иерархической зависимости вложенности подобно «бесконечной матрёшке», и могут быть параллельными друг другу, если имеют своё начало в одной и той же исходной реальности; во-вторых, движение свойств внутри виртуальных реальностей имеет однонаправленность, возможно двигаться только от исходной реальности к вложенным, и никак обратно.*

Кроме супервизора необходимо ввести ещё одну теоретическую фигуру. *Гипервизор – это субъект, через который реальность и все вложенные в него реальности являют себя и сохраняют своё разделённое положение. Главная задача гипервизора суть разграничение области действия нескольких вложенных реальностей друг от друга, и, таким образом, определение каждой реальности. Гипервизор прослеживает цепочку свойств и явлений, проходящих сквозь вложенные реальности, что позволяет ему отличать одно от другого.*

Термины «супервизор» и «гипервизор» были привнесены в теорию из компьютерных наук, в частности из программной виртуализации. Задача компьютерного супервизора организовать многопрограммный режим работы, который исключает конфликт и взаимную блокировку оперативной памяти [2]. Именно супервизор не дает нескольким одновременно запущенным программам «слиться» друг с другом, что вызывало бы ошибки исполнения (т.е. супервизор сохраняет органичность и структуру). Гипервизор же можно назвать супервизором супервизоров, он позволяет запускать несколько виртуальных машин на одном компьютере, и не дает конфликтовать уже им [3]. На бытовых устройствах обычно не встречается, но является незаменимым в облачных вычислениях.

Гипервизор в контексте данной теории назван субъектом, поскольку, в дихотомии, объектная, «пассивная» роль ясно видится за супервизором как просто контейнером виртуальной реальности. Произнося «субъект», подспудно представляется собой образ человека, хотя роль гипервизора может выполнять и машина. Более того, гипервизор остаётся супервизором, поэтому его роль может взять исходная по отношению ко всем вложенным реальностям реальность. Сама возможность доступа к вложенным реальностям наделяет гипервизор дифференцирующей функцией. Если задача супервизора в сохранении своей среды и доступа к ней, то гипервизор обязан следить за параллельными реальностями и прокладывать всю их наследуемую логику, чтобы иметь возможность двигаться по этой цепочке. *Два главных атрибута гипервизора: быть в позиции исходной реальности и иметь некоторую «волю», «активность», о природе которой можно сказать практически ничего (по крайней мере, в рамках данной статьи).* Любой супервизор может стать гипервизором, если сохраняет эти

свойства, а если не сохраняет – то проваливается в стан «объектов», лишается несомненной оригинальности как источника свойств для виртуализации.

Фигуру гипервизора можно сравнить с тем, что Хайдеггер называл словом «Dasein» (в §4 «Бытия и времени» в переводе Библихина значит как «присутствие» [4, с. 14]). Дазайн может раскрывать бытие других сущностей, являть, воплощать их в мире, словно гипервизор, дающий место каждому супервизору и его виртуальной реальности. Дазайн вопрошает о бытии сущего, а гипервизор прокладывает путь от исходной реальности до вложенной, не даёт реальности «забыться», «потеряться». При столкновении этой теории с хайдеггеровской, в качестве роли визуализированных отвлеченных свойств, можно выделить то, что Хайдеггер называет «экзистенциалы», хотя, скорее, их можно сравнить с функциями самого гипервизора, которые в данной статье затрагиваются лишь поверхностно.

На роль идеального гипервизора может претендовать Бог, как гипервизор уже нашей земной реальности и всех вложенных (включая романы, фильмы и т.д.). Этот пример замечательно работает, если вспомнить «Этику» Спинозы, где Бог и материя соединяются, словно гипервизор и исходная реальность, которые могут выполнять одну и ту же функцию. Гипервизор есть спинозийская «субстанция», имеющая бесконечное количество «атрибутов», но, вложившая в этот мир путём виртуализации только две из них: протяжённую и мыслящую (положение XIV [5, с. 17]). Остальные нам непознаваемы, ведь обратного хода движение по виртуальностям не имеет. Всё связано цепью причинностей, логика которых «вшита» в нашу реальность самой субстанцией.

Возвращаясь к «Мастеру и Маргарите», за роль гипервизора выступает, бесспорно, читатель. Он может дер-

жать в голове всю цепочку превращений свойств: от «реальной» (исходной) Москвы, самого романа, вложенного романа о Понтии Пилате, к сериалу и фильму по роману. Все эти элементы самостоятельны, благодаря своим супервизорам, они имеют заметные ссылки друг на друга (в одном направлении), задача гипервизора не дать им «перемешаться».

Мы дошли до ввода «ссылок» в данную теорию. Термины опять позаимствованы из компьютерных наук, в этот раз, из терминологии операционных систем [6]. *Жесткая ссылка – как можно точно воспроизводит виртуальную реальность в другом носителе, супервизоре, напрямую ссылаясь на неё. Символическая ссылка – виртуализирует исходную реальность с некоторыми привнесёнными изменениями, однако, сохраняя органичность ссылаемой реальности.*

Чтобы объяснить свойство жесткой ссылки, достаточно вспомнить «эйдосы» Платона, где каждый конечный предмет суть искаженная и выраженная в материи единая идея вещи. Каждая копия «Мастера и Маргариты», если она передана точно, имеет жесткую ссылку на исходный роман Булгакова, правда, сложно точно определить, где находится его супервизор, может, в рукописях? Поэтому, то, что кажется жесткой ссылкой, часто может быть символической ссылкой, но с минимальными изменениями исходной реальности. Пример символической ссылки приводился раньше: фильм или сериал по «Мастеру и Маргарите» имеет такую ссылку на исходный роман.

Сама виртуализация невероятно избыточна, ей может подвергнуться абсолютно всё, что имеет свойства. Во время прочтения книги, просмотра фильма, видеоигровой сессии кажется, что мы имеем дело с единой виртуальной реальностью, хотя, вполне очевидно, что виртуализации подвергается каждая буква и каждый кадр.

Хоть она, чаще всего, имеет свойство жесткой ссылки и цель достоверной передачи, неужели можно сказать, что реальность книги и реальность воображения суть одно и то же? Точно так же, как для каждой самой маленькой вещи в супермаркете берётся свой отдельный одноразовый пакет – наш разум проводит виртуализацию каждой единицы опыта.

Гипервизор пишет карту путей виртуализации, но, кто проводит саму виртуализацию? Соединить в фигуре гипервизора кроме атрибутов исходной реальности и «активности» теперь ещё и фигуру автора кажется последовательной идеей, но это немного не то. Однако, фигура гипервизора и автора может совпадать, как в случае с богом творцом-гипервизором. Раз речь пошла об авторе, необходимо перейти сначала к самому процессу виртуализации, а потом и к эвристике.

2. «Одолжение» и виртуализация

Термин «одолжение» пришелся нам во время собственных балагурных размышлений, но позже была обнаружена статья С.М. Эйзенштейна под подозрительно похожим названием «Одолжайтесь!». Статья посвящена режиссёрскому осмыслению Эйзенштейном феномена монтажа как заимствования идей и их передачи с помощью монтажных склеек, которые суть «реконструкция законов мышленного хода» [7].

«Одолжение» – это зонтичный термин для многих методов выделения отдельных единиц, объектов, свойств из исходного материала для дальнейшей виртуализации.

«Одолжение» является базовой человеческой (как автора и гипервизора) способностью по переносу свойств, включает в себя абстрактное, аналитическое, синтетические способности разума и рефлексию. Одним словом,

говоря «одолжение», мы хотим обнять целый ворох различных способностей человека и «не-человеков», которые позволяют «выдергивать» отдельные элементы из неразделимого потока опыта или информации. Очень условно это можно сравнить с феноменологической редукцией Гуссерля, с несколькими серьезными исключениями, одним из которых является необязательность отказа от натуралистической установки. «Одолжение» происходит, часто, автоматически, и мы делим предметы на цвета и формы, даже не замечая этого.

В процессе «одолжения» образ объекта опыта очищается от акцидентий и идеализируется, превращаясь в вырванную из сложной реальности упрощенную, часто символическую, модель, которая может иметь мало общего с самим объектом опыта, но, всё же, предполагается её истинность. Вероятно, что у автора, совершающего «одолжение», есть некоторые собственные установки, которые он перед этим накладывает на предмет. К примеру, при «одолжении» цвета и формы объекта опыта для написания картины условной вазы, художнику, вряд ли, будет необходима информации о происхождении вазы, из какой глины она вылеплена, сколько она весит и сколько в неё вмещается (хотя, у художников всякое бывает). Именно поэтому «одолжение» рождает опыт выхолощенный, который избавлен от не-долженствующих, необязательных подробностей, акцидентий.

Следующим шагом, даже необходимым шагом, является долгожданная для сути этой работы виртуализация. Её определение даётся в самом начале статьи. Когда автор собирает в себе некоторое количество отвлеченных данных, они собираются в нем в нечто, что можно определить через термин Витгенштейна «картина мира» [8, с. 9]. Картина мира уже продукт виртуализации, это сборка из отвлеченных

свойств исходной реальности, перенесённая в разум, память человека, как своего собственного супервизора. В этом плане, каждый человек уже автор, но можно пойти дальше, находя для виртуализации другие супервизоры, совершая творческие акты. Теперь человек «одолжает» не только исходную реальность, но и свою «картину мира», рождая новые виртуальные миры.

Как в случае с «Дазайном», на это способен не только человек. Приводились примеры возможности компьютерной виртуализации, когда мы объясняли суть заимствованных в эту статью терминов. Искусственный интеллект работает подобным же образом. Он собирает и концентрирует в себе получаемую им из корпуса текстов информацию, он «одолжает» её, получая параметры («токены»), а затем из этих параметров по запросу производит виртуализацию, т.е. предоставляет текст-сборку. Острым является вопрос обладает ли ИИ пониманием, если нет, то сможет ли он им обладать? К сожалению, в данной теории проблеме понимания пока не нашлось своего места.

3. Эвристика

Как уже было сказано, само творчество, мыслимое как виртуализация, как перенос свойств, тем самым, как создание новых виртуальных реальностей, состоит из двух частей: «одолжения – выделения отвлеченных свойств, и, собственно, виртуализации – сборки из отвлеченных свойств новой целостной реальности, обладающей своим супервизором, а, значит, отделённой от других реальностей.

Так или иначе, говоря о виртуализации необходимо упомянуть «подражание» или «мимезис», так как виртуальное очень часто мыслится как подражание реальному. В некоторой степени это действительно так, виртуализация исходит из отвлеченных

свойств исходной реальности и часто пытается собирать их в подражательном ключе, прямым переносом свойств. Особенно это характерно, когда дело идет о точности: в истории и науках. Подражание является основой творчества, и совсем необязательно воспринимать это прямолинейно. Хотя в «Поэтике» Аристотеля нет упоминания «воображения» (но есть упоминание «импровизации»), но подражание даже без цели создания нового (новой виртуальной реальности) никогда не может быть исчерпывающим в силу множества факторов. В этой теории таким ограничителем является «картина мира» самого автора и сложность сохранения жестких ссылок, которые часто оказываются ссылками символическими. «Картина мира» здесь выступает как «реконструкция законов мысленного хода» Эйзенштейна.

Всё это можно получить трактовкой слов Аристотеля: «...задача поэта – говорить не о том, что было, а о том, что могло быть, будучи, возможно в силу вероятности или необходимости» [9, с. 655]. Про эту самую силу и стоит поразмышлять в рамках нашей теории. Видимо, эту самую «силу вероятности или необходимости» можно вывести из качеств отдельно взятой «картины мира». Однако, сам супервизор виртуального мира стремится сохранить свой гомеостаз, свою целостность, и может сопротивляется силой самих визуализированных свойств, не позволяя, например, напрямую через текст передавать запахи. Существуют более тонкие способы сопротивления, когда писателей загоняет в рамки их собственный сюжет.

Парефразируя: виртуализация – это сборка новой виртуальной реальности из исходной с помощью подражания, преломлённого через саму фигуру автора, и подчиняющегося ограничениям самой среды. Ещё цитата – «...некоторые подражают многому, пользуясь при изображении красками и формами

<...>, а другие – [пользуясь] голосом, точно так и вышесказанные искусства все совершают подражание, [пользуясь] ритмом, словом и гармонией или раздельно, или вместе» [9, с. 646] даёт нам мысль о смене форм в виртуализации, где отвлечённое свойство может кардинально отличаться от объекта опыта, из которого оно было «одолжено». Для знакомых с 3D графикой такое преобразование очевидно, когда объект исходного мира, пресловутая ваза, превращается в набор математических записей, выраженных через «полигоны», т.е. многоугольники, которыми ваза представляется в виртуализованном пространстве. Во многих виртуальных мирах можно выявить первичные функциональные единицы, «атомы», как их понимал Демокрит, или «семена» как у Анаксагора. В компьютерном мире правит математика, единицей является число. На масляном холсте всё выражается мазками кисти, в «Мастере и Маргарите» – буквой и словом, где исходная Москва превращается в Москву текстовую. Здесь ещё раз проявляется выхолощенность отвлеченных свойств, акциденции которых отменяются, видимо, с помощью той же «силы вероятности или необходимости». Книга или фильм ограничиваются сценами, картины ограничиваются своей рамой, видеоигры ограничиваются уровнями. Всё это можно условно называть «детализацией», которая никогда не будет полной в сравнении с исходной реальностью.

Кроме тезиса о том, что «одолжение» происходит всегда и бессознательно, существуют практики «смены взгляда», применяемые художниками. Отличным примером станет концепция «остранения» Виктора Шкловского, которая вместе с «одолжайтесь!» Эйзенштейна и привела к самому рождению термина «одолжения». В своей статье «Искусство как приём» он пишет, что «...приемом искусства является прием “остранения” вещей

и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия...» [10, с. 5]. Поскольку, искусство является лишь одним из возможных результатов виртуализации, то обязательность «остранения» для выявления отвлеченных свойств нами не постулируется, но данный приём позволяет идеализировать предмет опыта для виртуализации совершенно особым не-повседневным способом.

Говоря про «силу вероятности или необходимости», нужно упомянуть, что часто понимается под «виртуальностью» вне контекста данной статьи. «Виртуальность» мыслится как потенциальность, как своеобразное моделирование, привнесение плана в будущее, небытия в бытие. Виртуальное воспринимается как аристотелевский телос или гипотетический аттрактор, и не мыслится в самостоятельном ключе, как уже сбывшееся, уже существующие. Такое отношение комментирует Р.А. Нуруллин: «В классическом представлении наличие реальности... суть актуализация сущностных начал... так как сущность, по Аристотелю, ответственна за то, есть эта вещь или нет. <...> В виртуальном событии никакая сущность и никакой телос не достигают совершенной актуализации» [1, с. 145].

Всё меняется после появления техники, демонстрирующей матрицу вложенных виртуальных реальностей, где каждая реальность сама для себя является самоцелью. Такая матрица становится доминирующей, всё чаще в культуре, например, в научном фэнтэзи, допускается существование так называемых параллельных измерений. Данная статья демонстрирует, что такой ход мышления может быть продуктивен.

Заключение

Единая теория виртуальных реальностей для сфер техники, искусства и метафизики мыслится возможной. Кроме спекулятивного интереса к составлению такого рода теории, она демонстрирует, что методы трёх сфер могут быть объединены. Кроме того, из данной теории можно вывести гносеологическую составляющую, можно сформулировать теорию цифровых медиа. Трансдисциплинарность такого подхода была продемонстрирована путём обращения к широкому кругу источников на разные, но, при этом, сошедшиеся здесь темы. Однако, кроме уже сказанного, в концепции существуют полемичные и не совсем чёткие аспекты, требующие дальнейшей проработки.

Список литературы / References

1. Нуруллин Р.А. Метафизика виртуальности / Р. А. Нуруллин. Казань: Изд-во КГТУ, 2009. – 544 с.

Nurullin R. A. The Metaphysics of virtuality. *Publishing house of KSTU*, 2009. 544p. (In Russ.)

2. Большой Энциклопедический словарь, 2000. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/284790> (дата обращения: 15.01.2025)

The Great Encyclopedic Dictionary, 2000. (In Russ.)

3. Справочник технического переводчика. – Интент. 2009-2013. https://technical_translator_dictionary.academic.ru/41889 (дата обращения: 15.01.2025)

Technical Translator's Guide. *Intent*, 2009-2013. (In Russ.)

4. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; Пер. с нем. В.В. Бибихина. — Харьков: «Фолио», 2003. https://yanko.lib.ru/books/philosoph/haydegger-butie_i_vremya-8l.pdf (дата обращения: 15.01.2025)

Heidegger M. Being and time. *Kharkov: "Folio"*, 2003. (In Russ.)

5. Спиноза Б. Этика / Б. Спиноза. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001. – 336 с.

Spinosa B. Ethics. *Mn.: Harvest, Moscow: AST, 2001.* 336p. (In Russ.)

6. Страницы руководства операционной системы Debian Linux, In. <https://>

manpages.debian.org/wheezy/manpages-ru/ln.1.ru.html (дата обращения: 15.01.2025)

Manual pages of the Debian Linux operating system, ln. (In Russ.)

7. Эйзенштейн С. М. Одолжайтеесь! http://az.lib.ru/e/ejzenshtejn_s_m/text_1932_odolzhaytes.shtml (дата обращения: 15.01.2025)

Eisenstein S. M. Odolzhnaytes! (In Russ.)

8. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн – «Издательство АСТ», 1922. http://jezmmm.ru/wp-content/uploads/2020/07/vitgenshteyin_l_yeksklyuzivnaya_logiko_filosofskiyi_traktat.a4.pdf (дата обращения: 15.01.2025)

Wittgenstein L. Tractatus Logico-Philosophicus. AST Publishing House, 1922. (In Russ.)

Информация об авторах

Мубаракшин Адель Ильдусович, магистрант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций. Author ID: 59505414800; ORCID ID: 0009-0003-7626-1418, e-mail: madelb@rambler.ru

Ибрагимова Зульфия Зайтуновна, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей философии. Author ID: 57190173549; ORCID ID: 0000-0001-8648-6096, e-mail: yuldyz@rambler.ru

9. Аристотель. Сочинения в четырёх томах. Том 4 / М.: Издательство «Мысль», 1983. – 830 с.

Aristotle. Essays in four volumes. Volume 4. Moscow: Publishing house "Mysl", 1983. 830p. (In Russ.)

10. Шкловский В. «Искусство как прием». <https://discours.philol.msu.ru/wp-content/uploads/2018/09/%D0%92%D0%B8%D0%BA%D1%82%D0%BE%D1%80-%D0%A8%D0%BA%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B8%CC%86-%D0%98%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81-D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE-D0%BA%D0%B0%D0%BA-%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B5%D0%BC.pdf> (дата обращения: 15.01.2025)

Shklovsky V. "Art as a technique".

Information about authors

Mubarakshin Adel Ildusovich, master's student, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications. Author ID: 59505414800; ORCID ID: 0009-0003-7626-1418, e-mail: madelb@rambler.ru

Ibragimova Zulfiya Zaytunovna, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General Philosophy. Author ID: 57190173549; ORCID ID: 0000-0001-8648-6096, e-mail: yuldyz@rambler.ru

Поступила в редакцию 08.02.2025; принята к публикации 13.03.2025.

Received 08.02.2025; Accepted 13.03.2025.

Научная статья

Research article

[https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.1.74–83](https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.1.74-83)

Старый «новый атеизм»: проблема новаторского подхода в трудах Ричарда Докинза

Рожнов Р.А.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д.18 корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена проблеме новизны в творчестве ученого и популяризатора науки Р. Докинза, а именно в критике креационизма и концепции существования Бога. Анализируются, насколько новыми являются методы Докинза, а также его восприимчивость к критике. В статье дается общая гносеологическая оценка основных сочинений ученого. Доказывается отсутствие принципиальной разницы в аргументах «новых атеистов» и естественнонаучных ученых-позитивистов XIX в.

Ключевые слова: новый атеизм, креационизм, теология, теория эволюции, постмодерн, вопрос о существовании Бога.

Для цитирования: Рожнов Р.А. Старый «новый атеизм»: проблема новаторского подхода в трудах Ричарда Докинза. *Казанский социально-гуманитарный вестник.* 2025;(1(68)):74–83.

The Old “new atheism”: the problem of the innovative approach in the works of Richard Dawkins

Rozhnov R.A.

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract. The article is devoted to the problem of epy novelty in the work of the scientist and popularizer of science R. Dawkins, especially in the criticism of creationism and the concept of the existence of God. It examines how new Dawkins' methods are, as well as his sensitivity to criticism. The article provides a general epistemological assessment of the scientist's main works. It is proven that there is no fundamental difference in the arguments of the “new atheists” and natural science positivist scientists of the 19th century.

Keywords: new atheism, creationism, theology, theory of evolution, postmodernity, the question of the existence of God.

For citation: Rozhnov R.A. The Old “new atheism”: the problem of the innovative approach in the works of Richard Dawkins. *Kazan Socially-Humanitarian Bulletin.* 2025; (1(68):74–83.

В течение XIX–XX вв. сформировался целый спектр разнообразных течений, признающих и осуществляющих права разума на самостоятельное критическое исследование религии: марксистский атеизм, логический позитивизм, светский гуманизм, атеистический экзистенциализм, эволюционный гуманизм, философский натурализм, натуралистический гуманизм [1, с. 41–44]. При этом в современном дискурсе широко представлены и различные направления свободомыслящих предшествующих традиций: скептики, рационалисты, гуманисты, деисты, агностики, секуляристы, антиклерикалы, неверующие либералы и другие. В последние десятилетия усилилось влияние постмодернизма на размывание религиозного мировоззрения, появляются различные направления антиавторитаризма и антидогматизма, апологии плюрализма и толерантности [2, р. 331]. В начале XXI века в англоязычной среде начал быстро развиваться так называемый «Новый атеизм» (англ. «New Atheism»), вызвавший неожиданный и неоднозначный интерес со стороны, как светской, так и богословской интеллигенции. Хотя общее число его приверженцев относительно невелико, некоторые социологические исследования показывают, что влияние атеизма, как на западе, так и в нашей стране, растет — особенно в среде подростков и молодежи.

«Новый атеизм» — это условное название идейного движения ряда современных западных научных и общественных деятелей, в основании деятельности которых лежит «отрицание любой трансцендентной метафизической реальности и предположения об иррациональности религии и религиозной веры, противоречащей научному мировоззрению» [3]. Отправной точкой движения «нового атеизма» большинство исследователей считают изданную в 2004 году работу аме-

риканского публициста Сэма Харриса «Конец веры: религия, террор и будущее разума». Сэм Харрис описал трагическое событие 11 сентября в качестве удачного примера пагубности религии, что придало его труду быструю популярность. В своей книге Харрис критикует все религии, но главный удар, ожидаемо, нацелен на ислам.

Однако, по нашему мнению, корректнее начать отсчет указанного движения со статьи наиболее яркого представителя этого направления атеизма Ричарда Докинза «Время подняться», изданной в журнале «Freethought Today» в 2001 году. «Хватит топтаться на месте! — пишет Докинз — Пришло время гнева, и не только против ислама... До недавнего времени мы сдерживались из соображений вежливости... Но пришел час подняться и отбросить это абсурдное табу... Последние остатки уважения к религии рассеялись в дыму и пыли теракта 11 сентября» [4]. В 2006–2007 годах, выходят в печать еще ряд книг Докинза, журналиста и публициста Кристофера Хитченза, физика-теоретика Виктора Стенджера и философа Дениела Деннета. Журналист «Вайрд мэгазин» Гари Вольф, в ноябре 2006 года, в статье «Церковь неверующих» впервые называет Деннета, Харриса, и Докинза «новыми атеистами». При этом сам автор вкладывал в это определение негативный смысл. «Ирония «Нового атеизма», — писал Вольф, — в том, что это религиозная критика религии и экстремистская оппозиция экстремизма. Для меня это слишком» [5, с. 55–87]. Сам термин «Новый атеизм» довольно неоднозначен и спорен. В классическом понимании атеизм — это «неверие, безверие, безбожие, не верование в бытие Бога» [6, 7]. Согласно такому пониманию «Новый атеизм» должен быть назван, скорее, естественным материализмом или натурализмом, так как атеизм предполагает наличие картезианского дуализма, а его «Новый атеизм» отвергает [8].

Американский писатель Реза Аслан предлагает называть указанное направление «антитеизмом». «Хотя атеист считает, что бога не существует, и потому не следует никакой религии, антитеист выступает против самой идеи религиозных убеждений, часто рассматривая религию как коварную силу, которая должна быть удалена из общества, при необходимости – насильственными методами» [9]. Сами, так называемые, «новые атеисты» скорее соглашаются с названием «антитеисты», так как большее их количество в своих работах выражают радикальное несогласие с непосредственной идеей религиозной веры. Например, Кристофер Хитченс в своем произведении «Письма юному спорщику» [10, с. 75] пишет: «Я не столько атеист, сколько антитеист. Я не только считаю, что все религии — это версии одной и той же неправды, но и считаю, что влияние церквей и эффект от религиозной веры безусловно пагубен». Докинз же, пытаясь классифицировать собственную мировоззренческую позицию, называет себя «по существу атеистом»: «Я не могу знать с абсолютной точностью, но я полагаю, что вероятность существования бога очень мала, и я живу, полагая, что его нет». В то же время он дистанцируется и от агностицизма: «я агностик в той же мере, в какой я агностик в вопросе существования фей» [10, с. 76].

По мнению Р. Аслана, «Привлекательность «Нового атеизма» заключается в том, что он предложил неверующим «мускулистую и догматическую форму атеизма, предназначенную для противоборства с мускулистыми и догматическими религиозными убеждениями... В этом и заключается проблема «Нового атеизма» – в борьбе с религиозным фундаментализмом он превратился в секулярный фундаментализм» [8]. Он «содержит в себе все характерные признаки: чувство непоколебимой уверенности, утверждение

монополии на истину, стремление выставить противника темным и глупым, нетерпимость к альтернативным взглядам, фанатичностью последователей, стремлением к дальнейшему прозелитизму» [11, 12]. Таким образом, на наш взгляд, «Новый атеизм» не может быть выразителем современного атеизма в классическом понимании этого явления и не может исполнять его интегративную и коммуникативную функцию.

Аналитики и критики движения «Новый атеизм» также согласны с тем, что термин, употребляемый для его описания, часто вводит людей в заблуждение. Они указывают на некоторую терминологическую неточность термина «новый» при описании движения «Нового атеизма»: «Новизна нового атеизма состоит не в тонкостях его интеллектуальных аргументов, а в том, что новизна этого явления определяется резкостью и настойчивостью атеистического посыла» [13, р. 2], а также вызванным им общественным резонансом. Приверженцам этого направления не интересно разбираться в философских тонкостях и аргументах за или против религии, их главный посыл в том, что здесь просто не о чем говорить. Согласно точному замечанию Тома Флинна (известного атеистического гуманиста): «в новом атеизме нет ничего нового». Большинство концептуальных идей, которые пытаются развивать «новые атеисты» были изложены уже несколько столетий назад. «Новый атеизм нов не потому, что содержит новые идеи, а потому что является своего рода возрождением и переупаковкой старых идей» [14, с. 117-121]. Американский христианский философ Уильям Лэйн Крейг говорит, что «Новый атеизм» – это «не феномен интеллектуальной жизни... это феномен массовой культуры».

Сам термин «новый», при характеристике исследуемого движения, в некоторой степени позволяет отделить

данное направление современного западного секулярного мировоззрения от так называемого современного «научного атеизма» советского периода. Феномен «Нового атеизма» – исключительно западный, по большей части – американский. Массовая западная аудитория (особенно североамериканская) впервые массово столкнулась с такого рода атеистической литературой, произведения «новых атеистов» теперь широко распространены и сам атеизм перестал быть принадлежностью лишь узкого круга специалистов. На наш взгляд, «Новый атеизм» является своеобразным, постмодернистским переосмыслением идей XIX века, и его новизна, определяется контекстом, пересмотром и переосмыслением классического позитивизма в новых обстоятельствах. Во многом он стал популярным благодаря трагическим событиям событий 11 сентября 2001 года, которое «стало катализатором для возникновения данного секулярного движения, «новые атеисты», таким образом, оказались в нужное время и в нужном месте, став в глазах американских обывателей чуть ли не главными идейными борцами с религиозным фанатизмом» [15].

Необходимо также выделить своего рода «онлайн» характер «Нового атеизма» – одну из его главных отличительных характеристик. Большинство важнейших представителей «Нового атеизма», которые формируют общественное мнение, ведут свою деятельность по большей части в сети Интернет. В качестве примера подобных образований можно привести, например: «Project Reason» (Проект разума) или «The Richard Dawkins Foundation» (Фонд Ричарда Докинза) [16]. На платформе YouTube встречается множество видео с выступлениями представителей «новых атеистов» или ответные полемическими высказывания их оппонентов. Последователи «новых атеистов» ведут различные интернет-блоги,

как например: Butterflies and Wheels, Why Evolution Is True, Pharyngula. Интернет, как способ интеграции, сыграл ведущую роль в массовом распространении идеологии указанного движения, его последователи активно используют интернет-сайты, где смело высказывают свои идеи и ведут дебаты с верующими. Профессор Бэнс Нэнэй, исходя из сложившегося вокруг этих авторов своеобразного светского культа, именует их «медиа-пророками с несколькими миллионами последователей в Твиттере» [17, p.6].

В статье «Why I Don't Believe in the New Atheism» (Почему я не верю в Новый атеизм) редактор научного журнала «Свободная мысль» Т. Флинн, впервые назвал Ричарда Докинза, Сэма Харриса, Кристофера Хитченса и Дэниела Деннета «всадниками атеизма» (это наименование стали в дальнейшем использовать другие авторы), аналогично четырем всадникам из Апокалипсиса. Это название было усвоено самими «новыми атеистами», в частности, так был назван документальный фильм с их участием (такая ирония становится символической, если учесть, что в Апокалипсисе эти четыре всадника изображают собой войну, смерть, болезнь и голод). Эта «апокалиптическая четверка» (затем к ним присоединились и другие авторы) буквально взорвала западный мир своими произведениями, разоблачающими религию и веру в Бога. Важно отметить, что двое из них – Докинз и Стенджер – практикующие ученые (биолог-эволюционист и физик-теоретик соответственно) рассматривают бытие Бога как научную гипотезу, которая может быть проверена стандартными научными методами, а религия становится предметом их научного анализа и с его же помощью, как они считают, опровергается.

Научно-популярные работы Докинза (регулярно переводимые на другие европейские языки) посвящены, в ос-

новном, популяризации и объяснению атеистической интерпретации теории эволюции Дарвина и биологического механизма естественного отбора. Первая известная книга Докинза «Эгоистичный ген» (вышедшая в 1976 году), имела феноменальный успех у читателей. Она написана как введение в теорию эволюции Дарвина, объясняя целый ряд алогичных гипотез, такие как теория альтруизма, процесс, как кажется эгоистичный, так и естественный отбор. Главное достоинство данной книги в том, что в ней Докинз изложил эти сложные биологические теории удивительно ясно и доступно для неподготовленного читателя. Ричард Докинз известен также как последовательный критик теории креационизма и концепции «разумного замысла». В первой своей книге по этой тематике: «Слепой часовщик» (1986) он пытался оспорить известный креационистский аргумент в вопросе объяснения сверхъестественного создателя.

Нельзя не заметить изменений, произошедших в риторике и самом тоне сочинений Докинза. Как отмечает в своей рецензии на книгу «Капеллан дьявола» философ М. Рьюз, «внимание Докинза перескочило с сочинений о науке для популярной аудитории к всесторонней атаке христианства» [18]. Если в «Эгоистичном гене» (1976) Докинз лишь вскользь замечает: «Нам теперь нет нужды обращаться к суевериям, когда мы сталкиваемся с извечными проблемами: существует ли смысл жизни? Для чего мы живем? Что есть человек?» [19], то последние его работы представляет собой попытку выстроить целостное мировоззрение современного атеиста, своего рода учебник основного «анти богословия». Серия его последующих научно-популярных книг: («River Out of Eden» (Река из Эдема) (1995 год), «Climbing Mount Improbable» (Восхождение на гору невероятного» (1996 год), «The Rainbow. Science, Delusion and the Appetite for

Wonder» (Расплетая радугу. Наука, заблуждения и потребность изумляться) (1998 год), «A Devil's Chaplain: Reflections on Hope, Lies, Science, and Love» (Капеллан дьявола. Размышления о надежде, лжи, науке и любви» (2003 год), «The Ancestor's Tale» (Рассказ предка» (2004 год)) отличаются постепенным усилением в них атеистической, антирелигиозной составляющей. Эту же тенденцию в эволюции мировоззрения Докинза можно увидеть из анализа его выступлений на радио и телевидении, а также в многочисленных дебатах в тоже время. «Известный научный популяризатор превратился в фанатичного антирелигиозного полемиста, фанатично проповедующего, нежели аргументирующего свою мировоззренческую позицию» [18].

В конце 2006 года вышла в свет очередная книга Ричарда Докинза «Бог как иллюзия» или «Заблуждение Богом» (God's Delusion, 2006.), в которой он выражает мировоззрение современного ученого-атеиста, использует рациональный подход и научный метод при рассмотрении вопросов религии и религиозной веры. По сути, эта работа является компендиумом серии предшествующих его научно-популярных трудов, которые были перечислены выше, но занимает отдельное место, став литературной доминантой «Нового атеизма».

На страницах книги встречаются не только колкие высказывания о религии (в основном о христианстве), но и неприкрытое кощунство. Как отмечает один из самых последовательных критиков Докинза Алвин Плантинга: «Докинз, пожалуй, самый популярный научный писатель в мире... Но в книге «Бог как иллюзия» науки совсем немного; это, в основном, философия и теология (возможно, «атеология» будет более подходящим термином) и эволюционная психология, наряду с существенным количеством социальных комментариев, порицающих религию

и ее якобы пагубные последствия». Автор пишет, что не намерен никого обижать, но «имеет право снять белые перчатки и быть саркастичным, поскольку не видит принципиального отличия между религиозной верой и политической идеологией». Добавим, что в критике Докинза заметно преобладание иронии в отношении концепции Бога над аргументами, претендующими на научность. Вопреки декларируемым целям, Докинз больше высмеивает веру и креационизм, а не старается обосновать свой подход логически.

Как уже отмечалось выше, в содержании работы Докинза нет ничего особенно оригинального, но можно выделить два положения, на которых он особенно настаивает. Во-первых, Докинз считает вредным и опасным не только религиозный экстремизм, но даже и проявления умеренной религиозности: Во-вторых, по мнению Докинза, вера в Бога должна быть проверена научным методом, который разоблачает несостоятельность религии.

По мнению Докинза, уважение к религиозным верованиям должно быть прекращено просто потому, что они являются религиозными верованиями. По Докинзу, религиозная вера - это убежденность, несмотря на отсутствие эмпирических доказательств, а часто и вопреки им (это определение впервые употребляется в работе "Эгоистичный ген" (1976)). Однако, признавая религиозную веру как крайне важный элемент человеческого знания и восприятия, Докинз, в то же время, различает «хорошие» и «плохие» основания такой веры. «Хорошими» он считает доказательства, полученные в результате наблюдений, «плохими» – откровение, традиции и авторитет.

Известный философ-атеист Майкл Руз писал: «Хороший ученый глубоко исследует предмет, о котором он собирается писать. Этого Докинз не сделал. Он и не философ, и не теолог. Я, к при-

меру, не биолог, но, по крайней мере, прежде чем писать, я глубоко изучаю свой предмет. А эта его заносчивость и педантичное высокомерие... Книга Докинза подтверждает мою оценку теории эволюции как псевдорелигии. Его секулярный гуманизм также имеет квазирелигиозные характеристики» [20]. Британский теолог Алистер Макграт ставит в упрек Докинзу несоблюдение им же тех самых стандартов научности, которые он предъявляет к исследованию религиозной веры. По его мнению, критика религии Ричардом Докинзом «основана на рассказах с чужих слов и анекдотических свидетельствах вместо серьезных исследований и отличается скорее риторикой, чем рациональностью» [21, с. 128-129].

Эта волна критики могла бы вызвать, по крайней мере, какую-то коррекцию в аргументах, но, похоже, прошла совершенно незамеченной. В 2019 году вышла книга Докинза *Outgrowing God: A Beginner's Guide* («Перерастая Бога: пособие для начинающих», перевод на русский язык сделан в 2022 году А. Гопко), в которой автор не приводит новых доказательств, а только упорно повторяет старые.

Книга Докинза «Бог как иллюзия» начинается с описания того, что он называет «гипотезой Бога». Это идея о том, что «Вселенная и все, что в ней есть», было задумано неким «сверхчеловеческим сверхъестественным разумом». Этот разум может быть как личным (христианство), так и безличным (деизм). Автора интересуют не отдельные характеристики Бога, описанные в той или иной религии, а вопрос о том, в какой форме «гипотеза Бога» может быть обоснована. Его ответ: «почти наверняка нет». В основном он обсуждает христианство, которое, по его мнению, часто боролось с наукой, а отчасти потому, что его религиозные традиции известны ему лучше всего (он вырос в англиканской семье).

Докинз кратко суммирует, и приводит главные аргументы книги к шести основным тезисам:

– одной из основных задач человеческого разума на протяжении столетий была «попытка объяснить появления в мире сложных и маловероятных объектов, которые выглядят так, как будто они были специально спроектированы»;

– возникает естественное искушение подумать, что «объекты, напоминающие продукты дизайна, действительно спроектированы»;

– это искушение заводит в тупик, так как «гипотеза Творца сразу же поднимает еще более серьезную проблему о появлении самого Творца»;

– наиболее обоснованной является дарвиновская теория эволюции и естественного отбора» и «иллюзия дизайна» организмов теперь не более чем иллюзия;

– подобное дарвиновской теории еще предстоит открыть в физике;

– мы не должны терять надежду найти подобный биологическому подход в физике.

Таким образом, по мнению Докинза, «гипотеза Бога» – это научная гипотеза, нуждающаяся в доказательстве, и к ней следует относиться с тем же недоверием, как и к другой гипотезе. «Бога почти наверняка не существует», – таков пока «главный вывод книги».

Признание исключительности и истинности дарвиновской теории эволюции является одним из важных аспектов «нового атеизма» Докинза. Именно эта теория, по мнению «новых атеистов», «является единственной научной теорией, способной противостоять нависшей угрозе популярного креационизма» [10, с. 97].

Хотя в обсуждении антропологических причин религии Докинз не выходит за рамки традиции Просвещения, он вносит интересный штрих в свои теории о происхождении религиозных

взглядов и верований. Так, он рассматривает религию как «побочный продукт» эволюции и вводит понятие «религии - мема».

Докинз противопоставляет религиозные моральные ценности и их происхождение светским, а также рассматривает эволюционное развитие моральных ценностей. На вопрос: «Если не Бог является источником моральных заповедей, то откуда же они берутся?» – Докинз отвечает, что продуктом эволюции является и мораль. Если окажется, что люди нуждаются в Боге для поддержания своего нравственного поведения, это не означает, что существование Бога необходимо или доказуемо. «Безусловно, стратегия программирования эгоистичного поведения носителя не всегда ведет к выживанию гена в конкретном носителе: например, стратегия взаимного альтруизма тоже вполне успешно справляется с такой задачей» [10, с. 135]. По мнению Докинза, мораль, существующая в нашем обществе, является своего рода «ошибкой» и может рассматриваться как «сбой эволюционных закономерностей». Следствием эволюционного подхода к морали является вывод о том, что мораль возникла до религии, и не является ее производной.

В целом Докинз подходит к опровержению религии с позиций рационализма, используя достижения современного естествознания, критикуя доказательства существования Бога с точки зрения «здорового смысла» и используя факты из области естественных наук. По мнению исследуемого автора, религия – атавизм, у которого в современном обществе нет будущего. Что предлагает автор взамен – разум (редуцированный в первую очередь к естественнонаучному методу: верить нужно только научно доказуемым утверждениям о реальности (сциентизм)), и натурализм – все есть материя. Главная логическая сцепка Докинза здесь выглядит так: Бога нет, вера

есть иллюзия, а религия — пустая затея и зло, поскольку существует биология, основополагающим началом которой является эволюционная теория. Рассмотрим этот «основной вывод книги» в следующем параграфе настоящей работы.

При этом Докинз пишет, что его «энтузиазм в отношении науки часто называют религиозным». Он считает, что такое благоговение перед сложностью видимой природы лежит в основе «эйнштейновской религии», поскольку Альберт Эйнштейн использовал слово «Бог» в качестве метафоры для обозначения «тайны Вселенной». В своей книге «Бог как иллюзия» Докинз пишет, что «бытие или небытие Бога — это научное утверждение, касающееся устройства Вселенной, и как таковое оно нуждается в доказательстве, хотя на практике доказать его невозможно» [21]. Преувеличивая возможности эмпирического подхода, рассматриваемый нами автор впадает в карикатурное представление о религии, основанное на слепой вере и недоказуемых утверждениях. На наш взгляд, к исследованию религии нужно подходить из того, что она ближе к гуманитарным наукам, где основной метод изучения не наблюдение, а интерпретация. Изучая, например, текст «Одиссеи» Гомера, который материален, грамотный человек пытается понять ее смысл. А верующий смотрит на физический мир и пытается понять цель его существования. Это, конечно, не доказывает истинность религии, но от религии нельзя ожидать такой же доказательной способности, как от естественных наук, а естественные науки не могут доказать истинность религии.

В своей книге «Бог как иллюзия» Докинз утверждает, что наука использует свидетельства, чтобы открывать правду о вселенной, и что на протяжении веков она улучшалась, несмотря на сопротивление религии. Хотя он вынужден признать, что наука

выросла из религиозной традиции, но религия, по его мнению, учит нас довольствоваться непониманием. По Докинзу получается, что когда мы рассматриваем красоту мира и задаемся вопросом, как он стал таким какой он есть, нас естественно переполняет чувство благоговения, чувство восхищения и мы чувствуем желание поклоняться чему-то. Но, сейчас наука, по мнению ученого, достигла освобождения от этого импульса приписывать эти вещи создателю.

На категориальную ошибку в подобных рассуждениях Докинзу указывал доктор Джон Леннокс, с которым у британского этолога состоялось несколько знаменитых публичных дебатов в Оксфорде. Леннокс отмечал на упреки Докинза в «использовании магии в своих рассуждениях», что «трусливая попытка предположить, что если мы чего-то не понимаем, значит, это сделала магия» — это обвинение в использование классического аргумента «Бог пробелов (или Бог белых пятен)» — логической ошибки, состоящей в том, что неизвестное замещается некоторым мифом и более не считается неизвестным (наука на данный момент не может объяснить явление А, следовательно, явление А происходит вследствие вмешательства Бога (богов)). Немецкий теолог и участник антинацистского заговора Дитрих Бонхеффер, находившись в тюрьме в период войны, писал: «Как неправильно использовать Бога в качестве временного промежутка для неполноты нашего знания. Если на самом деле границы познания отодвигаются все дальше и дальше, что неизбежно, то Бог отодвигается вместе с ними и, следовательно, постоянно отстывает. Мы должны найти Бога в том, что мы знаем, а не в том, чего мы не знаем» [22]. Бонхеффер пытался преодолеть проблему «Бога белых пятен», чтобы наполнить христианскую теологию новыми силами и смыслами, такая те-

ология должна быть лишена оправдательных и околонучных тем.

Автор термина "Бог белых пятен", геолог и химик Чарльз Коулсон, в работе «Наука и христианская вера» писал: «Нет никакого «Бога белых пятен», который мог бы взять на себя управление в тех стратегических местах, где наука терпит неудачу; и причина в том, что белые пятна такого рода имеют неопостижимую привычку сокращаться». Коулсон делает категорический тезис: либо Бог есть во всей природе, либо его нет вообще.

Сегодня христиане используют идею «Бога белых пятен» для объяснения происхождения Большого взрыва, живой клетки из неживой материи, парадокса макромира и микромира. История науки показывает, что сокращение места для Бога в природе будет происходить всегда. Если раньше эту идею использовали христианские теологи для критики проблемных мест в христианстве, то теперь эту идею используют атеисты и скептики для критики религии.

Так что наука в современном представлении ограничена тем, что можно назвать методологическим натурализмом (не путать с простым натурализмом). По мнению Докинза, существо-

вание Бога – это научная гипотеза, нуждающаяся в доказательстве, а веру в Бога необходимо проверять научными методами, чтобы выявить несостоятельность религии. Главный постулат изучаемого автора состоит в том, что религия основана на научных утверждениях. Следовательно, к Богу и всему остальному, о чем говорит религия, можно подходить с позиций науки и разума. Неудивительно, что научная гипотеза Докинза о Боге проваливается «тест», поскольку оказывается очень плохой гипотезой с нулевой объяснительной способностью. Утверждение Докинза об исследовании религиозности естественно-научными способами, крайне спорно. Критики Докинза неоднократно отмечали необоснованность того, что предмет религии трансцендентен, а не эмпиричен, и понятия, с которыми она имеет дело, не являются эмпирическими – это очевидным образом лежат вне компетенции естественных наук. По сути, аргументы Докинза в критике существования трансцендентного Бога не выходят за рамки высказанного атеистами – представителями естествознания XIX в. и отличается только большей эмоциональной экспрессией.

Список литературы / References

1. Фазлеева Р.Р. Новейшая история свободомыслия: учебное пособие. Казань, 2016.
2. Clarke P.B. The Oxford Handbook of the Sociology of Religion. Oxford Handbooks Online, 2009.
3. Dawkins R.K. Time to Stand Up // Freethought Today (Madison, Wis.), 18; 8 (2001) [Электронный ресурс]. URL: http://ffrf-rg.translate.google/?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc&_x_tr_hist=true (дата обращения: 12.07.2023).
4. Wolf G. The Church of the Non-Believers [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.wired.com/wired/archive/14.11/atheism.html> (дата обращения: 12.07.2023).

5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах. М, 2006. Т. 1.
6. Plantinga A. C. Naturalism, Theism, Obligation and Supervenience// Faith and Philosophy. 2010. Vol. 27. №.3. P. 247-272; [Электронный ресурс]. URL: <https://philpapers.org/rec/PLANTO> (дата обращения: 28.07.2023);
7. Peels R. Are Naturalism And Moral Realism Incompatible?//Religious Studies. 2014. №50. P. 77-86. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/271898951_Are_naturalism_and_moral_realism_incompatible (дата обращения 28.07.2023)/

8. Aslan R. Sam Harris and “New Atheists” aren’t new, aren’t even atheists. 2014 [Электронный ресурс]. URL: https://www.salon.com/2014/11/21/reza_aslan_sam_harris_and_new_atheists_arent_new_arent_even_atheists/ (дата обращения: 13.07.2023).
9. Hitchens E.C. Letters to a young contrarian. Basic Books [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hachettebookgroup.com/titles/christopher-hitchens/letters-to-a-young-contrarian/9780465030330/?lens=basic-books> (дата обращения: 17.07.2023).
10. Докинз Р. Бог как иллюзия. М., 2008.
11. Haught J.F. God and the New Atheism. Kentucky: Westminster John Knox Press, 2008 [Электронный ресурс]. URL: <https://freethoughts.dorshon.com/wp-content/uploads/God-and-the-New-Atheism.pdf> (дата обращения: 20.06.2023);
12. Reitan E. Is God a delusion? New York: Wiley Blackwell, 2008. [Электронный ресурс]. URL: <https://philpapers.org/rec/REIORA> (дата обращения: 20.06.2023).
13. Amarasingam A. What Is the New Atheism?// Religion and the New Atheism: A Critical Appraisal, ed.by Amarnath Amarasingam. Leiden: Brill, 2010.
14. Камалдинов А.В. Критика идей «Нового атеизма» в современном англо-американском дискурсе // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Т. 8. № 2А. С. 117-123.
15. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.project-reason.org/> [дата обращения 06.07.2023], <https://richarddawkins.net/> [дата обращения 06.07.2023].
16. Nanay B. The new atheists are not atheist enough. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://theconversation.com/the-new-atheists-are-notatheist-enough-82966> (дата обращения: 15.07.2023).
17. Ruse M. Through a Glass, Darkly. American Scientist 91 (2003).
18. Макграт А.Э. Является ли «научное богословие» интеллектуальным нонсенсом? Диалог с Ричардом Докинзом. 2009 [Электронный ресурс]. URL: <https://bogoslav.ru/article/386477> (дата обращения: 25.06.2023).
19. Flynn T. Why I Don’t Believe in the New Atheism [Электронный ресурс]. URL: http://www.secularhumanism.org/index.php?section=library&page=flynn_30_3 (дата обращения: 25.06.2023).
20. McGrath A.E. The Dawkins Delusion? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ivpress.com/cgi-ivpress/book.pl/review/code=3721> (дата обращения: 12.06.2023).
21. Coyne J. Faith versus fact. New York: Viking, 2015 [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/13957150/Review_Article_on_Jerry_Coyne_Faith_versus_Fact_Why_Science_and_Religion_are_Incompatible New York Viking 2015 311 pages (дата обращения: 20.07.2023).
22. Bonhoeffer D. Letter to Eberhard Bethge, 29 May 1944. P. 310–312. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.tcu.edu/staff/bellinger/60013/Letters-from-prison.pdf> (дата обращения: 10.07.2023).

Информация об авторе

Рожнов Роман Алексеевич, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра религиоведения, e-mail: ekonom@raifa.ru

Information about author

Rozhnov Roman Alekseevich, graduate student, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of Religious Studies. e-mail: ekonom@raifa.ru

Поступила в редакцию 17.01.2025; принята к публикации 16.03.2025.
Received 17.01.2025; Accepted 16.03.2025.

5.7.7. – Социальная и политическая философия

Научная статья

Research article

УДК 1:304.2

[https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.1.84–92](https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.1.84-92)

Свобода от интереса? Размышление об эстетике после кантовского юбилея

Шатунова Т.М.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д.18 корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Обычно статьи, посвященные творчеству мэтра, пишутся в преддверии. Для автора данной статьи, напротив, юбилейные мероприятия и мысли оказались катализатором переосмысления в контекстах современных реалий и теорий одного устоявшегося в эстетике «кантовского» положения о бескорыстном наслаждении как специфике эстетического чувства и отношения человека к миру. Обнаруживается проблематичность применения этой позиции в эстетике Канта. В статье ставятся вопросы о смысловых связях идеи бескорыстного наслаждения как с эпохой Канта, так и с современностью. Актуальность анализа обусловлена сложившейся в наши дни ситуацией возможной значимой антропологической утраты – риска безвозвратной потери человеком исследуемой эстетической эмоции под давлением прагматических настроений в современном социуме. Цель статьи – обнаружение потенциалов противостояния подобным рискам как в эстетической теории, так и в эстетическом мироощущении современного человека.

Ключевые слова: Кант, социум, эстетика, бескорыстное наслаждение, незаинтересованное удовольствие, свобода от интереса.

Для цитирования: Шатунова Т. М. Свобода от интереса? Размышление об эстетике после кантовского юбилея. *Казанский социально-гуманитарный вестник.* 2025;(1(68):84–92.

Freedom from Interest? Reflections on Aesthetics after the Kantian Jubilee

Shatunova T.M.

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract. Usually articles devoted to the work of the maestro are written in anticipation. For the author of this article, on the contrary, the anniversary events and thoughts turned out to be a catalyst for rethinking, in the context of contemporary realities and theories, one well-established in aesthetics ‘Kantian’ position on disinterested pleasure as a specificity of aesthetic feeling and man's relation to the world. The problematic application of this position in Kant's aesthetics is revealed. The article raises questions about the semantic connections of the idea of disinterested pleasure both with Kant's epoch and with modernity. The relevance of the analysis is conditioned by the current

situation of a possible significant anthropological loss - the risk of irrevocable loss of the aesthetic emotion under the pressure of the dominance of pragmatic sentiments in modern society. The aim of the article is to discover the potential for countering such risks both in aesthetic theory and in the aesthetic worldview of modern man.

Keywords: Kant, society, aesthetics, disinterested pleasure, selfless delight, freedom from interest.

For citation: Shatunova T. M. Freedom from Interest? Reflections on Aesthetics after the Kantian Jubilee. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025;(1(68): 84–92. (In Russ.)

Вкус есть способность судить о предмете или о способе представления на основании удовольствия или неудовольствия, *свободного от всякого интереса.*
Предмет такого удовольствия называется *прекрасным.*

Иммануил Кант. Критика способности суждения.

Введение

Бескорыстное наслаждение. Уже несколько столетий считается, что это самый главный признак эстетического как человеческого общественного отношения. Но так было не всегда. Если бы мы сказали, что статуи греческих богов созданы ради бескорыстного наслаждения, греки бы, наверное, нас убили. Иконописные лики создавались тоже отнюдь не ради бескорыстного наслаждения, а ради молитвы, сочувствия, Прощения.

Практически только в Новое время стало общепризнанным, что бескорыстное отношение человека к любому объекту, процессу, к самому себе является символом, печатью эстетического начала в мире. Так думал Н.Г. Чернышевский, автор диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности»: «Мы бескорыстно любим прекрасное, мы любимся, радуемся на него, как радуемся на милого нам человека...» [1, с. 59]. Российская традиция в целом, будучи наследницей немецкой классической эстетики, сохраняла эту идею бескорыстного любования, радости и наслаждения как специфики эстетического чувства

практически до настоящего времени. И всегда считалось, что это кантовская установка. Интересно, что Гадамер в программной статье «Эстетика и герменевтика» пишет о *незаинтересованном* наслаждении [2, с. 258], тогда как в большинстве русскоязычных текстов всегда для перевода использовалось понятие «*бескорыстное*». Что же касается самого Канта, это не совсем так. Открываем «Критику способности суждения» и ... не обнаруживаем в ней слова «бескорыстное».

Точнее, оно присутствует в тексте третьей «Критики», но по совершенно другим, этическим поводам. Как могло случиться, что Канту приписывается буквально аксиома: эстетическое есть бескорыстное любование, удовольствие, наслаждение, способность любоваться чистой формой, удовольствие свободное от всякого практического интереса, незаинтересованное удовольствие, неутилитарная польза. Получается, что такой смысл практически самой основной эстетической категории возник не сразу и не у самого Канта. Задачей статьи является прояснение этой смысловой трансформации понятия эстетического отноше-

ния, что, в свою очередь, оправдывает цель работы – предотвратить (хотя бы в дискурсе) возможность утраты современным человеком уникальной эстетической способности – испытывать бескорыстное удовольствие.

Методология

Поскольку речь идет о необходимости сопоставления историко-культурных смыслов одного из основных понятий эстетики, не обойтись без исторического анализа и сравнительного метода. Что касается социально-философской методологии, здесь, по-видимому, будет работать заявленный Ж. Деррида принцип исследования «приключения понятия», поскольку смысловые метаморфозы «свободы от интереса» не стоят последовательно в одну линию на полотне исторического развертывания эстетической мысли, а выстраиваются в определенный нелинейный и полихромный рисунок, в том числе не без помощи самого исследователя. Анализ этого рисунка позволяет выстроить на пространстве современной эстетики структуру и логику приключения большой эстетической и человеческой проблемы.

Результаты и обсуждения

Итак, вся «интрига» статьи состоит в следующем: как могло получиться, что в истории западноевропейской культуры и эстетики появилось и было приписано Канту понятие «бескорыстное наслаждение», в то время как сам Кант говорил о «незаинтересованном удовольствии», тем более что у него главным образом речь шла не о реальности, а о суждениях.

Отчасти на этот вопрос, совсем не имея в виду Канта, ответил Вальтер Беньямин [3, с. 27-29]. Дело в том, что творчество Канта пришлось на такое время, когда искусство уже перестало паразитировать на древе культа, стало свободным от влияния церкви, а от-

части даже и религии. Оно стало светским. Но оно еще не попало на рынок дешевой и массовой художественной продукции. Конечно, во все времена творение можно было продать/купить. Но это были отдельные, эпизодические ситуации, скорее, остаток средневековой формы духовного производства, а вот до массового производства-распределения-обмена-потребления капиталистического предпринимательского социума искусство еще не «дожило». Вот-вот, но все же пока еще не ... Кант встал в это «умное место» в истории искусства и эстетики, но не просто «встал»: он сам и *стал* этим Умным местом. Он *создал* его на пересечении, в переходе, в перекрестье двух тенденций. В жизни такие «умные места» сами, без людей, не складываются и не существуют. Кант своим философским творчеством как бы стянул обе тенденции в единое идейное поле, но не соединил, а заполнил некоторый скачок, переход в пространство свободы, которая еще не успела стать новой необходимостью (законы купли-продажи, конъюнктура рынка, формирование потребностей массового человека-потребителя и т.п.). В этом переходе, в Умном месте по имени Кант как раз и *собралась* идея бескорыстного любования, наслаждения, неутилитарной пользы.

В истории философии не часто говорят о таких «умных местах». Самый известный пример – научная и личная биография Маркса и Энгельса, которые, перейдя с позиции буржуазии на позицию пролетариата, в пространстве самого этого перехода отчетливо увидели структуру основного классового отношения классического капитализма. Это *видение* стало впоследствии идейной основой значимых практических действий масс и сложившихся из них исторических событий: мощных социальных движений, глобальных общественных перемен.

Естественно, «умное место» Канта уже в силу специфики своего предмета к таким радикальным сдвигам в социуме не могло и не должно было привести, но зато в области эстетики буквально началась новая эпоха. Причем началась она удивительным образом с некоторого почти произвольного допущения. Кантовские термины «благорасположение как свобода от интереса», «благосклонность» и «незаинтересованное удовольствие» отождествили с «бескорыстным наслаждением». Произошло это, по всей вероятности, в результате ряда смысловых сдвигов. Интерес стал пониматься главным образом как экономический, соответственно, незаинтересованность стала мыслиться за его пределами, т.е. оказалась «бескорыстной».

Итак, свобода от интереса. Но от какого? Вероятно, в первую очередь, от корыстного, прагматического. Именно отсюда растёт отождествление бескорыстного наслаждения и незаинтересованного удовольствия, та значимая перспектива развития Умного места «Кант», которая самим Кантом, опять же, не обозначена и не осознана. Такое отождествление поднимает эстетическое чувство на высоту пафоса, буквально сравнимую с пафосом религиозного отношения. И мы находим в далеком даже относительно Канта прошлом своеобразные аналоги, точнее, «предтечи» такого отношения. Например, у Эриугены, который утверждал бескорыстное отношение к любой красоте, но лишь потому, что это всегда от Бога, а к Богу можно относиться только бескорыстно [4, с. 292-293]. Это до сего дня очень значимая мысль, в жизни мало кто так может, все у Бога чего-то просят. А надо как-то совсем иначе. Однажды мальчик-шестиклассник писал сочинение на тему «Если бы я встретился с Богом...». Все одноклассники наперебой придумывали, что бы они у Бога попросили, некоторые хвастались успехами, а наш герой

написал одно предложение: «Если бы я встретился с Богом, я бы его попросил, чтобы он был».

Особой формой прагматического интереса всегда выступал интерес меркантильный, интерес купли-продажи. Конечно, этот интерес нередко затмевает красоту и эстетическую ценность вещи: как известно, торговец минералами «видит только меркантильную стоимость, а не красоту и не своеобразную природу минерала; у него нет минералогического чувства ...» [5, с. 122]. А покупатель? Он уже хотя бы отчасти, хотя бы иногда покупает драгоценный камень не только ради престижа или каких-то других внешних относительно эстетики целей, но и потому, что уже видит эту красоту... Невероятным образом меркантильный мир все равно порождает эпифеномен эстетического вопреки своей товарно-денежной природе.

Однако если понимать эстетическое отношение как свободное вообще от всякого интереса, то возникает закономерный вопрос: может ли человек получать эстетическое впечатление, если ему не интересно? Кажется, нет, но тогда получается, что Кантовское определение эстетического не работает, причем оно не работает уже со времен самого Канта.

В то же время возможно, что всё предыдущее рассуждение – одна сплошная натяжка: действительно, ведь мы читаем книги или смотрим картину, кино – именно потому, что нам *интересно*? Все интеллектуальные, духовные удовольствия случаются, только если нам интересно. Однако Кант ни слова не говорит о наших реальных удовольствиях или интересах. Он судит только о суждениях. Эстетика реальности ему как бы не интересна, но ... в том же тексте постоянно встречаются положения другого порядка. Например, известная кантовская позиция, согласно которой красота того или иного человека выступает символом нравственной макси-

мы, на которую способны другие люди (не обязательно именно этот человек), а в пределе способно все человечество. «Прекрасное есть символ нравственно доброго», – известнейшая формула Канта [6, с. 375]. По сути, в качестве идеала Кант утверждает своеобразную нововременную «калокагатию», но на не-греческий манер: «Античная мысль о калокагatii как единстве нравственно благого и эстетически прекрасного получает теоретическое обоснование: в человеке должны быть прекрасны и чувственная форма и духовное содержание, а это призвано поднять до нравственных высот саму жизнь человека» [7]. Обратим внимание: в этом пассаже речь идет не о суждении, а о сложных реальных нравственно-эстетических отношениях, идеальную форму единства которых выстраивает Кант. Или еще одно известное положение Канта: эстетическое суждение тогда доставляет нам удовольствие, когда опирается на целесообразность – чего? Кажется, уже реальности, природы вещей? Значит, под/за эстетическими суждениями все же стоит некоторая реальность? Кант лишь искусственно воздвигает стену между суждением и реальностью одной рукой, а другой – вольно или невольно – постоянно сам её разрушает, обращается к эстетике самой жизни.

Следовательно, мы не допустили в своем рассуждении никакой натяжки. Итак, Кант говорит о незаинтересованности эстетического суждения, о его практическом бескорыстии, о его *свободе от всякого интереса*. Что это значит? Иногда этот постулат понимали как требование полного равнодушия к выбору предмета изображения в искусстве. Но такое понимание Канта ошибочно. Он считает специфическим для суждения вкуса равнодушие не к тому, *каков предмет*, а равнодушие к вопросу: *существует ли в реальности предмет, изображенный в произведении искусства?* (Например, существо-

вал ли живой прототип, прообраз персонажа литературного произведения или же он только порождение художественного *вымысла*?) Мысль Канта состояла в том, что не важно само по себе существование (или несуществование) предмета (или героя), важна способность *изображения* – и в случае, если предмет (герой) существует, и в случае, если он не существует, – доставлять чувство удовольствия. И в этом Кант, безусловно, прав. Просто современному читателю это представляется самоочевидным, что и понятно: современный человек прошел всю школу истории снижения прямой предметной миметичности искусства. Особенно это касается современного, нефигуративного искусства. Какие у него аналоги в жизни? Не-вещественные, не-телесные, не-предметные ... [см.: 8, с. 320, 391]. Однако в этой «нефигуративности» имплицитно заложена тенденция утраты способности видеть красоту существующего. Из «неважно, существует или нет», выбирается несуществующее, что по определению считается лучшим: гиперреальность – больше и лучше, чем реальность. И чувство красоты мира как такового (кстати, независимо от того, смотрю я на него или нет!) перестает быть ценностью.

Остается лишь понять, почему Кант так сильно против «интереса», заинтересованности. Сам он объясняет это тем, что «всякий интерес предполагает потребность или порождает ее и в качестве определяющего основания нашего одобрения не позволяет суждению о предмете быть свободным» [6, с. 211]. Здесь все верно: если за свое суждение о необходимости присудить художнику премию эксперт ожидает получить «откат», то его суждение никак нельзя назвать свободным от интереса, и откат он может получить, а эстетическое удовольствие при этом – под вопросом. Остается неясным, неужели эстетика великой немецкой классики должна была всерьез заниматься подобными

вещами. В ответ на этот вызов Умное место по имени Кант развернулось во многих направлениях, оказалось больше своего создателя и стало жить самостоятельной жизнью, открывая множественные перспективы развитию мировой эстетической мысли: эстетическое перестало быть просто областью суждений, как у самого Канта, оно обнаруживалось везде и последовательно обретало онтологический статус: уже у Гегеля искусство, эстетическое отношение и впечатление стали выполнять онтологически-метафизические и антропологические задачи: «Искусство нежными руками освобождает человека от природной зависимости и поднимает его над ней...» [9, с. 55]. И это только первый шаг: потом искусство будет поднимать человека уже над его собственной природой, формируя каждый раз его новые антропологические характеристики, о-естествляя их и совершенствуя тем самым собственную природу человека.

У Ф. Ницше мир и бытие получали оправдание только как эстетический феномен [10, с. 155]. У М. Хайдеггера самым надежным способом полагания истины бытия было признано художественное творение: «Поскольку сущности истины принадлежит устройство вовнутрь сущего и только так истина становится истиной, в сущности истины заключено влечение к творению как выдающейся возможности стать истиной, сущей среди сущего» [11, с. 297]. М.К. Мамардашвили написал целую книгу об эстетике мышления как об онтологическом процессе [12]. Список можно продолжать.

Эстетика стала онтологической. Ее положения: истина не ради каких-то внешних целей, а ради себя самой, она бескорыстна и потому эстетична; красота есть, и она тоже может быть ни за чем, для себя самой и для нас. Позволим себе одну филологическую шутку: «для» – не предлог, а деепричастие от глагола «длить». Тогда красота «для

нас» – это чтобы мы длились. И это всё. Точка. И искусство, конечно же – ради самого искусства. Здесь закончилось Просвещение: у искусства перестали искать функции, а Кант стал последним философом Просвещения и первым философом, основателем немецкой классики. Не только в сфере теории познания и этики, но также и в эстетике.

Однако сейчас это «умное место» в истории искусства и эстетики, которое в свое время создал Кант, ушло в далекое прошлое. Сегодня все существует, происходит и делается *для чего-то*, ничто не *просто так*. Тогда кантовское «незаинтересованное и свободное удовольствие» на почве современности снова не работает?

Когда в эстетику Канта, в эстетику суждений вдохнули совсем другие смыслы (эстетика в реальности, в жизни и в бытии), стало очевидно, что этот чистый бескорыстный взгляд возможен только там, где *интересно*, и никак иначе. Эта ситуация современности не лучше и не хуже, чем кантовская. Просто она другая и, соответственно, порождает новые вопросы. Что сегодня значит «интересно»? Луна-парк с комнатой ужасов для детей и квест для взрослых – это ведь тоже в каком-то смысле интересно и для посетителей даже вполне бескорыстно. А уж как интересно, когда вашу прабабушку на старинной фотографии XIX века искусственный интеллект учит улыбаться и кивать вам головой! И все же что-то здесь не так, не по-кантовски. Не-возвышенный ужас в комнате страха и кунштюк, фокус игры искусственного разума как-то не дотягивают до кантовской эстетики. В этом смысле философ-классик продолжает свою работу – стоит на страже нормального, высокого эстетического чувства: «... из всех ... видов удовольствия лишь удовольствие от прекрасного есть незаинтересованное и свободное удовольствие» [6, с. 211]. Сегодня от эстетики Канта расходятся лучи в самых раз-

личных направлениях, и читается Кант сегодня очень по-разному. И разве не заслуга современной, неклассической эстетики, что она вдохнула новые смыслы в классическую кантовскую, «вчитала» в нее красоту материального мира, эстетическую природу бытия, открыла новые перспективы? Кант неожиданно оказался весьма податлив к новым онтологическим смыслам современной эстетики. И случилось чудо: на поле онтологической эстетики, на пространстве эстетики жизни и бытия кантовская «свобода от интереса» соединилась с логикой бескорыстия и ... заработала!

Сегодня Кант попадает в забавную ситуацию, хорошо известную русской революционно-демократической критике в лице Белинского и Писарева, а также представителям философии постмодерна: не важно, что он сказал, важно, что сказало¹. А сказало следующее: эстетическое – отношение ко всему как к самоценности и самоцели, свободное от практического (прагматического) интереса, бескорыстное отношение к чему/кому-либо на самом деле есть *отношение самого, может быть, главного интереса*.

А если все же читать Канта в современности буквально, то ситуация, когда уже совсем нет места интересу – это трагическая ситуация смертельно раненого солдата, когда он знает, что это всё, больше уже ничего не будет. Это момент единства места, времени и действия, когда не только будущего, но и прошлого нет. Это практически невозможный момент сосредоточения на настоящем, на том, что есть здесь и сейчас. И если человек в этот момент имеет силы и мужество смотреть, слушать

и мыслить, то возвышает ситуацию до трагизма, потому что именно этот последний взгляд открывает все самые простые и одновременно глубинные смыслы в их абсолютной непреложности и бескорыстности. Кажется, первым это понял Лев Толстой или его герой князь Андрей Болконский, раненым вдруг увидевший высокое бесконечное небо Аустерлица, когда ничего и нигде для него уже просто не существовало, «ничего, кроме этого бесконечного неба». И потом, еще раз, уже смертельно раненный на Бородинском сражении: «“Неужели это смерть?” думал князь Андрей... “Я не могу, я не хочу умереть, я люблю жизнь, люблю эту траву, землю, воздух...”» [14, с. 223]. Э. Соловьев, исследователь творчества Э. Хемингуэя, не случайно назвал свой очерк о нем «Цвет трагедии белый». Джейк Барнс, герой «Фиесты», в своем взгляде на жизнь очень на князя Андрея: «Восприятие Джейка Барнса постоянно остается на уровне катарсиса, который обеспечивала война. Каждую вещь и каждое событие он умеет видеть так, как увидел бы ее солдат, находящийся на грани гибели. Джейк живет в сознании незаместимой ценности мгновения: в любую минуту мир существует для него «в первый и последний раз» – так, словно он поставил перед собой задачу удержать каждое переживание для вечности и умереть с ним» [15, с. 262].

На такой основе эстетика из теории прекрасного, какой она была в эпоху начатой Кантом классики, становится эстетикой трагического. Вот что, в частности, как мне представляется, сказало в одной из возможных версий современного прочтения Канта. С Кантом классическая эстетика прекрасного заканчивается, хотя она еще почти не начиналась, и наступает эпоха уже совсем другой эстетики – эстетики трагического. Точнее, трагического оптимизма.

¹ См., например: Писарев Д.И. Базаров: «Создавая Базарова, Тургенев хотел разбить его в прах и вместо того отдал ему полную дань справедливого уважения. Он хотел сказать: наше молодое поколение идет по ложной дороге, и сказал: в нашем молодом поколении вся наша надежда» [13].

Список литературы / References

1. Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности (диссертация) / Н.Г. Чернышевский. Избранные философские сочинения. В трех томах. – Т.1. – М.: Госполитиздат, 1950. – с. 53-166.
Chernyshevsky N.G. Aesthetic relations of art to reality (dissertation) / N.G. Chernyshevsky. Selected philosophical works. In three volumes. - Vol. 1. - М.: Gospolitizdat, 1950. – P. 53-166 (In Russ.).
2. Гадамер Г.Х. Эстетика и герменевтика / Г.Х. Гадамер. Актуальность прекрасного: [пер. с нем.]. – М.: Искусство, 1991. С. 256-265.
Gadamer G.H. Aesthetics and hermeneutics / G.H. Gadamer. [translated from German]. – Moscow: Art, 1991. – P. 256-265 (In Russ.).
3. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. Немецкий культурный центр имени Гете. – М.: МЕДИУМ, 1996. – С. 15-65.
Benjamin W. The Work of Art in the Age of its Technical Reproducibility. Selected Essays. Goethe German Cultural Centre. – М.: MEDIUM, 1996. – P. 15-65 (In Russ.).
4. История эстетической мысли. В 6-ти т. Т.1. Древний мир. Средние века в Европе. – М.: Искусство, 1982. – 464 с.
History of Aesthetic Thought. In 6 vols. Vol. 1. The Ancient World. Middle Ages in Europe. – Moscow: Art, 1982. – 464 p. (In Russ.).
5. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г.: [Коммунизм] / К. Маркс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Изд-во полит. лит., 1974. – Т. 42. – С. 113–127.
Marx K. Economic-Philosophical Manuscripts of 1844: [Communism] / K. Marx // Works / K. Marx, F. Engels. - 2nd ed. - М.: Izdvo Polit. lit., 1974. - Т. 42. - P. 113-127 (In Russ.).
6. Кант, Иммануил. Критика способности суждения. / Иммануил Кант. Сочинения в шести томах. Т. 5. – М.: Мысль, 1966. – 364 с.
Kant, Immanuel. Critique of the faculty of judgement. / Immanuel Kant. Works in six volumes. V. 5. – Moscow: Mysl, 1966. – 364 p. (In Russ.).
7. Нарский И.С. Актуальный Кант ныне <https://kant300.kantiana.ru/articles/igor-narskiy-ot-vzaimoprotivopostavleniya-k-edinstvu-osnovnye-tendentsii-ucheniya-kanta-o-prekrasnom> (дата обращения 19.01.2025).
Narsky I.S. Actual Kant Nowadays <https://kant300.kantiana.ru/articles/igor-narskiy-ot-vzaimoprotivopostavleniya-k-edinstvu-osnovnye-tendentsii-ucheniya-kanta-o-prekrasnom> (accessed 19.01.2025). (In Russ.).
8. Бычков В.В. Эстетика: Учебник для вузов. – М.: Академический Проект, 2020. – 452 с.
Bychkov V.V. Aesthetics: Textbook for universities. – Moscow: Academic Project, 2020. – 452 p. (In Russ.).
9. Гегель Г. В.-Ф. Эстетика. В 4 т. Т. 1. – М.: Искусство, 1968. – XVI, 312 с.
Hegel G. W.-F. Aesthetics. In 4 vol. T. 1. – Moscow: Art, 1968. – XVI, 312 p. (In Russ.).
10. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки // Стихотворения. Философская проза / Ф. Ницше. – СПб.: Художественная литература, 1993 – С. 130–249.
Nietzsche F. Birth of tragedy from the spirit of music // Poems. Philosophical prose / F. Nietzsche. - SPb.: Khudozhestvennaya Literatura, 1993 – P. 130-249. (In Russ.).
11. Хайдеггер М. Исток художественного творения / М. Хайдеггер // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: трактаты, статьи, эссе. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 264–313.
Heidegger M. The Origin of Work of Art / M. Heidegger // Foreign Aesthetics and Theory of Literature of XIX-XX centuries: treatises, articles, essays. – Moscow University Press, 1987. - P. 264-313. (In Russ.).
12. Мамардашвили М.К. Эстетика мышления – М.: Моск. шк. полит. исслед., 2000. – 414 с.
Mamardashvili M.K. The Aesthetics of Thinking – Moscow: Moscow School of Political Research, 2000. – 414 p. (In Russ.).
13. Писарев Д.И. Базаров. <https://ilibrary.ru/text/4549/p.5/index.html> (дата обращения 25.02.2025).

Pisarev D.I. Bazarov. <https://ilibrary.ru/text/4549/p.5/index.html> (accessed 25.02.2025). (In Russ.).

14. Толстой Л.Н. Война и мир. Т.3. Часть 2. Гл. XXXVII / Л.Н. Толстой. Собрание художественных произведений. Т. 5. – М.: Правда, 1948. – 351 с.

Tolstoy L.N. War and Peace. Vol. 3. Part 2. Chapter XXXVII / L.N. Tolstoy. Collected Works of Art. T. 5. - Moscow: Pravda, 1948. – 351 p. (In Russ.).

15. Соловьев Э.Ю. Цвет трагедии белый / Эрих Соловьев. Прошлое толкует нас: очерки по истории и философии культуры / Э. Ю. Соловьев. – М.: Политиздат, 1991. – 430 с.

Solovyov E.Y. The colour of tragedy is white / Erich Solovyov. The past interprets us: essays on the history and philosophy of culture / E. Yu. Soloviev. - Moscow: Politizdat, 1991. – 430 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Шатунова Татьяна Михайловна, докт. филос. наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра социальной философии. Author ID 72657; ORCID ID 0000-0002-9133-2750; Scopus Author ID 56933802600; Web of Science Researcher ID P-7326-2015, e-mail: shatunovat@mail.ru

Information about author

Shatunova Tatiana Michailovna, Doctor of Philosophy, Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of Social Philosophy. Author ID 72657; ORCID ID 0000-0002-9133-2750; Scopus Author ID 56933802600; Web of Science Researcher ID P-7326-2015, e-mail: shatunovat@mail.ru

Поступила в редакцию 07.03.2025; принята к публикации 20.03.2025.
Received 07.03.2025; Accepted 20.03.2025.